

Правительство Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии
Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Ассамблея народов Оренбургской области

НАРОДЫ КАВКАЗА В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

*Материалы Всероссийской
научно-практической конференции,
посвящённой 200-летию
вхождения Дагестана в состав России*

Оренбург, 2014

УДК 39:94(470.56)(063)
ББК 63.521(=60)+63.3(235.55)
НЗ0

НЗ0 Народы Кавказа в Уральском регионе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 200-летию вхождения Дагестана в состав России. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 136 с.

ISBN 978-5-4417-0449-6

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Кавказа в Уральском регионе», посвящённой 200-летию вхождения Дагестана в состав России (24 октября 2013 г., Оренбург). Книга объединяет статьи, раскрывающие исторические процессы интеграции и развития Кавказского региона в Российской империи и СССР, богатейшую материальную и духовную культуру его многочисленных народов в творческом взаимодействии с русской цивилизацией, связи Кавказа с Уралом, формирование в Оренбуржье самобытных диаспор армян, грузин, турок-месхетинцев, их вклад в социальный прогресс края. Издание адресовано широкому кругу читателей, учёных и специалистов, интересующихся историей и современным положением народов Южного Урала.

УДК 39:94(470.56)(063)
ББК 63.521(=60)+63.3(235.55)

ISBN 978-5-4417-0449-6

© Коллектив авторов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Димов О. Д. (г. Оренбург) Приветственное слово</i>	5
<i>Кидирниязов Д. С. (г. Махачкала) 200 лет в составе России – Гюлистанский мирный договор 1813 года</i>	8
<i>Далгат Э. М. (г. Махачкала) Россия и Дагестан – общая судьба</i>	25
<i>Злобин Ю. П. (г. Оренбург) Военно-народное управление в Дагестане в XIX – начале XX века</i>	30
<i>Ахмедова Р. А. (г. Махачкала), Вагабов М. М. (г. Москва) Регионально-исторические особенности дагестанской литературной системы</i>	47
<i>Ахмедова Р. А. (г. Махачкала) Интеграция дагестанской литературы в русское культурное пространство</i>	53
<i>Миронова Е. А. (г. Оренбург) «И ненависть безмерна, как любовь»: национальные конфликты через призму русской классики</i>	61
<i>Надришин Ф. М. (г. Оренбург) Чеченские пословицы и поговорки</i>	66
<i>Джанвелян М. Г. (г. Оренбург) Памятник истории и культуры Татевский монастырь</i>	75
<i>Юсифов Р. Х. (г. Оренбург) Дербент – древнейший город России</i>	78
<i>Семёнов В. Г., Семёнов О. В. (г. Оренбург) Оренбуржцы на Кавказе – выходцы Кавказа в Оренбургском крае</i>	84
<i>Денисов Д. Н. (г. Оренбург) Грузинская диаспора Оренбуржья в конце XVIII – начале XXI веков</i>	92

<i>Амелин В. В., Денисов Д. Н. (г. Оренбург) Верующие Армянской Апостольской Церкви в Оренбургском крае (середина XVIII – начало XXI веков) .....</i>	100
<i>Амелин В. В. (г. Оренбург) Новые этнические группы Оренбуржья: турки-месхетинцы .....</i>	110
<i>Лутцев М. В. (г. Оренбург) Россия и Кавказ: характер взаимоотношений вчера, сегодня, завтра (политико-философский анализ исторической ретроспективы) .....</i>	114
<i>Мишучков А. А. (г. Оренбург) Проблема миграции русских из Дагестана: цивилизационный аспект .....</i>	125
Сведения об авторах	133

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники конференции!

Разрешите сердечно приветствовать вас от имени Губернатора Оренбургской области Ю. А. Берга и поздравить с началом работы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Кавказа в Уральском регионе», посвященной 200-летию вхождения Дагестана в состав России.

Исторически Россия складывалась как многонациональное государство, где бок о бок жили народы различавшиеся языками, традициями и верованиями.

Оренбургский край, расположенный на стыке Европы и Азии, с самого своего основания оказался непосредственной зоной контактов двух культур – азиатской и европейской, двух мировых религий – христианской и мусульманской, тюркских, славянских и других языков.

Свой яркий след в истории Оренбуржья оставили и народы Кавказа. Навеки с нашей областью связаны имена армянского поэта и общественного деятеля Ваана Терьяна, талантливого военачальника Гая Дмитриевича Гая (Гайка Бжишкяна).

Со времени основания и на протяжении почти двух веков Оренбургская губерния использовалась царскими властями в качестве места административной высылки лиц, признанных политически неблагонадежными, в том числе и из Кавказского региона. Так, например, в 1846 году кавказский областной начальник распорядился выслать сроком на 10 лет из Кизляра в города Оренбургской губернии 10 человек как лиц, «общающихся со злонамеренными людьми, участвующими в разных противозаконных поступках». Позже под надзор полиции в Оренбург высылались кавказские революционеры.

История формирования многонационального оренбургского социума, находит отражение и в нашей сегодняшней жизни. В Оренбургской области, по данным последней переписи 2010 г., в традиционном добрососедстве проживают представители 126 национальностей и 18 конфессий.

Такое разнообразие этнического и религиозного состава населения Оренбуржья предопределяет специфику деятельности органов государственной власти по сохранению и развитию национальных культур.

В Оренбургской области успешно реализуются целевые программы, направленные на сохранение культурного наследия, поддержку традиционного народного искусства, социокультурную интеграцию и патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Во многом благодаря вниманию органов власти к вопросам межнациональных отношений, взаимодействию с институтами гражданского общества, планомерной работе Оренбуржье входит в число этнополитически стабильных регионов.

Успешно реализуется ведомственная целевая программа Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области «Реализация модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2013–2015 годы».

Основное внимание в действующей программе национальной политики уделяется именно созданию условий для сохранения, развития и пропаганды этнокультурного наследия народов Оренбуржья.

Еще одним важным направлением реализации данной программы является поддержка деятельности национально-культурных общественных объединений. Всего в области в настоящее время насчитывается 127 национальных объединений, осуществляющих большую и разноплановую работу, направленную на сохранение и развитие самобытных национальных культур народов Оренбуржья.

Среди них достойное место по праву занимают и национальные центры, представляющие кавказские народы: армян, азербайджанцев, грузин, дагестанцев, чеченцев и ингушей.

По официальным данным переписи 2010 г., в Оренбургской области проживают представители 27 народов Кавказа: 10547 армян, 7421 азербайджанец, 1159 турок, 1059 чеченцев, 865 грузин, 569 даргинцев, 558 лезгин, 254 аварца, 243 осетина, 204 рутульца, 119 кумыков, 98 ингушей, 84 кабардинца, 64 лакца, 59 табасаран, 35 карачаевцев, 29 черкесов, 24 агула, 27 ногайцев, 19 адыгейцев, 18 абхазов, 16 балкарцев, 12 цахуров, 4 абазина, 3 тата, 1 горский еврей, 1 удин.

Учитывая миграционные процессы, есть все основания предполагать, что реальная численность представителей этих народов в Оренбургской области значительно выше.

В целях создания условий для сохранения национальных культур этих народов в Оренбуржье действуют 5 армянских и 5 азербайджанских национально-культурных объединений, 6 дагестанских национальных центров, 2 чечено-ингушских и 1 грузинское общество.

Представители этих центров принимают активное участие в общественной и культурной жизни Оренбуржья. Ежегодно проводятся фестивали армянской культуры. Издано 2 сборника научных конференций, посвященных армянам Оренбуржья. В ноябре 2012 г. дагестанским обществом, при поддержке Правительства области, были организованы и проведены Дни дагестанской культуры в Оренбурге. Дагестанский творческий коллектив традиционно принимает участие в проведении межнационального областного праздника «Науруз».

Есть, конечно, и определенные проблемные вопросы, связанные с современными миграционными процессами, с осуществлением комплекса мер по интеграции и адаптации мигрантов. И сегодня имеется хорошая возможность обсудить эти и многие другие вопросы на высоком научном уровне, выработать научно обоснованные рекомендации и предложения.

Убежден, что проведение сегодняшней конференции, открытый и заинтересованный диалог, будут способствовать дальнейшей гармонизации всего комплекса межнациональных отношений в Оренбургской области.

Дорогие друзья!

Разрешите ещё раз поздравить всех собравшихся здесь с началом работы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Кавказа в Уральском регионе», посвященной 200-летию вхождения Дагестана в состав России.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых научных открытий.

200 ЛЕТ В СОСТАВЕ РОССИИ – ГЮЛИСТАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1813 ГОДА

Как известно, в начале XIX в. Россия воевала с шахским Ираном (1804–1813 гг.) и султанской Турцией (1806–1812 гг.).

Между тем, Россия, участвуя в очередной антифранцузской коалиции, вынуждена была все свои вооруженные силы сконцентрировать на западных границах страны. В связи с этим в распоряжении командующего российским войском на Кавказе генерал-лейтенанта П. Д. Цицианова находилось только около 7 тыс. человек против 50 тыс. иранских¹. Но несмотря на такой численный перевес, иранский шах обратился с предложением к России возобновить мирные переговоры². В ответ командующий российскими войсками на Кавказе генерал-лейтенант Цицианов выдвинул неприемлемые для шаха условия, что затянуло переговоры. За это время русским войскам удалось захватить Карабахское ханство.

В ответ на действия российских войск иранский шах дает приказ своим войскам начать в июне 1805 г. генеральное наступление по всему фронту. Войска Аббас-Мирзы окружили русские отряды под командованием полковника Карягина при Аскаране и Шах-Балахе. Однако в начале июля, генерал-лейтенанту П. Д. Цицианову удалось вытеснить иранские войска за р. Аракс³. Российское правительство дало указание командующему российскими войсками на Кавказе заключить мир с Ираном. Кроме того, ему сообщили о решении России «прекратить военные действия в Персии» и вести оборонительные действия только на территории Дагестана⁴.

Мир с Персией необходим был не только для освобождения рук на случай войны с османами, но и преследовал другую важную цель – заключить союз против султана. Однако в конце 1805 г. генерал-лейтенант П. Д. Цицианов был убит под Баку, что резко изменило ситуацию на Кавказе. Военная кампания осени 1805 г. завершилась разгромом персидских войск под Елисаветполем, но русским войскам не удалось добиться своей главной цели⁵.

Поражение третьей антифранцузской коалиции под Аустерлицем 14 декабря 1805 г., заключение франко-австрийского союза резко изменили соотношение сил в Европе. Россия, являвшаяся главной вдох-

новительницей создания третьей коалиции, теперь решила пойти на сближение с Францией⁶.

Россия, учитывая осложнение ситуации в Европе и предвидя возможность начала войны с Портой, предпринимала неоднократные попытки прекратить войну с шахским Ираном и заключить мир. Персия со своей стороны тоже хотела этого. Но выдвинутые российским правительством условия мира для шаха оказались неприемлемыми, и переговоры были прерваны. Военные приготовления с обеих сторон возобновились⁷.

В разработанном плане военной кампании на 1806 г. особый акцент шах делал на силы верных Персии владетелей Дагестана и Азербайджана. По плану персов дагестанские отряды должны были выполнить следующие задачи – отвлечь русские войска с одной стороны от Елисаветполя, заманив их в Нуху, с другой – окружить их в плотное кольцо от Алазани до Джар. При этом нужно было успеть выполнить намеченные задачи до подхода дополнительных российских войск из Тифлиса. В свою очередь, Аббас-Мирза должен был оказывать необходимую помощь дагестанским отрядам. Также решено было шахом выделить дополнительные финансовые средства для найма дагестанцев⁸. Так, сменивший П. Д. Цицианова новый командующий российскими войсками на Кавказе генерал И. В. Глазенап в марте 1806 г. сообщил в Петербург о прибытии из Персии в Нуху посланников шаха с 30 тыс. червонцев для найма дагестанского ополчения⁹. Он также известил правительство о готовящемся наступлении иранских войск, о поставленной задаче перед наемниками из Дагестана пройти вглубь Грузии¹⁰. Следует отметить, что весной 1806 г. Сурхай-хан казикумухский был занят сбором наемников из дагестанцев, обещая «платить каждому по сорока пяти рублей»¹¹. Чтобы воспрепятствовать объединению всех этих сил, генерал Глазенап предлагал осуществить стремительное наступление с территории Дагестана, а на границе с Турцией «держаться на оборонительной ноге»¹².

Кроме того, генерал И. В. Глазенап, ставя в известность российское правительство о событиях на Кавказе, давал, в частности, оценку политической ситуации в Дагестане и характеристику некоторым владетелям Дагестана. Так, по его мнению, пророссийски настроенный шамхал – неавторитетный владетель: «... Ахмед-хан аварский присоединился к врагам России; Сурхай-хан, сильный владелец, не покорился России; на подданство Ших-Али-хана полагаться не следует; уцмий Каракайтала и кадий Табасарана мало подають надежд к выпол-

нению своих обязательств. Вообще, за Дагестаном надо иметь острый глаз»¹³.

Таким образом, полученные документальные данные свидетельствовали о возрастании роли Дагестана в стратегических планах шахского Ирана. Все это обязывало «меня отвратить от общего предприятия, сделать диверсию движением отряда войск из Кизляра ко владениям дагестанским», – указывал командующий российскими войсками генерал Глазенап¹⁴.

В мае 1806 г. генерал И. В. Глазенап, прибыв в Дагестан, отмечал, что хотя и продолжается агитация шахских эмиссаров, но большинство владетелей Дагестана «... подвергают себя к покорности» к России. Характеризуя Ших-Али-хана дербентского, командующий российскими войсками указывал, что дербентский хан «льстит себя пустыми обещаниями Баба-хана утвердить его владельцем всех приморских ханств»¹⁵.

В начале 1806 г. Сурхай-хан казикумухский начал сбор ополчения из дагестанцев. Ему удалось договориться с Ахмед-ханом аварским и грузинским царевичем Алексадром, которые должны были прибыть для встречи с ним в дагестанское с. Алмало. Кроме того, дербентский и шемахинский ханы должны были соединить свои отряды в Нухе, затем выдвинуть их в сторону Елисаветполя для соединения с сыном шаха Аббас-Мирзою¹⁶. В начале весны 1806 г. Сурхай-хан сообщил об этих планах иранскому шаху¹⁷.

Между тем к концу июля 1806 г. отряды правителя Шеки и грузинского царевича Александра остановились вблизи Елисаветполя¹⁸.

Командующий российскими войсками генерал И. В. Глазенап, проанализировав сложившуюся ситуацию, отправил небольшие воинские силы в Грузию, а сам с основными силами из Кизляра, перейдя «... за Терек, стал в направлении Тифлиса и Елисаветполя»¹⁹.

Таким образом, планы персов были сорваны, с одной стороны, продвижением русских войск в Дагестан, а с другой – поражением иранской армии во главе с Аббас-Мирзой под Елисаветполем. Казикумухский владетель Сурхай-хан, учитывая изменившуюся расстановку сил, решил сохранить свои военные отряды, вернув их обратно в Дагестан²⁰.

К продвигавшимся российским отрядам в сторону Дербента присоединилось войско шамхала. Планы иранцев дать отпор российским войскам под Дербентом были сорваны жителями Дербента. 21 июня 1806 г. дербентские жители во главе с беком Али-Пенах «... выгнали

непокорного Ших-Али-хана дербентского, а на другой день приведены были к присяге на вечную верность и подданство» России²¹. В знак благодарности генерал И. В. Глазенап освободил дербентцев от подводной повинности²².

В сентябре 1806 г. командующий российскими войсками генерал И. В. Глазенап назначил тарковского шамхала владетелем «Дербентским и Дагестанским» с предоставлением права «пользоваться доходами» ханства, за исключением «доходов с города Дербента». Кроме того, его подданные освобождались от уплаты дани в российскую казну. Вскоре после взятия генералом С. А. Булгаковым Бакинского и Кубинского ханств во владение шамхалу была передана и Кубинская провинция²³.

Ших-Али-хан дербентский, спасшийся бегством в Кубу, решил собрать ополчение для оказания сопротивления российским войскам. С этой целью он обратился к иранскому шаху и дагестанским владетелям. Вскоре к нему подошла помощь. Но российские войска быстро рассеяли отряды Ших-Али-хана, состоявшие из персов, Сурхай-хана, и заставили иранцев отступить в Муганскую степь²⁴.

После взятия российскими войсками г. Баку командующий российскими войсками генерал И. В. Глазенап решил окончательно покончить с Ших-Али-ханом дербентским. Для этого в октябре 1806 г. отряды генерала С. А. Булгакова были направлены в сторону Кубы. Узнав об этом и не имея достаточных сил для продолжения борьбы, Ших-Али-хан обратился к российскому командованию с просьбой о прощении. Генерал И. В. Глазенап с целью раскола союза Ших-Али-хана с казикумухским владетелем Сурхай-ханом согласился с предложением дербентского владетеля. Российское командование, взяв от него присягу на верность России, отняло также у него и Кубинское ханство, выделив ему только одно село²⁵. Разумеется, такой поворот событий разозлил дербентского владетеля и он продолжил борьбу против российских войск. Ших-Али-хан вновь начал сбор ополчения, но вскоре был вынужден бежать в Табасаран к своему зятю Абдуллабеку, сыну Рустам-кадия. Преследовавшие дербентского владетеля российские части разорили и сожгли резиденцию Абдуллабека в с. Эрси. Ших-Али-хан спасся бегством в Казикумух²⁶.

Таким образом, к концу 1806 г. на первый план в борьбе российских войск выходит Сурхай-хан Казикумухский, против которого были выдвинуты российские отряды во главе с генералом С. А. Булгаковым. Дойдя до Цахура, российское командование потребовало от ка-

зикумухского владетеля принять российское подданство. Приближавшееся на помощь Сурхай-хану ополчение Ших-Али-хана изменило намерения российского командования. С. А. Булгаков, дойдя со своим отрядом до Казикумуха, ограничился принятием Сурхай-ханом присяги на верность России и обещанием казикумухского владетеля платить ежегодную дань в 3 тыс. червонцев²⁷.

Итак, к концу 1806 г. на Южном Кавказе в сфере влияния иранского шаха остались только Эриванское и Нахичеванское ханства.

Петербург, учитывая сложную международную обстановку и ухудшающиеся отношения с Портой, предпринял очередную попытку заключить мир с Персией. Новый раунд переговоров также закончился безуспешно.

Как правильно указывал М. Н. Покровский, Россия вела успешно войну с шахским Ираном, когда она была изолирована от общеевропейских проблем: «Аббас-Мирза нуждался в Европе для приобретений, и Европа нуждалась в нем»²⁸. Это хорошо понимал и сам иранский шах, считая, что такая расстановка сил расширяет поле для большего маневра. Фетх-Али-хан переложил всю ответственность за поражения иранских войск в войне с Россией на англичан, которые, по его мнению, не выполняли договорных обязательств 1801 г. Следует отметить, что Англия, оказавшись в тисках французов, желавших отобрать у англичан роль мирового диктата, не могла позволить себе ссориться с Россией. Россия и Англия в этот период являлись основными союзниками по антифранцузской коалиции.

Теперь Франция считала, что настало ее время для комбинаций на Кавказе. Французский император Наполеон поставил цель использовать восточные державы Иран и Турцию в деле раскола антифранцузской коалиции, объединив военные силы османов и персов. Усиление позиций Парижа в Стамбуле, Тегеране, по мнению Наполеона Бонапарта, не только расширяло зону влияния Франции, но и должно было усилить беспокойство российского правительства за безопасность своих южных границ, отвлекая тем самым внимание России от европейских событий.

Поступающие сведения из Франции, Порты и Персии в Петербург подтверждали заинтересованность Парижа в начале новой русско-турецкой войны и в ухудшении обстановки на российско-иранском фронте²⁹.

В июле 1806 г. из Стамбула пришли сведения о прибытии туда нового французского посла Себастиани, имевшего от своего прави-

тельства указания «потребить все способы убеждения и соблазна к восстановлению» османов против России³⁰. Французский посол уверял Порту, что именно сейчас настало благоприятное время для возвращения османам Крыма. Одновременно французские дипломаты продолжали прилагать усилия по созданию тройственного союза: Франции, Порты и Персии против России и Великобритании³¹.

Французской дипломатии удалось уговорить османов и персов в августе 1806 г. сесть за стол переговоров. Кроме того, Франции было отведено место посредников на этих переговорах³².

18 декабря 1806 г. Порта объявила о своем решении разорвать отношения с Россией и о начале войны³³.

Необходимо отметить, что провалилась попытка генерал-аншефа И. В. Гудовича через капитана Степанова, находившегося в Персии и выполнявшего мирную миссию, настроить шаха против Порты. Русский офицер пытался убедить иранского шаха в том, что персам «весьма полезно быть с нами (Россией – Д. К.) в союзе ... сделавши с нами союз, могут в одно лето приобрести от турок... бывшие персидские провинции, как, например, Эрзерум, Баязет...»³⁴.

С началом российско-османской войны 1806–1812 гг. усиливается идеологическая пропаганда османских эмиссаров на Северо-Восточном Кавказе. На Южный и Северо-Восточный Кавказ Порта посылала фирманы султана, в которых тот призывал всех подняться на «священную войну». Аббас-Мирза и Юсуф-паша эрзерумский обратились с аналогичными воззваниями, которые были перехвачены русскими. Аббас-Мирза в письме к акушинскому кадию информировал его об установлении дружественных отношений между османами и персами, цель которых состояла в изгнании «из пределов Ирана и всех областей Дагестана» российских войск. Он призывал также собрать ополченцев из всех владений Дагестана для оказания военной помощи шаху. Обращения с такими предложениями были также направлены Сурхай-хану, табасаранскому кадию, обществу Джаро-Белокан и др.³⁵.

Следует подчеркнуть, что усилия персидских и османских эмиссаров дали свои результаты. Так, например, чеченцы совершали частые нападения на Кавказскую линию, в целях прекращения которых российское командование организовало военную экспедицию в Чечню с 12 февраля по 18 марта 1807 г. во главе с генералом С. А. Булгаковым³⁶.

Жители чеченских сел обратились за помощью к Дагестану. В ходе похода на Карабулак произошло 7 сражений. Карабулакцы потеряли

300 человек убитыми, после чего приняли присягу на верность России и дали аманатов. Шалинцы, чувствуя малочисленность своих ополченцев и превосходство российских войск, также дали аманатов. Герменчукцы, опираясь на поддержку прибывших дагестанских ополченцев и укрепив свою оборону, решили дать отпор превосходящим их во много раз наступающим российским войскам генерал-майора Лихачева.

После ряда ожесточенных сражений в ходе боя в Ханкалинском ущелье русским удалось одержать победу. В результате 12 чеченских сел выдали 12 аманатов. Чеченцы потеряли убитыми 200 человек. Со стороны русских потери составили убитыми офицеров – 3 и 56 нижних чинов, 104 рядовых и казака³⁷.

Усилившаяся позиция Наполеона Бонапарта была подкреплена Финкенштейнским союзом Франции и Ирана от 4 мая 1807 г. Согласно этому союзу французы обязались помочь Ирану в борьбе с Россией за восточную часть Западного Кавказа, Азербайджан и Дагестан. Кроме того, Франция обещала помочь в перевооружении и обучении иранской армии и т. д.³⁸. Персия со своей стороны должна была прервать всякие отношения с Англией³⁹.

В 1807 г. при прямом участии французской дипломатии шахский Иран и султанская Турция пришли к соглашению о совместных действиях против России в намечаемой военной кампании.

Обстановка в Европе менялась так быстро, что следовавшие за французской и английской дипломатией шахские и султанские министры не успевали вовремя менять свой внешнеполитический курс. В октябре 1807 г. между Россией и Францией был подписан Тильзитский мир. Франция вслед за Англией предпочла пожертвовать интересами на Востоке для решения более важных для нее европейских проблем. Таким образом, Петербург получил свободу действий на юге.

Между тем в июне 1807 г. генерал-майор Гурьев сообщил генерал-лейтенанту И. В. Глазенапу о прибытии в Дагестан османских агентов для «... подания помощи при нападении на корпус на Арпачае, ... обещая войскам их всю плату, какую пожелают, и что по сему случаю примечено движение между народом»⁴⁰. А в отчете Орбелиани к И. В. Гудовичу от 21 июля 1807 г. указывалось на нахождение в Ахалцихском пашалыкстве 7-тысячного отряда из Дагестана⁴¹.

К этому времени в Порте и Персии уже был разработан план совместных действий против российских войск. Так, султанские войска должны были выступить с запада к месту передислокации российских

войск, а с востока – иранские войска. Турецкий сераскер Юсуп-паша направился в сторону Арпачая на соединение с шахской армией. Персия, уверенная в победе османов, сосредоточила на границе 35-тысячное войско и до исхода Арпачайского сражения (17–18 июня 1807 г.) выдвинула свои основные силы к северному направлению. Однако в этом сражении победу одержали российские войска, а османы, потеряв значительные людские и военные силы, вынуждены были ретироваться⁴². Аббас-Мирза предпочел сохранить свои военные силы и повернул свое войско, так и не вступив в военные действия против русских. Таким образом, победа российских войск в битве под Арпачаем сорвала план совместного выступления персов и османов⁴³.

Неосуществленный план совместного выступления с османами не привел к отказу иранского шаха от дальнейших притязаний на Северо-Восточный Кавказ и Грузию. Так, осенью 1807 г. к командующему российскими войсками на Кавказе поступило сообщение от коменданта Баку генерал-майора Гурьева о попытках шаха переманить на свою сторону наиба Дербента Али-Пенах-бека. Иранское правительство предложило ему организовать восстание в Дербенте и позвать якобы на помощь шахские войска, обещав Али-Пенах-беку крупную сумму денег. Но наиб Дербента не только отказался от предложения персов, но и выдал российскому командованию шахских посланников⁴⁴.

В октябре 1807 г. шамхал Тарковский известил российские власти о прибытии от Юсупа-паши посланников к Сурхай-хану, Али-Султану Дженгутайскому, Ахмед-хану Аварскому и аварскому старшине Алисканду с призывом прийти на помощь к ним против русских⁴⁵. Российские власти, получив это сообщение от шамхала и поблагодарив его, вместе с тем дали предписание полковнику Просвиркину с целью прекращения нападений дагестанских владетелей на Грузию запретить тарковскому шамхалу продавать хлеб односельчанам нападающих, «... а скот их угонять и отбирать»⁴⁶.

В целом конец 1807 г. и начало 1808 г. прошли под знаком дипломатических переговоров, как между воюющими сторонами, так и странами, заинтересованными в решении «восточного вопроса», – Великобританией, Францией и Австрией. Это было время усиления позиции Англии и падения авторитета Франции в Порте, несмотря на проходящие в Париже русско-турецкие переговоры⁴⁷.

В 1808 г. шахский Иран, как и султанская Турция, внешне придерживаясь условий перемирия, продолжал вести агитацию на Севе-

ро-Восточном Кавказе. Так, 10 марта 1808 г. генерал-майор Гурьев, комендант Баку, сообщил командующему российскими войсками о распространении слухов о тайных переговорах персов с «лезгинами»⁴⁸. Иранский шах и Аббас-Мирза в своих воззваниях не переставали призывать владетелей Дагестана к борьбе против российских войск и обещали им «... бесчисленные награды и несметные милости наши»⁴⁹.

Итогом антироссийской агитации стала битва у с. Гюйнюк между дагестанскими (20 тыс. чел.) ополченцами во главе с Сурхай-ханом Казикумухским и российскими войсками. В ходе битвы отряды дагестанцев потерпели поражение, оставшиеся в живых во главе с Сурхай-ханом отступили⁵⁰. В июне 1808 г. казикумухский владетель и Ших-Али-хан обратились Порте и Персии с призывом не прекращать борьбу против России⁵¹.

Следуя указаниям иранского шаха, Ших-Али-хан Дербентский вновь предпринял попытку организовать выступление против российских войск в Дагестане и Азербайджане, но потерпел фиаско. Когда он обратился с призывом к дагестанским и азербайджанским владетелям разгромить небольшой российский отряд, дислоцированный под Кубой, то получил отказ от Сурхай-хана и многих лезгинских старшин⁵².

Таким образом, в 1807–1808 гг. провалилась попытка шаха и султана организовать на Северо-Восточном Кавказе мощное выступление против России⁵³.

В конце 1808 г. шах хотел продолжить войну с Россией, но Иран уже не имел достаточных финансовых и военных возможностей вести ее. Помощь Франции была недостаточной⁵⁴, хотя французское правительство со своей стороны убеждало Иран в необходимости продолжения войны⁵⁵.

Недовольство Персии недостаточной помощью Франции в войне с Россией позволило английской дипломатии начать зондирование почвы, имея в виду смещение с занятых позиций французов при шахском дворе. Для решения этой задачи в конце 1808 г. в Тегеран была послана специальная миссия англичан во главе с Джонесом, итогом деятельности которой был подписанный в марте 1809 г. англо-иранский договор, предусматривавший оказание англичанами военно-технической и материальной помощи Ирану в войне с Россией⁵⁶.

Таким образом, условия договора подталкивали иранского шаха к продолжению российско-персидской войны⁵⁷. В конце сентября 1809 г. российскому правительству также стало известно об обращении ан-

глийских дипломатов к иранскому правительству отправить в Петербург миссию с требованием к России добровольно освободить территорию Грузии или это сделает Персия силой оружия⁵⁸. Кроме того, английская дипломатия вела активную деятельность по заключению турецко-иранского договора⁵⁹.

В январе 1809 г. был подписан англо-турецкий договор, направленный против России. В результате возобновились военные действия и на российско-турецком фронте⁶⁰. Следует отметить, что английской дипломатии удалось одержать еще одну дипломатическую победу, организовав союз Порты с Персией, предусматривавший летом 1809 г. объединение у Ахалкалаки военных сил обеих государств против русских войск на Кавказе⁶¹.

Одновременно английское правительство приступило к щедрым субсидированиям антироссийских действий персов на Кавказе⁶². Кроме того, стали поступать большие средства и на Северо-Восточный Кавказ для найма дагестанских ополченцев⁶³.

Осознавая опасность складывающейся ситуации на Кавказе, Россия решила упредить противников – император Александр I в рескрипте от 10 мая 1809 г. потребовал незамедлительно начать наступление на османском фронте и двигаться до победного конца «вплоть до Константинополя»⁶⁴.

Между тем, в конце сентября 1809 г. в Чечню прибыли посланники грузинского царевича Александра, агитировавшие чеченцев воевать против российских войск на Кавказе и предложившие послать свою депутацию к иранскому шаху. Их целью были привлечение чеченцев к союзу с народами Засулакской Кумыкии, Кабарды и Осетии и организация, таким образом, серьезной угрозы военным коммуникациям на Кавказской линии⁶⁵.

Чеченские старейшин и муллы решили предварительно согласовать свои действия с кабардинцами. Через возвращавшихся в Персию посланников было передано письмо шаху и царевичу Александру, в котором они уведомляли о намерении воевать против русских войск. Такое же решение приняли и эндиреевцы⁶⁶.

Вскоре, узнав об этом, правитель Нухи Мамед-Хасан в своем воззвании к народам Дагестана и Чечни призвал «... произвести восстание, ... чтобы Баба-хан с той, а они с этой стороны, общими силами произвели возмущения и беспорядки»⁶⁷.

Изменившаяся расстановка политических сил на Северо-Восточном Кавказе и вокруг него повлияла на казикумухского владетеля

Сурхай-хана. Если в конце 1808 г. он начал переговоры с русскими властями об условиях принятия им подданства России, то в июне следующего 1809 г., став к тому времени одним из руководителей антироссийского выступления, Сурхай-хан заявил, что «... никогда склонным к сему делу не был, да и впредь не намерен сего учинить»⁶⁸. Вскоре казикумухский владетель вместе с Ших-Али-ханом дербентским, отправил своего посланника к иранскому шаху Фетх-Али-хану⁶⁹.

Ситуация в Дагестане в течение всего 1809 г. менялась очень быстро – если в январе 1809 г. на совете представителей Акушинского, Мекегинского, Цудахарского и других сельских обществ было решено ответить отрицательно на предложение дербентского владетеля Ших-Али-хана о совместном выступлении против русских⁷⁰, то уже в мае 1809 г. шамхал писал генералу А. П. Тормасову, что «... некоторые жители Дарго, т. е. Акуша, в намерении дать помощь Ших-Али-хану вошли в сношение с жителями четырех сторон Дагестана» и Султан-Ахмед-хан с братом Хасан-ханом Дженгутаевским «... находятся в связи с Ших-Али-ханом», намереваясь предоставить ему военные отряды⁷¹.

Таким образом, дербентскому владетелю, используя большие финансовые вливания из шахской казны, удалось набрать наемные силы из ранее отказавшихся дагестанских обществ⁷².

Уже к лету 1809 г. в регионе в антироссийское движение включились жители Засулакской Кумыкии, народы предгорного и нагорного Дагестана, Чечни и Азербайджана.

Российское правительство, учитывая осложнение обстановки на границах с Османской империей и шахским Ираном, предписало генералу А. П. Тормасову «под строжайшим наказанием» запретить местному населению «всякие сношения, как с Персией, так и Портой»⁷³. Изучив позицию Порты, российское правительство пришло к выводу, «... что если и действительно разрыв с ними последует, то они так же, как и персияне, несомненно станут вооружать против нас дагестанцев», поэтому необходимо усилить российское присутствие в Дербенте⁷⁴.

Рассматривая события антироссийских выступлений в Дагестане в 1808–1809 гг., необходимо указать, что в регионе значительная группа владений и союзов сельских обществ продолжала придерживаться пророссийской ориентации. Так, в 1809 г. российское подданство приняли ряд новых обществ Дагестана (Ахтынское, Балхарское, Каратинское, Ансалтинское, Мискинджинское и др.)⁷⁵.

В сентябре 1810 г. совместные силы османов и персов были разбиты российскими войсками в сражении под Ахалкалаки, а осенью 1811 г. была сделана попытка соединения персидско-османских войск на кавказском фронте, но она была безуспешной⁷⁶.

Одновременно с подготовкой к вторжению на Северо-Восточный Кавказ в 1811 г. иранский шах Фетх-Али-хан и наследник престола Аббас-Мирза отправили свои воззвания к владетелям Дагестана, на которые откликнулись только Сурхай-хан Казикумухский, Ших-Али-хан Дербентский, акушинский кади, Султан-Ахмед Аварский и др.⁷⁷.

Таким образом, вдохновителем и подстрекателем антироссийских выступлений на Северо-Восточном Кавказе в то время был шахский Иран. В 1811–1812 гг. российские войска одержали ряд побед над персами.

Огромное значение для дальнейшего укрепления позиций России на Кавказе имело успешное завершение войны с Портой. Российская армия во главе с М. И. Кутузовым в 1811 г. разгромила на Дунае султанские войска. Но готовясь к войне с наполеоновской Францией, Россия вынуждена была концентрировать свои воинские силы к западной границе. В этих условиях Петербург поубавил свои требования к султану.

На Кавказе российское правительство согласилось вернуть османам только что взятые российскими войсками крепости – Ахалкалаки, Поти и Анапу. Султан осознавал реальную обстановку, но продолжать русско-турецкую войну уже был не в состоянии, кроме того, он опасался победы Франции над Россией и планов Наполеона I о разделе Османской империи больше всего и потому склонялся к миру с Россией.

28 мая 1812 г. в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор⁷⁸, 2-я секретная статья которого давала России право пользоваться участком восточного берега Черного моря на протяжении 2 часов пути к северу от правого берега р. Риони и 4 часов пути к югу от Анапы для выгрузки и провоза военных припасов и снаряжения. Укрепления Редут-кале, Анаклия и Сухум-кале оставались за Россией, а крепости Анапа и Поти снова перешли к Порте.

Таким образом, Россия не собиралась отказываться от завоеванных ею территорий на Кавказе, что еще раз доказывает неравноправный характер договора. Россия, используя право «силы», заставила Османскую империю идти на заключение тяжелого, невыгодного для нее договора, отторгающего ее территории и т. д.

Бухарестский мир 1812 г. укрепил позиции России на Балканах и Кавказе, став ее дипломатической победой, имевшей весьма существенное значение в условиях напряженной внешнеполитической обстановки⁷⁹.

Россия, ведя войну на два фронта, одновременно вела и мирные переговоры с Персией. Шах, неся потери в войне с ней, уже в конце лета 1804 г. обратился к российскому правительству с предложением о мире. Но, с другой стороны, Иран, несмотря на неблагоприятную обстановку для себя как на Кавказе, так и в Европе, по совету Англии затягивал переговоры.

Однако ряд блестящих побед российских войск над персами в 1811–1812 гг. изменили позицию шаха. Российским войскам удалось дойти до Асландуза⁸⁰. Англичане, испугавшись дальнейших продвижений российских войск вглубь территории Ирана, уже сами ратовали за быстрое заключение мира между воюющими сторонами.

В декабре 1812 г. к генералу Н. Ф. Ртищеву поступило от шаха новое предложение о возобновлении переговоров, которые опять затянулись. Тогда в марте 1813 г. иранский шах Фетх-Али-хан вынужден был взять под личный контроль ход переговоров⁸¹. Местом проведения был назначен Гюлистан. Российскую делегацию на переговорах возглавил главнокомандующий российских войск на Кавказе Н. Ф. Ртищев, иранскую – Мирза-Абуль-Хасан-хан⁸².

27 сентября в Гюлистане генерал Ртищев провел первую встречу с иранским представителем Мирза-Абуль-Хасан-ханом.

В ходе переговоров наметилось обоюдное противоречие в вопросе о географическом определении пограничной линии. Тогда руководитель российской стороны Н. Ф. Ртищев предложил после ратификации договора обеим сторонам создать специальную комиссию, которая под руководством генерала Ртищева должна была определить и обозначить линию границ между обеими сторонами. Иранская сторона в обмен на согласие шаха признать право только за Россией содержать военный флот на Каспийском море просила сохранить за персами Мигранский округ, отделив его от Карабахского ханства. Больше просьб и претензий у иранской делегации не было, и Мирза-Абуль-Хасан-хан согласился с остальными статьями мирного договора⁸³.

Полный текст Гюлистанского мирного трактата был подписан 24 (12) октября 1813 г. Договор состоял из 11 статей⁸⁴. В преамбуле этого документа Россия признавала законную власть шаха Фетх-Али-хана. Статья 3 Гюлистанского мирного договора признавала за Росси-

ей ханства: Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское – «... с теми землями сего ханства, кои ныне состоят во власти Российской империи. При том весь Дагестан, Грузию с Шурагельской провинциею, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленною ныне границею и Кавказскою линиею, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами»⁸⁵. Здесь следует отметить, что та часть статьи 3 о Грузии, где говорилось об Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, прямо нарушала все нормы международного права двусторонних переговоров. Как известно, Западная Грузия находилась в составе султанской Турции, что было еще раз подтверждено Россией во время подписания Бухарестского мирного договора 1812 г. Таким образом, эта часть статьи 3 являлась грубым нарушением Бухарестского трактата и норм международных договоров и была принята под давлением российского правительства.

Статья 5 предоставляла купеческим судам России и Ирана свободное плавание на Каспии и право только России иметь военно-морской флот на Каспийском море.

Статьи 9 и 10 ставили Иран в торгово-экономическом отношении в неравноправное положение. Они давали возможность свободного сбыта российских товаров на иранском рынке, ибо шахский Иран в экономическом развитии отставал от России. Правда, следует отметить, что в свою очередь, Россия также не могла в полной мере господствовать здесь на рынке, где прочную позицию уже занимала развитая в промышленном отношении Великобритания. Следует отметить, что в текст соглашения был включен «Сепаратный акт», дававший возможность Персии по истечении определенного времени вновь вернуться к пересмотру пунктов мирного трактата.

Таким образом, Гюлистанский мирный договор 1813 г. не стал прочным юридическим актом для стабилизации обстановки в регионе и установления дружеских отношений между Российской империей и Иранской державой, как это было декларировано в преамбуле мирного трактата. Ни Россия, ни Иран не были удовлетворены итогами Гюлистанского мирного договора. Кроме того, этот договор был заключен за спиной народов Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, и без учета их политических интересов⁸⁶. Следует отметить, что при заключении этого договора не участвовал ни один представитель Дагестана.

21 мая 1814 г. в Париже Гюлистанский договор был ратифицирован императором Александром I, а 15 сентября в Тифлисе состоялся обмен документами⁸⁷.

В российской историографии подчеркивается прогрессивный характер Гюлистанского договора для народов Кавказа, в том числе и Дагестана⁸⁸. Так, в обобщающем труде «История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)» указывается, что «... несмотря на агрессивность политики царизма, включение» народов региона «в состав России имело объективно позитивные последствия»⁸⁹.

Не оспаривая исторически прогрессивного значения присоединения народов Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, к России, необходимо указать на двойственное значение Гюлистанского мирного договора 1813 г. для северокавказских народов: с одной стороны, он избавил народы Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана от вторжения персидских войск и прекратил междоусобную борьбу местных владетелей; с другой – подготовил условия для окончательного присоединения местных народов к России и установления над ними колониального гнета царизма.

Примечания:

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Л. 74; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. – С. 812.
2. Там же. – С. 823.
3. Кидирниязов Д. С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). – М.: Парнас, 2011. – С. 375.
4. АКАК. – Т. 2. – С. 824, 849, 850.
5. Там же. – С. 830–931.
6. Архив Государственного Совета (далее – АГС). – СПб., 1888. – Ч. 3. – С. 1144–1149.
7. АКАК. – Т. 2. – С. 814–815.
8. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Гл. архив. 1–9. 1806 г. Оп. 8. Д. 2. Л. 115–118.
9. АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 263.
10. Там же. – С. 103, 268, 413–414.
11. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Наука, 1965. – С. 185.
12. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив. 1–9. Оп. 8. 1806 г. Д. 2. Л. 36–39.
13. Там же. Л. 40.
14. Там же. Л. 21–26.
15. Там же. Л. 115, 118.
16. История Дагестана. – М., 2004. – Т. 1. – С. 459.
17. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 616. Ч. 15. Л. 157.

18. АКАК. – Т. 3. – С. 414.
19. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 4259. Ч. 1. Л. 2.
20. АКАК. – Т. 3. – С. 17.
21. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6172. Л. 7–13; Д. 482. Л. 18; История Востока: В 6 т. – М.: Восточная литература, 2004. – Т. 4. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XX в.). Кн. 1. – С. 146; Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. – Славянск-на-Кубани: СГПИ, 2005. – С. 277.
22. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 15. Л. 36; История Дагестана. – М., 2004. – Т. 1. – С. 459.
23. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 52. Л. 150.
24. Там же. Д. 482. Л. 19.
25. Кидирниязов Д. С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). – С. 379.
26. АКАК. – Т. 3. – С. 393–395.
27. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 15. Л. 140–144.
28. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М.: Красная новь, 1923. – С. 181.
29. АГС. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 1144–1149; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – С. 191.
30. Киняпина Н. С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. – М.: Высшая школа, 1963. – С. 44.
31. Там же.
32. АКАК. – Т. 3. – С. 99–100, 264–265, 443, 449.
33. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – С. 25; Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XIX в.). – М.: Наука, 1978. – С. 71–72.
34. АКАК. – Т. 2. – С. 795.
35. Там же. – С. 427–429.
36. Гапуров Ш. А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 гг.). – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – С. 364–371.
37. Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала: Даггосиздат, 1940. – Т. 3. Ч. I. – С. 146.
38. АКАК. – Т. 3. – С. 553–554.
39. Там же.
40. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 52. Л. 5. Л. 33.
41. АКАК. – Т. 3. – С. 369.
42. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 148.
43. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 114–115.
44. АКАК. – Т. 3. – С. 388–389.
45. Там же. – С. 368.
46. Там же. – С. 369.
47. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 2376. Ч. 2. Л. 894–897.
48. АКАК. – Т. 3. – С. 455.
49. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней

- политике России. – С. 115.
50. АКАК. – Т. 3. – С. 283, 284.
51. Там же. – С. 286.
52. Там же. – С. 389–392.
53. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – С. 192.
54. АКАК. – Т. 3. – С. 99–100, 264–265, 443, 477–478.
55. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив. 1–13. Оп. 8. 1807–1808 гг. Д. 1. Л. 22–23.
56. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6184. Л. 153–154.
57. АКАК. – 1873. – Т. 4. – С. 939.
58. Там же. – Т. 3. – С. 513, 703–704; Т. 4. – С. 681, 685.
59. Там же. – 1873. – Т. 4. – С. 689.
60. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – С. 194.
61. Кидирниязов Д. С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). – С. 387.
62. АКАК. – Т. 4. – С. 699.
63. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6184. Л. 124; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – С. 194.
64. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 2907. Л. 21–22 об.
65. АКАК. – Т. 3. – С. 657–658; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – С. 116.
66. АКАК. – Т. 4. – С. 891–892.
67. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 64. Л. 59.
68. Там же. Л. 59 об.; АКАК. – Т. 4. – С. 616–618, 621.
69. АКАК. – Т. 4. – С. 547.
70. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – С. 116–117.
71. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Л. 15; АКАК. – Т. 4. – С. 679; Магомедов Н. А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй половине XVIII – начале XIX вв. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2000. – С. 139.
72. АКАК. – Т. 3. – С. 402–403; Т. 4. – С. 640, 674, 695.
73. Там же. – Т. 4. – С. 559.
74. Там же. – С. 613.
75. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – С. 195; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – С. 116–117.
76. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – С. 198.
77. АКАК. – Т. 4. – С. 630–631, 671, 679.
78. Договоры России с Востоком политические и торговые / собр. Т. Юзефович. – СПб., 1868. – С. 49–51.
79. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – С. 29.
80. АКАК. – Т. 4. – С. 668–675, 683–694.
81. Там же. – С. 722–723.
82. Там же. – С. 731–732.
83. Там же. – С. 126–127.
84. Договоры России с Востоком. – С. 208–214.

85. Там же.

86. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – Махачкала: Юпитер, 1997. – С. 199.

87. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 52. Л. 9.

88. Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 34–35; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – С. 210; Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: От времени присоединения к России до наших дней. – М.: Наука, 1971. – С. 48–55; Кидирниязов Д. С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. – С. 372.

89. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – С. 30.

Далгат Э. М. (г. Махачкала)

РОССИЯ И ДАГЕСТАН – ОБЩАЯ СУДЬБА

12 октября 1813 г. в местечке Гюлистан в Карабахе между Россией и Ираном был подписан Гюлистанский мирный договор, юридически оформивший присоединение Дагестана к России. Длительный процесс поэтапного присоединения дагестанских народов к России закончился. Это стало возможным в результате победы Российской империи над шахским Ираном и султанской Турцией. Соперничество трёх стран за обладание Кавказом и Дагестаном в том числе началось ещё в XVI в. Дагестан из-за выгодного стратегического положения испокон веков являлся объектом вторжения иноземных завоевателей. То Иран, то Турция вторгались на Кавказ и в Дагестан, принося большие бедствия трудовому народу.

По условиям Гюлистанского мирного договора за Россией закрепились территории Дагестана, Грузии, ханства Кубинское, Ширванское, Карабахское и Ганджинское¹.

Таким образом, Гюлистанским мирным договором было юридически оформлено вхождение Дагестана в состав России. Этот акт явился по существу переломным моментом в истории Дагестана.

Согласно статье 5 договора Иран признавал за Россией исключительное право иметь военный флот на Каспийском море. Эта статья была направлена не столько против Ирана, сколько против попыток Англии и Франции использовать с помощью Ирана Каспийское море для нападения на Россию. Купцы обеих сторон получили право на свободную торговлю в Иране и в России².

В Дагестане о Гюлистанском договоре, видимо, узнали не сразу и узнали немногие. При этом ни Россия, ни Иран не сделали никаких попыток в какой-либо форме выяснить мнение самих народов Дагестана и других народов Кавказа по поводу их государственной принадлежности.

Дагестан был включен в состав огромной империи, хотя не путем завоевания, но всё же без учета его волеизъявления и его особенностей. Это неизбежно должно было привести к определенным осложнениям, они занимают определенное место и в ряду причин Кавказской войны. Может быть, последствия этих осложнений не были вполне изжиты и в XX веке.

Вместе с тем надо учесть, что для тех времен, для тогдашней международной практики подобный способ решения межгосударственных проблем был общепринятым, и переносить в начало XIX в. наши нынешние критерии было бы неисторично.

До Гюлистанского договора дагестанские земли и владения были для империи субъектами внешней политики, после Гюлистанского договора их статус резко поменялся: они стали территориальными единицами централизованного государства, объектами его внутреннего управления.

Гюлистанский договор обеспечил дагестанцам внешнюю безопасность, закрылись пути для вооружённых вторжений на Кавказ, подобных нашествиям Надир-шах и Ага Мухаммед-хана. Стали невозможными и прежние феодальные «коалиции» с их столкновениями, в которых прошел весь XVIII в.

Усилиями имперской администрации изживались и междоусобицы, и набеги, из-за которых страдали массы людей и которые тормозили экономический и культурный прогресс. Возросли правопорядок и гарантии личной безопасности человека. Облегчились контакты с внешним миром и передвижения, расширился кругозор массы горцев.

Присоединение Дагестана к России – стране по уровню своего развития стоявшей выше, чем Турция и Иран, в течение столетий претендовавших на господство в Дагестане, стране с развивающейся культурой, передовым общественно-политическим движением было объективно исторически прогрессивным явлением.

Но, вскоре после подписания договора, в Дагестане стало назревать недовольство. Феодальные владельцы Дагестана, ещё до Гюлистанского договора принявшие Российское подданство, рассчитывали,

что зависимость от России будет формальной, и они будут, как и раньше, фактически независимыми. Но произошло иначе. Феодалов лишили внешнеполитических функций, их фактическая зависимость от России усиливалась.

Трудящиеся массы дагестанцев надеялись, что русские избавят их от феодального гнёта, но при попустительстве царских властей феодалы усиливали свой гнёт. Кроме того, царские власти обложили дагестанцев государственными налогами. Горцы оказались под двойным гнётом. Это вызвало недовольство народа.

Недовольство и разочарование усиливалось при наместнике царя на Кавказе генерале Ермолове. Он проводил жестокую колониаторскую политику, разрушал непокорные сёла, высылал их жителей в Сибирь, запрещал дагестанцам торговать с соседями и т. д.

Всё это стало причиной национально-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни, которая продолжалась более 30 лет. Это была героическая страница истории Дагестана, хотя народы горного края понесли тяжёлые человеческие и материальные потери. Борьба горцев Дагестана, несмотря на их поражение, заставила царизм считаться с дагестанцами, относиться к ним с уважением. Дагестан занял достойное место в составе Российской империи. Начался относительно мирный этап в истории народов Дагестана. Они стали постепенно осознавать выгоды нахождения в составе большого и сильного государства.

В 1860 г. была образована Дагестанская область, и дагестанцы впервые в истории оказались в рамках единой административной единицы³. Дагестан получил мощный импульс для своего последующего развития. Перед дагестанцами открылась широкая историческая перспектива, ускорились социально-экономическое и культурное развитие региона.

Россия стала проводить в Дагестане реформы. Были ликвидированы самостоятельные феодальные владения, и вместо них созданы округа. В результате реформ 60-х годов в Дагестане было ликвидировано рабство. Около 5 тыс. рабов получили свободу. Было освобождено от феодальной зависимости около 30 тыс. крестьян.

Реформы ускорили социально-экономическое развитие Дагестана. Стали городами русские военные ускорения Петровск (ныне Махачкала) и Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск). В городах стали возникать промышленные предприятия, стал формироваться рабочий класс.

В Петровске был построен порт, связавший Дагестан с Астраханью, Средней Азией, Баку, Ираном.

В конце XIX в. через территорию Дагестана была проведена железная дорога, связавшая его с центральными губерниями России, с другими странами⁴.

В Дагестан из России привозили фабричные товары, из Дагестана вывозили продукцию сельского хозяйства, рыбу, ремесленные изделия.

Присоединение к России дало толчок развитию культуры народов Дагестана. В городах и крупных селениях были открыты светские школы, училища с обучением на русском языке. В высших учебных заведениях империи были открыты вакансии для горцев Дагестана. Горцы понимали, что в новых условиях сделать карьеру, добиться успеха в жизни легче, получив хорошее светское образование, и отдавали детей в русские школы. Так, в Дагестане постепенно формировалась светская интеллигенция – врачи, инженеры, юристы и т. д.

В годы революции и гражданской войны шла борьба между различными политическими силами, некоторые из которых призывали выйти из состава России и образовать независимый Дагестан. Народы Дагестана сделали свой выбор и остались в составе Российского государства. В январе 1921 г. была создана Дагестанская Советская Социалистическая Республика, народы Дагестана впервые в своей истории обрели государственность⁵. Больших успехов достиг Дагестан в составе России и благодаря России в советский период нашей истории. В 1920-е – 1930-е годы в Дагестане, как и во всей стране, происходили процессы модернизации. При помощи центра дагестанцы восстановили разрушенное гражданской войной хозяйство и начали строительство заводов, фабрик. В годы индустриализации в Дагестане были построены: стекольный завод «Дагестанские огни», шерстомоечная фабрика в Дербенте, Гергебильская гидроэлектростанция, создан трест «Дагнефть» для разведки и эксплуатации месторождений нефти в Дагестане и т. д.

В республике была проведена коллективизация, большие успехи были достигнуты в социально-культурной сфере. Большое внимание уделялось дорожному строительству, реконструкции и благоустройству городов, районных центров, селений.

Накануне Великой Отечественной войны в Дагестане работало 5 вузов, сотни дагестанцев обучались в вузах Москвы, Ленинграда, Харькова, Баку, Ростова-на-Дону и т. д. Были открыты национальные теат-

ры, в репертуаре которых большое место занимали произведения дагестанских авторов, плодотворно работали научные институты, где изучались дагестанская культура, история, языки.

В годы ВОВ дагестанцы вместе с другими народами страны героически боролись за победу. 60 дагестанцев стали Героями Советского Союза. Дагестанцы принимали участие во всех решающих сражениях ВОВ, самоотверженно трудились в тылу, приближая Победу.

В послевоенные годы дагестанцы усердно работали над восстановлением разрушенного войной народного хозяйства, над дальнейшим развитием промышленности, сельского хозяйства, культуры.

Большие успехи были достигнуты в социально-экономическом и культурном развитии в 1950-е – 1980-е годы. За годы Советской власти Дагестан из аграрного края превратился в аграрно-индустриальную республику.

200 лет в составе России были для Дагестана непростыми, было много проблем, но их решали сообща. Дагестанцы знали, что в трудную минуту им всегда помогут. Так это произошло в 1970 г., когда после разрушительного землетрясения вся страна помогала восстанавливать города и сёла Дагестана. Так, это произошло в 1999 г., когда дагестанцы вместе с российской армией изгнали бандитов, вторгшихся в Дагестан.

Благодаря России дагестанец Муса Манаров побывал в космосе.

Сейчас и Дагестан и Россия в целом переживают непростые времена. Но исторический опыт показывает, что совместными усилиями можно преодолеть любые трудности, наша сила в единстве. И для дагестанцев очевидно, что будущее Дагестана только с Россией, только в составе России.

Примечания:

1. История многовековых взаимоотношений и единение народов Дагестана с Россией: к 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – С. 146.
2. История Дагестана. – М., 2004. – Т. 1. – С. 258.
3. Далгат Э. М. Образование Дагестанской области – важная веха в истории народов Дагестана // Дагестан в составе Российского государства: от Дагестанской области до Республики Дагестана. Материалы республиканской научной конференции. – Махачкала, 2011. – С. 11.
4. Мансурова А. Г. Промышленность Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – С. 125.
5. История Дагестана. – М.: Наука, 1968. – Т. 3. – С. 56.

«ВОЕННО-НАРОДНОЕ» УПРАВЛЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вхождение в состав России Дагестана было оформлено юридически 200 лет назад 12 (24) октября 1813 года Гюлистанским мирным договором, завершившим продолжительную войну с Персией. От имени императора Александра I этот международно-правовой документ был подписан главнокомандующим войсками на Кавказской пограничной линии и в Грузии, главноуправляющим по гражданской части в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, генерал-лейтенантом Николаем Фёдоровичем Ртищевым, а от имени персидского шаха Фетх-Али – мирзой (министром иностранных дел) Абул-Хасан-ханом. В тексте договора было чётко указано, что «в собственность Российской империи» наряду с другими территориями отходит «весь Дагестан»¹. В результате завершился длительный процесс поэтапного присоединения дагестанских народов к России, начало которому было положено в 1614 году при царе Михаиле Фёдоровиче Романове, продолжено при Петре I, Екатерине II и Александре I².

На момент подписания этого мирного договора Дагестан (в переводе с арабского – «Страна гор») был не административно-политическим, а скорее географическим понятием. Регион представлял собой совокупность феодальных владений и союзов свободных сельских общин горцев. К 1813 году на этой территории находились 13 феодальных государственных образований: Тарковское шамхальство (самое крупное по территории и политическому влиянию), Кайтагское уцмийство, Аварское, Дербентское, Казикумухское, Кюринское и Мехтулинское ханства, Аксаевское, Костековское и Эндиреевское княжества, Табасаранские майсумство и кадийство, Елисуйское султанство. Каждое из этих феодальных владений имело отдельную предысторию взаимоотношений с Россией, длительную и не всегда однозначную по своим результатам. Таким образом, Дагестан не представлял собой единого государственного образования. Здесь имелось больше десятка феодальных образований со своими наследственными властителями, исторически сложившимся административным управлением, таможенными границами и самостоятельной внешнеполитической ориентацией³. Однако перечисленные феодальные владения и союзы сельских общин были связаны друг с другом экономически и со-

обща давали отпор внешнему врагу в лице восточных деспотий Персии и Турции.

Другими особенностями региона, с которыми пришлось считаться российским военным администраторам, были многоукладность и своеобразный национальный состав его жителей. Даже на общем фоне Кавказа Дагестан поражал своей этнической пестротой. На сравнительно небольшой территории проживало более 30 народов и этнических групп: аварцы и 13 близких к ним андо-дидойских народностей, даргинцы и родственные им кайтаги и кубачинцы, кумыки, лакцы, лезгины, табасаранцы, агулы, цахуры, рутульцы, таты, горские евреи, терекемейцы, азербайджанцы, ногайцы, чеченцы и другие национальные группы⁴. Многочисленные этносы края объединяла лишь общая конфессиональная принадлежность – все они исповедовали ислам. Мусульманская религия пустила наиболее глубокие и прочные корни именно в этом районе Кавказа, ставшем средоточием многочисленных культовых сооружений и очагом исламского влияния⁵.

После присоединения Дагестана к России правительство столкнулось здесь с многочисленной привилегированной группой местного населения, без сотрудничества с которой не могло создать систему управления новой территорией и продолжать активную политику в Закавказье. Главноуправляющий на Кавказе и в Закавказье Н. Ф. Ртищев, награждённый за Гюлистанский мирный договор чином генерала от инфантерии (полного генерала), попытался действовать по уже многократно отработанной на других национальных окраинах Российской империи схеме и опереться на автохтонную феодальную знать. Внешне это было сделать легко, поскольку большинство властителей (князей, ханов, шамхалов, майсумов, уцмиев) и находившиеся от них в вассальной зависимости беки (бии) приняли подданство России накануне и в ходе войны с Персией. Первые из них были зачислены на российскую военную службу генерал-майорами с годовым окладом в 5 тыс. рублей серебром каждому, а их вассалы стали штаб- и обер-офицерами, с выплатой им из российской казны денежного содержания в соответствии с чином⁶. Однако присягу, данную императору Александру I и сопровождавшуюся клятвенными обещаниями не устраивать вражды с соседями, дагестанские феодалы восприняли как ни к чему не обязывающую формальность. Они, как и прежде, враждовали друг с другом, организовывали грабительские походы в Закавказье против российских подданных – грузин, армян, азербайджанцев, потворствовали нападениям на обозы, двигавшиеся

по Военно-Грузинской дороге между Владикавказом и Тифлисом. Н. Ф. Ртищев не сумел справиться со своевольными властителями Дагестана и других районов Кавказа. В 1816 году он по собственному прошению был освобождён от всех должностей и заменён генералом от артиллерии Алексеем Петровичем Ермоловым⁷.

Новый главноуправляющий на Кавказе и в Закавказье и командир отдельного Грузинского (с 1820 г. – Кавказского) корпуса А. П. Ермолов скептически отнёсся к лояльности России многих дагестанских владетелей, формально признававших её подданство. В частности, об аварском хане Султане-Ахмеде, генерал-майоре с 1807 года, он писал, что тот, «не знаю почему, получает жалованья по 5 тыс. рублей серебром, уверяя, что он нам приносит пользу влиянием своим на горские народы Дагестана, которых будто воздерживает от нападений на Грузию. Сему верили многие из моих предместников, и я показывал ему вид до времени»⁸. Дождавшись открытой измены Султана-Ахмед-хана, трижды присягнувшего России и каждый раз нарушавшего присягу, А. П. Ермолов лишил его и чина, и генеральского жалованья⁹. Не менее круто главноуправляющий обошёлся и с другими феодальными властителями: в 1818 году – с мехтулинским ханом Гасаном, в 1820 году – с казикумухским ханом Сурхаем II и т. д. В 1819–1821 годах он подавил выступления местной феодальной знати в Дагестане, за что был награжден орденом святого Владимира 1-й степени¹⁰.

Обладая практически неограниченной властью, А. П. Ермолов проводил жёсткую политику в отношении народов Кавказа и Закавказья, за что получил прозвище «проконсул Кавказа». Он пришёл к выводу, что русское владычество в горах не выходило за пределы крепостей, занимаемых немногочисленными гарнизонами. А. П. Ермолов решил развернуть повсеместно строительство дорог, развитие торговли и ремёсел, однако был далёк от мысли, что регион можно подчинить лишь мирными средствами. Главноуправляющий утверждал: «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать её или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого»¹¹. Поэтому А. П. Ермолов предложил Александру I перенести линию пограничных укреплений вглубь Дагестана и Чечни. Согласие императора было получено, и в мае 1818 года российские войска перешли Терек. Месяц спустя на реке Сунже была заложена новая Сунженская пограничная линия, опиравшаяся на крепости Грозная, Внезапная, Бурная и др. На их возведение, строитель-

ство дорог и мостов, прорубки просек в лесах для прохода войск сгнялось местное население, облагавшееся, кроме того, разного рода денежными и натуральными повинностями. Часть населения ушла в горы, другая, приведённая к присяге на верность российскому императору, была размещена на равнине¹².

А. П. Ермолов стремился использовать в своих интересах этнокультурные особенности свободолюбивых горцев. Ведя боевые действия против непокорных аварцев, он, например, велел «не побуждать неприятеля к действию; напротив, ничего решительно не предпринимая, дать время несогласию поселиться между ними; ибо без единоначалия и без привычки к послушанию необходимы будут различные мнения, и следствие оных – раздор»¹³. Он применял стратегию «разделяй и властвуй», противопоставляя одни кавказские этносы другим¹⁴. Важным элементом военной тактики, использованной А. П. Ермоловым в Дагестане, стала рубка просек «от дороги на ширину ружейного выстрела в обе стороны», что позволяло быстро и беспрепятственно перемещать войска¹⁵. При этом в ходе карательных экспедиций главноуправляющий не останавливался перед жестокими мерами, разрушая до основания аулы, вырубая сады и угоняя скот. Об этом он вполне откровенно сообщал в своих «Записках»: «Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не подчинявшегося народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание»¹⁶. Кавказская война, начавшаяся в 1816 году в ответ на такую политику, привела к блокированию многих районов Дагестана, что отодвинуло процесс утверждения имперской административной системы в регионе на несколько десятилетий.

В первой половине XIX века российское управление Северо-Восточным Кавказом характеризовалось не только перманентным ведением военных действий, но и активным поиском путей и методов, способствующих упрочению положения России на присоединённой территории. Этот непростой и длительный процесс сталкивался с рядом естественных трудностей, вызванных особенностями менталитета кавказских народов: их особыми обычаями, правами, порядком управления и т. п. Сложная и запутанная структура общественного устройства в Дагестане препятствовала выработке каких-либо общих установлений административного характера и побуждала российское правительство и его представителей на Кавказе действовать посредством отрывочных частных мер, имевших характер краткосрочных экспериментов.

В 1827 году по решению Николая I А. П. Ермолова на посту главноуправляющего и командира Кавказского корпуса сменил Иван Фёдорович Паскевич. Ознакомившись с ситуацией, он так характеризовал систему власти, сложившуюся на Кавказе: «Везде учреждения временные; странная смесь российского образа правления с грузинским и мусульманским. Нет единства ни в формах управления, ни в законах, ни в финансовой системе. От сего происходит, кроме запутанностей и неудобств, ещё другой немаловажный вред. Народ, видя одни временные распоряжения, приучается сомневаться в прочности нашего правления и не доверять самым благодетельным мерам правительства»¹⁷. И. Ф. Паскевич предложил ввести на Кавказе российские законы и перейти к гражданскому управлению, полагая, что оно «скорее умягчит нравы и вернее приучит к познанию взаимных отношений, общественных обязанностей и законов»¹⁸.

В дальнейшем, увлекшись покорением джаро-белооканских лезгин, осетин и абхазов, И. Ф. Паскевич выпустил из поля зрения Дагестан, где вызревал мюридизм («послушничество»), представлявший собой идейное течение в исламе, во главе которого стояли суфийские шейхи, провозгласившие «газават» (священную войну за веру) против «неверных», т. е. русских. В 1830 году состоялся съезд представителей народов Дагестана, на котором был избран имам – Гази-Магомед Гимринский, известный как харизматичный духовный лидер и автор трактата, направленного против местных обычаев – адатов¹⁹. Адаты в каждом ханстве, а иногда и в каждом ауле были свои. Кровная месть, опустошавшая целые области, похищение невест, работогоня, земельные междоусобицы, всевозможные насилия и притеснения – множество давних обычаев толкали Дагестан в хаос беззакония. В феодальных владениях процветало варварство: ханы сбрасывали неугодных со скал, выменивали дочерей провинившихся крестьян на лошадей, выкалывали глаза, отрезали уши, пытали людей калёным железом и обливали кипящим маслом²⁰. Идеология повстанческого движения базировалась на трёх основных компонентах: исламе, шариате и мюридизме. Ислам стал основой объединения горцев против внешнего врага в лице российской армии. Шариат, являвшийся сводом религиозно-этических и правовых предписаний, выступал как весомый аргумент против различия в местных традициях, а мюридизм – как средство поддержания дисциплины в среде свободолюбивых горцев. Идеологи мюридизма провозглашали, что правоверный мусульманин не может быть подданным российского монарха-ино-

верца. Органичное сочетание этих трёх компонентов позволило в кратчайший срок сформировать из разрозненных в этническом и политическом отношениях горских обществ силу, способную вести вооружённую борьбу против Российской империи на протяжении десятилетий.

В октябре 1832 года имам Гази-Магомед был убит во время штурма российскими войсками аула Гимры. Однако вскоре Гамзат-бек, избранный его преемником, смог объединить вокруг себя почти весь нагорный Дагестан и занялся назначением наибов (наместников), формированием регулярной армии, созданием налоговой и финансовой системы, внедрением шариата и рассылкой эмиссаров на сопредельные территории²¹.

Преемником Гамзат-бека, ставшего жертвой кровной мести, стал Шамиль – сын аварского узденя (свободного крестьянина). Он продолжил создание новой системы управления и освободил домашних рабов и зависимых крестьян. Часть прежней феодальной аристократии была изгнана, другая перешла на его сторону вместе со своими подданными. В 1839–1841 годах в имамате был принят «Низам» – основанный на шариате свод законов, регулировавших практически все сферы общественной жизни: военную, административную, судебную и финансовую. Противоречившие ему местные адаты были упразднены²².

На подавление вспыхнувшего повстанческого движения горцев Дагестана и Чечни были направлены части Кавказского корпуса. Перед ними главной целью ставились полное подавление движения Шамиля и ликвидация имамата. Российское командование, выполняя эти задачи, создало систему военных флангов на Кавказской пограничной линии, войсковых округов и кордонных линий в качестве плацдармов для ведения активных военных действий. В 1839 году Кавказская линия была разделена на правое и левое крыло, последнее из них делилось на 3 приставства – Кумыкское, Лезгинское и Чеченское. С 1842 года возник и стал обсуждаться вопрос о создании на территории Дагестана единого административного образования. В Совете Главного управления в Закавказском крае был составлен проект образования Дагестанской области, который в доработанном виде был рассмотрен в Кавказском комитете в Петербурге. Однако император Николай I нашёл этот проект преждевременным, «ввиду военных действий в Дагестанской области», хотя в целом отнёсся к нему положительно²³.

Создание Дагестанской области в этот период было действительно невозможно из-за непрерывных военных действий в Северном и

Нагорном Дагестане. Они не велись лишь в Южном Дагестане, где предполагалось образовать Южно-Дагестанскую область, поручив исполнение должности областного начальника командующему войсками в Южном Дагестане. Однако в 1846 году было составлено новое Положение о разделении Закавказского края на несколько губерний и образована Дербентская губерния под руководством военного губернатора и командующего войсками в ней. В этом же году была создана Лезгинская кордонная линия, включившая земли Северного и Нагорного Дагестана²⁴.

В 1847 году было учреждено ещё одно уже более крупное административное образование – Прикаспийский край. Он состоял из двух частей: 1) Дербентской губернии (Дербентский и Кубинский уезды, Даргинский и Самурский округа, владения Кюринское и Казикумухское и «прочие земли к югу от Аварского Койсу») и 2) земель Северного и Нагорного Дагестана, находившихся в ведении командующего войсками в Прикаспийском крае²⁵. Но на деле многие территории, вошедшие в этот край, находились лишь в номинальном подчинении российских властей. По свидетельству командующего войсками в крае князя Григория Дмитриевича Орбелиани, даже в относительно спокойной Дербентской губернии были районы, доступ к которым был возможен только «в сопровождении большой воинской силы»²⁶. Этими мерами власти фактически пытались реализовать идею внедрения общероссийских органов управления в Дагестане. Но при этом совершенно не учитывалась специфика сознания его мусульманского населения. И мусульман, и христиан подвергали наказанию розгами, что для мусульман было особенно оскорбительно. Кроме того, по Корану, мусульманин не должен подчиняться неверным, а это подчинение вводилось полностью, так как от власти отстранялись все прежние управленцы, на место которых возводились угодные кавказской администрации лица. Ранее многие из местных чиновников были представителями верных России и уважаемых горских родов.

В исторической литературе активное воплощение в управленческой практике на Северном Кавказе принципов «военно-народного» управления связывается с именами Кавказских наместников М. С. Воронцова (1844–1854 гг.) и А. И. Барятинского (1856–1862 гг.)²⁷. Хотя, по мнению начальника военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа Семёна Эсадзе, опиравшегося в своём исследовании на обильный архивный материал, «творца этой системы трудно определить, так как она создавалась во время военных дей-

ствий и под влиянием военной обстановки»²⁸. Действительно, идея создания смешанной системы управления не возникла в одночасье в кабинетах кавказских или центральных властей. «Военно-народное» управление создавалось под влиянием обстоятельств, не терпевших отлагательства, непосредственно в ходе многолетней Кавказской войны. Несомненно, элементы «военно-народного» управления внедрялись с самого начала этой войны и постепенно укоренялись в виде распоряжений воинских начальников, в руках которых сосредоточивалась и гражданская власть.

Сущность этой системы точно определил предпоследний наместник Кавказского края в 1906–1915 годах, генерал от кавалерии Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Он писал императору Николаю II: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам»²⁹.

В конце 1844 года решением Николая I было образовано Кавказское наместничество с центром в Тифлисе³⁰. В качестве наместника и главнокомандующего был назначен Михаил Семёнович Воронцов, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, сохранивший при новом назначении свою прежнюю должность³¹. Наместник одним из первых пришёл к выводу, что сложившийся веками общественный строй, сложные сословные связи, запутанность земельных отношений, применение в судопроизводстве принципов адата и шариата, уважительное отношение к ним со стороны горцев, – все эти обстоятельства вызывают необходимость привлечь само местное население к управлению, внедрив, таким образом, в его повседневную жизнь особую систему народного представительства³². М. С. Воронцов отмечал в обращении к населению Кавказа: «Правители, поставленные над Вами, будут управлять вами по адату и шариату, а суд и расправа будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, которые будут избираться вами, и назначаемы в должности с согласия ваших начальников»³³. В 1846 году он издал в порядке опыта временные правила, по которым в словесных судах под руководством военно-окружного начальника по шариату или адату разбирались все спорные дела, воровство, драки, увоз женщин и другие уголовные преступления, даже если они сопровождалась увечьями или смертью³⁴.

По мнению некоторых исследователей, основной причиной создания этой системы явилось установление контроля со стороны российской военной администрации над применением адатов³⁵. На наш взгляд, важно отметить, что постепенным созданием предложенной М. С. Воронцовым системы кавказская администрация стремилась сохранить достигнутый в ряде районов Северного Кавказа гражданский мир, распространив его и на Дагестан, благодаря ставке на вековые обычаи и традиции, отвергнутые имамами, и привлечение в управление возможно большего числа местных жителей, лояльно настроенных к российской власти.

«Военно-народное» управление должно было заложить основы политической стабильности на Северном Кавказе, предотвратить распространение шариата и основанного на нём движения мюридизма, как наиболее серьёзной опасности для российской власти, постепенно создать в регионе условия для распространения общеимперской правовой системы и «насаждения русской гражданственности» в сознании горцев³⁶. В целом постепенно создаваемая система «военно-народного» управления являлась специфичной для Дагестана и имела относительно прогрессивный характер. В частности, она позволяла на первых порах местному населению чувствовать себя в определённой мере защищённым от произвола аборигенной феодальной знати и российских чиновников.

Самой важной, первоочередной целью, которую ставило перед собой «военно-народное» управление, являлся запрет права родовой мести и ограничение применения местным населением оружия³⁷. Этот аспект был приоритетным в деятельности местной администрации при наместнике М. С. Воронцове и его преемниках, так как благодаря разрешению (или смягчению) данной проблемы с повестки дня снимались многие вопросы, осложнявшие повседневную жизнь горцев. Но совершенно неприемлемой для местного населения оказалась система наказаний, применяемая российским законодательством (ссылка в Сибирь, телесные наказания женщин и т. д.), которая вступала в противоречие с обычаями северокавказских народов³⁸.

Одним из главных результатов деятельности первого кавказского наместника М. С. Воронцова явилось начало создания в Северокавказском регионе системы «военно-народного» управления, в ведении которого находились и горские народы Дагестана. Будучи своеобразным «политическим компромиссом»³⁹ между центральной российской властью и местными народами и отличаясь от общегражданского

управления Российской империи, эта система, тем не менее, чётко обозначила позиции правительства по отношению к региону, который представлялся неотъемлемой частью государства. Окончательная же интеграция населения Дагестана в политико-правовое и культурно-экономическое пространство России оставалась вопросом времени. Ключевые принципы новой административной системы, заложенные в 40-е годы XIX века, послужили ориентиром в управленческой практике кавказской администрации на протяжении последующих десятилетий.

После М. С. Воронцова линию на завершение формирования предложенной им системы управления продолжил князь Александр Иванович Барятинский, ставший наместником в 1856 году⁴⁰. 60-летняя Кавказская война близилась к завершению. После разгрома имамата Шамиля горцы окончательно превратились в российских подданных. Обещая не производить набегов на земли Российской империи и союзной ей Грузии, не поддерживать врагов России, они получили право прогона и выпаса скота в российских владениях и разрешение торговать в русских городах и крепостях. До конца 50-х годов XIX века российское подданство означало для горцев лишь уплату ежегодной дани (ясака) военным властям⁴¹.

Сущность «военно-народной» системы высшие чины кавказской администрации во главе с А. И. Барятинским видели в следующем: «туземное население» Дагестана управляется не по законам империи, а по «народным обычаям и особым постановлениям». Суд над горцами принадлежит местным «народным судам» и отправляется под надзором военной власти не по законам империи, а «по адату, в некоторых случаях – по шариату и по особым постановлениям». Каждый административный начальник являлся в то же время и начальником всех войск, расположенных в его округе, отделе или области и имел право «высылать вредных жителей в ... распоряжение начальника области и употреблять против жителей оружие в случаях, не терпящих отлагательств»⁴².

Весной 1860 года последовали энергичные действия по созданию нового управления Дагестаном. 20 апреля император Александр II утвердил Положение об упразднении Лезгинской кордонной линии «по случаю окончательного покорения Восточного Кавказа»⁴³. В Положении указывалось, что подробное устройство нового местного управления составляет предмет особого проекта, который должна подготовить кавказская администрация. Проект «Положения об управ-

лении Дагестанской областью» был утверждён наместником князем А. И. Барятинским 5 апреля 1860 года и одобрен императором в именном указе от 18 июля того же года⁴⁴. Этот законодательный акт определил структуру управления образованной области и компетенцию всех административных органов в ней.

Во главе Дагестанской области был поставлен начальник, который подчинялся главнокомандующему Кавказской армией и сосредотачивал в своих руках не только административно-политическую власть (гражданскую с правами генерал-губернатора, а по управлению «туземными племенами» – с правами, определёнными особым положением), но и военную (по званию командующего войсками области он имел права командира армейского корпуса). В его подчинении находились штаб командующего войсками и канцелярия начальника. Штабом управлял начальник штаба, а канцелярией – правитель. Канцелярия, в свою очередь, состояла из двух отделений: по гражданскому управлению краем и по управлению «туземными племенами». Гражданскими управлениями являлись Дербентское градоначальство и управление портовым городом Петровск (ныне – столица Дагестана г. Махачкала). Они управлялись по общим законам Российской империи⁴⁵.

Административным центром Дагестанской области и резиденцией её начальника стало укрепление Темир-Хан-Шура (с 1866 года – город, ныне – г. Буйнакск). Область была разделена на 4 военных отдела: Северный, Средний, Верхний и Южный Дагестан. Они в свою очередь делились на 6 округов: Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Самурский, Казикумухский, Гунибский, Бежитский. Округа Гунибский и Бежитский не имели должности начальника округа, они управлялись военными начальниками Среднего и Верхнего Дагестана соответственно. Северный Дагестан подразделялся на Даргинский округ, владение Тарковское, ханство Мехтулинское и наибство Присулакское. Даргинский округ был образован ещё в 1845 году «из покорённых земель» и до 1860 года входил в состав Дербентской губернии. Средний Дагестан подразделялся на округа Гунибский и Казикумухский, ханство Аварское и сельские общества, которые управлялись ханом аварским. Южный Дагестан был поделён на округа Самурский, Кайтаго-Табасаранский и ханство Кюринское. До 1860 года Кайтаг и Табасаран входили в состав Дербентского уезда бывшей Дербентской губернии. Верхний Дагестан состоял всего из одного округа – Бежитского, с подчинением военному начальнику этого отдела вре-

менно ещё и Закатальского (бывшего Джаро-Белоканского) округа⁴⁶. Все округа имели одинаковую структуру. Во главе каждого округа находился русский офицер, при нём помощник и переводчики в зависимости от количества языков, на которых разговаривали в округе. Там же находились окружной суд (в составе кадия и избранных депутатов) и медицинская часть (медик и фельдшер). Последние обязаны были оказывать населению округа бесплатную медицинскую помощь⁴⁷.

Округа делились на наибства во главе с наибями, которые наделялись распорядительной и полицейской властью. Исключение составляли округа Кайтаго-Табасаранский и Даргинский, в которых наибств не было. Кроме того, в составе Северного Дагестана было образовано отдельное Присулакское наибство. Название «наибство» в значении административного образования, состоявшего из нескольких населённых пунктов (или сельских обществ), было заимствовано у имамата Шамиля и виделось авторами «военно-народной» системы как «народный элемент» управления. На должности наибов, олицетворявших связь власти с народом, назначались выборные представители местного населения из «влиятельных лиц», которые характеризовались как «способные и заслуживающие доверия»⁴⁸. Необходимо отметить, что в низовую администрацию округов нередко привлекались наибы Шамиля, перешедшие на сторону России в конце Кавказской войны (Кебед-Мухаммед Телетинский, Мухаммед Гоцобский, Исмаил Чохский, Даниял-султан Елисуйский и др.). Современник событий Н. И. Воронов, посетивший северо-западный Дагестан в 1867 году, отмечал, что повсеместно «во главе народного управления сидят всё ещё шамилевские наибы»⁴⁹.

Гражданское управление Дагестанской области включало Дербентское градоначальство (г. Дербент и Улусский магал) и управление городом Петровским, в которых вводились общероссийские законы, но с учётом особенностей Закавказского края. Они распространялись также на лиц, проживавших в штаб-квартирах и пограничных укреплениях и «туземцев», если «о них возникли дела в таких частях области, которые подчинены гражданскому управлению». Дербентское градоначальство и город Петровск, а также укрепление Темир-Хан-Шура, вскоре переименованное в город, представляли собой своеобразные островки гражданского управления. В них проживала незначительная часть населения области. Кроме того, Дербентский градоначальник совмещал должность военного начальника Южного Даге-

стана, а начальник Петровска – коменданта города и подчинялся военному начальнику Северного Дагестана. Следовательно, и здесь не было полного разграничения гражданской власти от военной⁵⁰.

«Народный» элемент вводимой системы управления виделся её авторам, прежде всего, в сохранении сельского управления во главе с выборными старейшинами и в создании сети «народных» судов. Эта сеть, согласно Положению от 5 апреля 1860 года, возглавлялась Дагестанским народным судом, состоявшим из «почётных лиц» по выбору командующего войсками. В неё входили в качестве судов первой инстанции окружные суды в округах и словесные суды в наибствах, состоявшие из депутатов от народа и кадиев. Суды разбирали дела по адату и шариату и по «особым правилам», даваемым им командующим войсками в области. Решения Дагестанского народного суда подлежали утверждению командующего войсками. Решения окружных и словесных судов рассматривались начальником округа или ханом, которые могли утвердить их или направить на рассмотрение командующего войсками со своими возражениями. Судебным органом для «лиц гражданского ведомства» был определён Дагестанский областной суд⁵¹.

Что касается сельского управления, то в «Положении об управлении Дагестанской областью» отмечалось, что оно «остается на прежнем основании», т. е. в ведении выборных старейшин. При этом планировалось, что в дальнейшем будет введено отдельное Положение по этому вопросу. «Положение о сельском управлении в Дагестане» было утверждено в 1868 году новым наместником великим князем Михаилом Николаевичем, сменившим князя А. И. Барятинского⁵². Согласно ему, сельское управление состояло из схода домохозяев, старшины, кадия и судей. Сельский старшина, возглавлявший управление, назначался «по усмотрению начальства» и рассматривался как чиновник «низшего управления». В основу сельского управления был положен принцип, который позволял контролировать «настроение умов» горцев, не вмешиваясь прямо в их повседневную жизнь⁵³.

Таким образом, после окончания Кавказской войны Дагестан был разделен на две неравные части. Город Дербент и окружавшая его небольшая полоска прикаспийской земли в устье реки Самур были отнесены к гражданскому управлению. Здесь учреждались общероссийские губернские судебные и административные учреждения. Остальная территория Дагестанской области была отнесена к «военно-народному» управлению. В результате в Дагестане сложилась и поддержи-

валась двойная система власти: «военно-народная» (для горцев) и гражданская (для населения городов и отдельных военных укреплений).

Образование Дагестанской области и утверждение «Положения об управлении...» от 5 апреля 1860 года объективно имели прогрессивное значение. С этого времени ликвидировались феодальная раздробленность и межфеодальные столкновения. В значительной мере ограничивалась и политическая власть владетелей, так как при них состояли русские офицеры, имевшие специальное задание смягчить, по возможности, систему деспотического правления ханов. Полное упразднение политической и административной власти ханов и беков было только вопросом времени.

В создаваемую «военно-народную» систему уже не вписывалось управление отдельными частями области местными феодалами. Поэтому при новом наместнике великом князе Михаиле Николаевиче (1862–1882 гг.) началось активное отстранение от власти «туземных правителей». Были упразднены последние небольшие государственные образования, обладавшие собственной юрисдикцией: ханства Казикумухское (в 1858 г.), Аварское (в 1863 г.), Кюринское (в 1865 г.), владения Кайтага и Табасарана (в 1866 г.), Мехтулинское ханство и шамхальство Тарковское (в 1867 г.). Вместо них были организованы округа. Утрату политической власти дагестанскими феодалами правительство Александра II компенсировало выдачей им значительных единовременных сумм и грамот о праве собственности на землю, присвоением высоких чинов, назначением пожизненных пенсий⁵⁴. В общем итоге, ханы и беки Дагестана, утратив одну привилегию, получили немало других, вписавшись в ряды российского дворянства.

Ликвидация политической власти ханов и беков сопровождалась освобождением рабов и крепостных крестьян. В 1863–1868 годах великий князь Михаил Николаевич провёл отмену крепостного права на территории Дагестана, попутно ликвидировав домашнее рабство. В ходе этой реформы пресекались случаи повторного закабаления бывших крепостных людей⁵⁵.

В Дагестанской области «военно-народное» управление, окончательно оформленное в 1874 году изданием «Положения и штатов военно-народного управления Закатальского округа и Дагестанской области», продолжало действовать в последней четверти XIX – начале XX века с некоторыми изменениями. Постепенно ограничилось участие в сельском управлении местного населения. Институт сельс-

ких старшин, бывший в 1860–1870-х годах выборным, в 1880-х годах становится назначаемым. Затем было решено ликвидировать и само название наибств и не назначать на эти должности представителей местного населения, мотивируя это тем, что они не всегда обнаруживают беспристрастие. В 1899 году вместо наибств были образованы участки по типу общероссийских⁵⁶.

По данным переписи 1897 года, в 9 округах Дагестана (Аварском, Андийском, Гунибском, Даргинском, Казикумухском, Кайтаго-Табасаранском, Кюринском, Самурском, Темир-Хан-Шуринском) проживало 571 154 жителя обоего пола⁵⁷. В первое десятилетие XX века в них сохранялась прежняя форма управления народами Дагестана. Став наместником Кавказа в 1905 году, Илларион Иванович Воронцов-Дашков, имевший опыт службы на Кавказе, в своей записке Николаю II пришёл к выводу, что система «военно-народного» управления, сложившаяся в XIX веке, в начале XX столетия уже не соответствует сложившимся на Кавказе реалиям. Он писал в 1907 году, что она «в настоящее время совершенно не отвечает ни общим государственным задачам, ни потребностям населения. Прежде всего, военные губернаторы и окружные начальники с их помощниками, состоя на службе по военному ведомству, ныне уже являются представителями не армии, а чисто гражданского управления, и функции их не заключают в себе ничего военного, а представляются только объединёнными в руках этих должностных лиц функциями обычных губернского и уездного управлений»⁵⁸. Однако его предложения о переходе к гражданскому управлению в регионе и о проведении земской реформы на Кавказе потонули в министерских кабинетах в Петербурге.

Итак, образование Дагестанской области и проведённые реформы сыграли положительную роль в социально-экономическом и культурном развитии народов Дагестана. Была ликвидирована политическая и экономическая раздробленность края. Впервые на территории Дагестана была создана единая однотипная система управления, что позволило укрепить его экономику, создать предпосылки для развития рыночных отношений. Эта система способствовала внутреннему сближению дагестанских народов. Регламентация сельской жизни на единых началах, безусловно, сыграла важную роль в дальнейшем экономическом и политическом развитии Дагестана. Как и другие окраины страны, он стал постепенно вовлекаться в русло капиталистического развития России, в её общественно-экономическую жизнь.

«Военно-народное» управление в Дагестане, когда оно вводилось в 1860 году, рассматривалось как временная и переходная мера. Однако каждый раз, когда возникал вопрос о переходе к гражданскому управлению, центральная власть находила основания для сохранения здесь «временного порядка», ограничившись инкорпорацией местной элиты в правящие круги России. По этой причине военно-административный режим сохранился в Дагестане до свержения монархии в марте 1917 года.

Примечания:

1. Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост., примеч. А. А. Сазонова, Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерова. – М.: Русская книга, 1992. – С. 304.
2. Там же. – С. 161–179.
3. Абдусаламов М.-П. Б., Бучаев М. Г. Административно-политическое устройство феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 8 (34), часть 1. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – С. 13–17.
4. Кавказ. Описание края и краткий исторический очерк его присоединения к России. – СПб.: Типография И. В. Леонтьева, 1911. – С. 42.
5. Кисриев Э. Ф. Ислам в Дагестане / под ред. А. В. Малашенко. – М.: Логос, 2008. – С. 9–28.
6. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. – М.: Наука, 1988. – С. 291–295.
7. Архив князя Воронцова. – Т. 36. – М., 1893. – С. 180–181; Русский биографический словарь. – Т.: Романова-Рясовский. – [Репринт. изд.]. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – С. 349–353.
8. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Фёдорова. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 278.
9. Там же. – С. 320.
10. Дегоев В. В. Три силуэта Кавказской войны: А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, А. И. Барятинский // Звезда. – 2000. – № 9. – С. 138–143.
11. Записки А. П. Ермолова. – С. 10.
12. Там же. – С. 308.
13. Там же. – С. 310.
14. Там же. – С. 344.
15. Там же. – С. 423.
16. Там же. – С. 347.
17. Цит. по: Казиев Ш. Имам Шамиль. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 33.
18. Там же.
19. Там же. – С. 49.
20. Там же. – С. 34.
21. Казиев Ш. Указ. соч. – С. 61–64.
22. Там же. – С. 66–69.

23. Геворкьян Д. П. Учреждение Российского управления в Дагестане // Научная мысль Кавказа. – 1998. – № 3. – С. 78–79.
24. Материалы для истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. – Вып. 1. Отдел. II. – Темир-Хан-Шура, 1902. – С. 233–234.
25. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Т. XII. – Тифлис, 1904. – С. 423.
26. Там же. – С. 364.
27. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. – Т. 1. – С. 166–168; Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: Рыцарь Российской империи. – М.: Центрполиграф, 2001. – С. 331–334; Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 134–139; Сотников А. А. Введение системы военно-народного управления на Северном Кавказе в XIX в. // Вопросы истории. – 2009. – № 5. – С. 150–152 и др.
28. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т. 1. – С. 168.
29. Воронцов-Дашков И. И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. – СПб.: Гос. тип., 1907. – С. 4.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ – II). – Т. XIX. – № 18679.
31. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 284. Д. 57. Л. 1–11; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 525–530; Д. 7074. Ч. 3. Л. 631–639.
32. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т. 1. – С. 166.
33. РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–2 об.
34. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т. 1. – С. 191.
35. Азимов В. А. Суд и процесс в обычном праве народов Дагестана // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1999. – С. 191; Кондрашёва А. С. К проблеме соотношения обычногоправовых норм и официального законодательства на примере правового развития Кавказа // Обычное право и правовой плюрализм. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С. 207–208.
36. Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский (1815–1879). – Т. 1. – М.: Унив. тип., 1888. – С. 217.
37. Невский С. А. Правовое регулирование оборота оружия на Кавказе в XIX – начале XX века // Военно-исторический архив. – 2004. – № 9 (57) – С. 140–149.
38. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т. 1. – С. 148, 166.
39. Очерки политической и правовой истории Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.). – Ставрополь – Краснодар: УФРС СК, 2006. – С. 227.
40. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 6313. Л. 20–31; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7107. Л. 3–13; Ф. 970. Оп. 3. Д. 2214. Л. 102–163.
41. Бобровников В. О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве: XIX–XX вв. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Сборник статей. – М.: МОНФ, 2001. – С. 373.
42. Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. генерал-майора В. А. Потто. – Т. XII. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1901. – С. 437.
43. ПСЗ – II. – Т. XXXV. Отделение первое. – № 35710.
44. Там же. – № 36026.
45. Там же. – № 36026. – § 13, 16, 17, 29.

46. Геворкьян Д. П. Учреждение Российского управления в Дагестане. – С. 80–82.
47. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 138.
48. ПСЗ – II. – Т. XXXV. Отделение первое. – № 36026. – § 5, 23, 34.
49. Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горах. – Выпуск I. – Тифлис, 1868. – С. 20.
50. Там же. – № 36026. – § 27, 36, 38.
51. Там же. – § 4, 22, 24, 39, 42, 47, 48.
52. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 649. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–20; Ф. 678. Оп. 1. Д. 687. Л. 1–41.
53. Материалы для истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. – Выпуск 1. Отдел. II. – Темир-Хан-Шура: Рус. тип. В. М. Сорокина, 1902. – С. 292–304.
54. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 244. Л. 58–64; Алиев Б. Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана: XVIII – первая половина XIX вв. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – С. 88–95.
55. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 244. Л. 45 об. – 49.
56. Омаров А. И. Административно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе в XIX веке: автореф. дисс. ... к. и. н. – Махачкала, 1993. – С. 21–22.
57. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 62. Дагестанская область. – СПб., 1905. – С. 3–23.
58. Воронцов-Дашков И. И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. – СПб.: Гос. тип., 1907. – С. 9.

Ахмедова Р. А. (г. Махачкала), Вагабов М. М. (г. Москва)

РЕГИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДАГЕСТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИСТЕМЫ

Организацию литературной жизни дагестанского народа определяли не только культурная элита, которая с XIII по XIX век формировалась своеобразно, так как была рассеяна по всему Дагестану и концентрировалась вокруг имен известных ученых, но и повышенный социальный престиж ученых, поэтов в обществе, таких как: Уму Камал (XV в.), Али из Кумуха (XV в.), Шабан из Обода (XVI в.), Мухаммед Аваби Акташи (XVI в.), Дамадан-эфенди из Муги (XVII в.), Аликулихан Валех-е Дагестани (XVIII в.), Дибир-кади из Хунзаха (XVIII в.), Абубакар из Аймаки (XVIII в.), Абдурахман Какашуринский (конец XVIII – начало XIX вв.), Дауд из Усиша (XVIII в.), Магомед-эфенди Зарир из Кумуха (XVIII в.), Магомед сына Мусы из Кудутля (XIX в.), Мирза Али ал-Ахты (XIX в.) и др.¹

Своеобразная дисперсия элит и доступность ученых разных национальностей для любого гражданина Дагестана были связаны с плюрализмом дагестанской публики, ее толерантностью и терпимостью к культурному многообразию.

Литературная жизнь дагестанского народа в XIX веке отличается устойчивостью и высоким уровнем интеллектуальности, риторичности, назидательности национальной поэтической культуры, когда рационализированные навыки и оценки поэтических текстов, техника обладания поэтическим языком, классическим стилем на протяжении многих веков были отшлифованы в системе духовного образования. О дагестанской литературе (Й. Казак, О. Батырай, Е. Эмин) можно сказать словами Ф. Д. Буланина: «Восприятие этого наследия пробуждает в человеке национальную гордость и благотворно влияет на его нравственное чувство»².

К концу XIX века дагестанская словесность имеет значение национальной культуры и «литературные вкусы (Алигаджи из Инхо, Махмуд из Кохабросо. Абусуфьян Акаев), приравниваются к мировоззрению» (Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин)³.

В социальном плане литература Дагестана как бы компенсировала отсутствие публичной сферы (феномен, характерный для начальных стадий какого-либо литературного самоопределения), фактически принимая на себя функции общественного мнения.

Если носители образцовых достижений основного периода российской модернизации – литературные классики XIX века – получали «статус символических фигур», «конституирующих» само национальное сообщество как таковое, то дагестанские поэты-просветители М.-Э. Османов, А. Акаев, Г. Алкадари, Ю. Муркелинский получили статус культурных героев и представляли собой культурное воплощение национальной идеи свободы и культуры.

В это время наблюдается историческое сращение идеологии развития, образованных авторов и неграмотной публики и, наконец, формы выражения их взглядов и взаимоотношений (речь идет о проблемной словесности и прежде всего жанре поэмы и публицистики).

В позднейших условиях, включая реликты подобных представлений в наши дни, само существование литературы и культуры в Дагестане зачастую приравнивается к этой, в социальном плане достаточно узкой и идеологически перегруженной форме их бытования.

В формационную эпоху (XIX в.) дагестанские литературные инициативы формировались в Темирхан-Шуре, где они развивались вок-

руг промышленных и торговых кругов, а к началу XX столетия литературные инициативы уже имели окраску чего-то европейского (Творчество Нухая Батырмурзаева, Т. Бейбулатова, Г. Саидова, С. Габиева и др.).

Первые тиражи общедоступных книг в бумажных обложках, появившиеся на свет в Темирхан-Шуре в типографии Мавраева, как массовое явление распространились на целое поколение читателей. Роль культуры, с выработкой программы с которой в России и Европе связана судьба особых интеллектуальных слоев, в Дагестане приняло на себя само гражданское общество, и не случайно появление первых светских школ, библиотек, первого театра (Кумыкского театра в Темирхан-Шуре), публицистики связано именно с этим временем.

Вместе с тем в Дагестане еще была высока роль взаимодействия восточной и национальной культур. Для дагестанской литературы нет и никогда не было понятия «глубинки», как, добавим, и для дагестанской социологии. Поэтому поэты и писатели здесь чаще отождествляли себя с локальным сообществом, исповедуя своеобразный дагестанский «демократический популизм» (П. Кларк)⁴, который, как правило, был окрашен в восточные тона. Дагестанские авторы обычно соотносили свое самопонимание с нацией и языком.

В 30-х годах, когда была заложена легенда новой власти, вместе с кульгом русской классики начинается официальное формирование новой дагестанской советской интеллигенции и конечно литературы, которую возглавляли поэты и прозаики нового времени С. Стальский, Г. Цадаса, А. Магомедов, Р. Нуров, А. Фатахов, А.-В. Сулейманов, Ю. Гереев, Э. Капиев и другие.

К середине XX века произошло тесное интегрирование политической и литературной элиты, и наблюдалась высокая включенность советского государства в литературную систему. Централизация процессов формирования и отбора культурных элит на государственном уровне, твердость в отстаивании литературной нормы в СССР привели, в таком регионе как Дагестан, к взрывному характеру литературного развития, повышенной символической насыщенности писательской роли, всей литературной жизни народов Дагестана.

Так складывались слава и притягательность писательской деятельности в Дагестане особенно в середине и во второй половине XX века, когда дагестанские поэты и писатели получали образование в Московском литературном институте и концентрировались в Махачкале

Р. Гамзатов, А. Абу-Бакар, Ф. Алиева, Ш. Альбериев, Ш. Алишева, М. Абуков и др.

С распадом СССР развернулись процессы ускоренной социальной мобильности, исчезла цензура в печати и художественной сфере, на первый план вышла ориентированная на западную культуру массовая культура, и «литературоцентризм» советской и постсоветской интеллигенции, ее сосредоточенность на национальной классике подверглись разрушению.

В начале XXI века, когда исторический период развития исчерпан, начинается сложный, непредсказуемый период развития и общества, и литературы. Дагестан вовлечен в новый социальный и культурный, в том числе и литературный процесс. Литература и общество Дагестана, уже давно прошедшие этапы развития единства, приняли то, что весь мир идет к фундаментальному единству, вполне спокойно.

Последствия Перестройки заставили широкие круги как российской, так и дагестанской интеллигенции усомниться в плодотворности ее политических усилий. Лишь немногие сохранили верность идеям Перестройки. Они вполне сознавали трагедию случившегося, но продолжали считать Перестройку величайшим событием современности.

Однако большинству попытки рационально переустроить мир казались самонадеянными, даже смешными, потому что разум для многих был скомпрометирован, ему охотно противопоставляли непосредственное чувство, более верное, чем обанкротившийся интеллект. Особенно трагично было положение тех, для кого революционные лозунги все еще сохраняли свою силу, кто надеялся на возвращение к социализму.

Возникли новые концепции общества и природы: теперь уже материалистические тенденции отступали перед идеалистическими, политическая реакция охватывала все области духовной жизни общества, порождая в умах пессимизм и сомнения.

В свете этой удручающей реальности высокие мечты поэтов и писателей России и Дагестана отступают перед сложностью действительности, потому что мыслящий россиянин становился свидетелем ряда исторических парадоксов.

Противоречия отразились в первую очередь на литературе, в особенности на поэзии, которая в XX веке «не просто богата содержанием и красками», но и оказалась «многополюсной в восприятии и оценке самой сути столетия»⁵.

Сердца и умы наполнились пустотой, раскаянием, отчаянием, обманутыми надеждами, разочарованием, скептицизмом и в то же время жаждой веры, которую в свое время отнял у народа тот же социализм.

Еще нет литературной полемики, особенно в Дагестане, о том, что искусство должно быть ясным, насыщенным мыслью, оказывать прямое нравственное и просветительское воздействие на читателя, так как нет убежденности в том, что новое буржуазное перерождение помогло торжеству здравого смысла.

Все максимально понятно: «искусству и литературе уже не отводят главную роль в процессе того постепенного воздействия на умы и сердца, которое отстаивали поэты и XIX, и XX веков, как единственный способ усовершенствовать мир, в противовес идеям политических, социальных и экономических изменений»⁶. Пришло время эмоциональной исповеди писателя. Новые свободы, завоеванные на баррикадах у Белого дома, девальвировали многие ценности. Немало писателей России и Дагестана пишут, как говорится, «в стол», поскольку художники еще не имеют возможности себя реализовать, потому что сегодняшний гетаке во всем должен быть сменен процессом накопления новых духовных ценностей и ценностных ориентиров.

Историческое время с его социально-идеологическими и экономическими характеристиками, обусловленными переломным моментом в истории России, явилось характерной особенностью современной дагестанской лирической поэзии и лирической прозы. Таковы, в частности, произведения последних лет, представленные в разных жанрах: «Завещание», «Суд идет» Р. Гамзатова, «Ясновидящий дурак», «Нечистая сила» М.-Р. Расулова, «Благая весть», «Богатырские сердца», «Откровения кумыка кумыку», «Тоба», «Муки рая», «Между небом и землей» Б. Магомедова, «Печальная поэма» А. Джачаева, «И Судный день впереди» К. Абукова, «Расколотое солнце» А. Агаева, «Ночное свидание братьев» Расима Хаджи, «Крах» А. Вагидова, «Излом» Ф. Алиевой и др., в которых выражается историческая, нравственная, национальная и социальная позиция дагестанских писателей конца XX и начала XXI века.

Произошли радикальные изменения в постиндустриальном обществе. Применительно к литературе народов Дагестана новый «постмодерный» этап не проявляется как утверждение единого для всех литератур народов Дагестана «кода». Дагестанская литература пока еще продолжает сохранять многообразие различных форм и тенден-

ций, не поступаясь национальным своеобразием традиций и разноязычных культур, но в то же время ее не обошел процесс интеграции и глобализации. Сегодня литературный мир Дагестана – это автор-критик-читатель, по-разному вписанный в различные социальные и национальные ареалы, располагающий универсальным литературным наследием во всем его многонациональном богатстве и разнообразии. С другой стороны, творческая энергия, пульсирует не так интенсивно, как в эпоху Расула Гамзатова, поскольку направлена в русло системы «литературного производства», которая ведет к единообразию.

Но это не конец дагестанской литературы, а видоизменения, абсолютизирующие сегодня творческий прием, который был ей присущ всегда и состоит в том, что литература народов Дагестана черпает все «формы мифопоэтического выражения» из самой литературы.

Социальное (историческое) изучение дагестанской литературы предстает сегодня в первую очередь исследованием чтения, поскольку читателем является не только дагестанское общество, объект аналитических исследований для традиционной социологии литературы, но и сами писатели, чьи произведения – это творчески освоенные предшествующие литературы и чужие тексты, которые по-своему интерпретируют и комбинируют М.-Р. Расулов, Б. Магомедов, М. Атабаев, А. Джачаев и др.

В прочтении таких текстов, как «Ясновидящий дурак» М.-Р. Расулова или «Высшая мера» М. Атабаева есть скрытая логико-историческая связь, и она задает такому тексту незавершенную «полиидентичность». Поэтому взаимоотношения «литература-общество» следует рассматривать на основе исторического подхода.

Примечания:

1. Абдуллатипов А.-К. Ю. История кумыкской литературы (до 1917 года). Ч. II. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1995. – С. 14.
2. Буланин Ф. Д. Дмитрий Сергеевич Лихачев и русская культура конца двадцатого века // Русская литература. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – № 1. – С. 4.
3. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. – М., 1994. – С. 352; Дубин Б. В. Литературный текст и социальный контекст // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1988. – С. 236–248.
4. Clark P. P. The sociology of literature: A historical introduction // Research in sociology of knowledge, sciences and art. – 1978. – Vol. 1. – P. 237.
5. Абуков К. Расул Гамзатов: особенности философской лирики. Национальные и общечеловеческие нравственно-эстетические ценности. К 80-летию поэта. – Махачкала: ГУП РАН, 2003. – С. 15.

6. Ахмедова Р. А. Духовная интеграция народов Дагестана в современной литературе. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. – С. 203.

Ахмедова Р. А. (г. Махачкала)

ИНТЕГРАЦИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РУССКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В силу своего географического положения территория Дагестана являлась своеобразным коридором, связывавшим Восточную Европу со странами Ближнего и Среднего Востока, и играла важную роль в торговом и культурном обмене между ними.

Общественные условия жизни обозначили общность литературного порядка и предопределили историческую процессуальность и культурную позитивность дагестанской литературы, которая имеет многовековой опыт внутренней и внешней интеграции.

Так культурное сообщество не новое явление для дагестанцев, поскольку так называемый «межлитературный феномен» развивался на протяжении многих веков, о чём свидетельствуют исследования литературоведов Г. Г. Гамзатова, К. К. Султанова, Р. Ф. Юсуфова, К. К. Абукова, А. К.-Ю. Абдуллатипова, Ч. С. Юсуповой, А. М. Вагидова, Ш. А. Мазанаева и др.¹.

Этот процесс имел место в достаточно долгой истории дагестанской литературы, и здесь уместно вспомнить переводческую деятельность дагестанских писателей (М.-Э. Османов, А. Акаев, Сукур Курбан, Гасан Гузунов и др.) с арабского, болгарского, турецкого, персидского, татарского, позже с русского языка и наоборот. Это наилучшим образом проявилось в жанре дастана.

К XIX веку национальные литературы России, наряду с критическим освоением традиций близкородственных восточных литератур, обращаются и к опыту русской литературы, а через неё вовлекаются в европейскую художественную систему. Трудно сегодня представить этот путь без гуманистических идей русских писателей XIX века.

Радикальные изменения, произошедшие в России в начале XX столетия, переориентировали всё литературное движение, открыв новый этап в эволюции национальных литератур. В Дагестане в этом процессе сыграли важную роль просветители М.-Э. Османов, А. Акаев, Г. Алкадари и др. Они не только привнесли в дагестанскую лите-

ратуру, издавна связанную с Востоком, культурой ислама, общетюркским наследием, национальную трансформацию русских демократических идей, но и положили начало процессу интегрирования культуры Дагестана в русское культурное пространство.

На этом этапе «многослойная литературная реальность» проявила себя «не столько в том, чтобы акцентировать несовпадение миров, сколько в выявлении интегративных моментов»².

Творческое взаимодействие русской и дагестанской культур дало толчок к развитию многообразия жанровой и стилевой структуры литературы, привело к повышению общественного интереса к ней, к новой роли писателя, что в значительной мере «модифицировало» географию эстетических и духовных интересов в области философии, эстетики, этики многонациональной культуры.

Поэтому на фоне всеобщего интереса писателей разных регионов России к русской литературе дагестанская литература заняла особое место. Об этом свидетельствует переводческая деятельность дагестанских писателей-просветителей (Г. Гузунов, С. Габиев, Г. Саидов, Т. Бейбулатов и др.).

Это привело к активному использованию русского языка на начальных этапах развития литературы в Дагестане, что благоприятствовало более глубокому восприятию и осмыслению русской литературной жизни данного периода, когда наступил качественно новый этап развития общих тенденций.

В духовной жизни Дагестана, как и других инонациональных зон СССР наступил качественно новый рубеж, за которым последовало усиление общих тенденций пересечения, сближения и «постепенное преодоление взаимной изолированности»³.

В результате этого дагестанцы вырастили новую национальную, художественную и научную интеллигенцию, сформировали культурные центры, установили прочные связи с национальной культурой других народов.

В этой связи надо говорить о значительном вкладе в этот процесс Юсупа Гереева, который впервые в Дагестане опубликовал повесть «Весна, пришедшая с Севера» (о революции и гражданской войне в Дагестане) на русском языке и Эфенди Капиева, сыгравшего важную роль не только в развитии дагестанской литературы, но и в её интеграции в мировое культурное пространство («Поэт», «Фронтовые записки»).

Э. Капиев понимал, что русский читатель постигнет суть произведения, его всевозможные оттенки и детали лишь в той мере, в какой

он будет приобщён к жизни его родного народа, просвещён в его культуре, обычаях, традициях.

Если в своей книге «Поэт» этот дагестанский писатель вышел к русскому читателю с просветительской миссией, представляя национальную культуру малого народа, то «Фронтовые записи» представляют его мир, человеческую сущность, организуя диалог человека с человеком, писателя с читателем, когда национальный стереотип отходит на второй план и остаётся сущность человека. Надо отметить, что его фронтовые записи стали основой для создания художественных и документальных фильмов (Гембского и Халора «Дневник-14», в фильме Андрея Тарковского «Иваново детство» можно увидеть и услышать в виде надписей на стене, изречений героев слова Э. Капиева из «Фронтовых записей»).

Европейскому, христианскому восприятию Э. Капиев оказался близок нравственным миропорядком, милосердием к человеку, солдату, «будь то дагестанец, русский, немец, еврей». «Каждый – герой и сверхчеловек», «все – великие страдальцы» – такова эпическая формула Э. Капиева.

«Фронтовые записи» Э. Капиева явились своеобразным «художественным открытием» в дагестанской литературе середины XX века. Э. Капиев записывал всё, что видел и слышал. Как гражданин, он чувствовал свою ответственность за память перед потомками, и потому старался не упустить ни одной детали, такой, как эта надпись на стене: «Нас было девятнадцать человек, никому нет старше восемнадцати лет. Сейчас нас ведут убивать. Отомстите за нас»⁴.

В другой записи, природа равнодушна ко всему тому, что творит на земле человек: «Чтобы усилить эффект, писатели и поэты обычно заставляют и природу принимать участие в делах людей, а, по-моему, весь ужас в безмерном равнодушии природы к людским делам»⁵.

В лаконических, но глубоко содержательных фронтовых записях сконцентрирована страшная трагедия XX века, жестокая реальность войны:

«В Минске – после ужасной бомбардировки – на площади пляшут и хохочут сошедшие с ума женщины»⁶. Или: «Женщина на костылях, с рюкзаком»⁷. За этими несколькими строчками – вся трагичная нелепость и в то же время жестокая реальность войны, когда женщина, хранительница очага, предстает перед читателем на костылях с рюкзаком, как воин после ранения.

Вот другая запись: «Везут тачку. Кукла на тачке»⁸. Она состоит из двух коротких фраз, но как застывает в жилах кровь, когда за этими

словами вдруг видишь мать, девочку, прижимавшую эту куклу, как самую большую ценность, которых разбомбило, и немая тряпичная кукла обо всем этом теперь говорит.

Э. Капиев мог увидеть во всём жизнь, она везде ему напоминает о себе, как эти «розово-белые, глупые и добрые тыквы под кроватью, а на кровати бомба и автоматы. Натюрморт»⁹.

«Предатели уже предали, трусы погибли, скептики увяли – остались в армии лишь те, кто будет воевать и геройски умирать».

«На войне шагают рядом, в ногу. Плечом к плечу жизнь и смерть, правда и ложь, любовь и ненависть»¹⁰.

«Она была ранена в ногу, но, однако, продолжала перевязывать раненого, укрываясь в воронке. Осколком снова ранило её в обе ноги. Тогда она, упав, подняла окровавленный бинт и стала кричать:

- Кто ранен, подползайте ко мне? Я сама двигаться не могу»¹¹. Этот эпизод показывает, как неисчерпаемы духовные резервы человека.

«Слезы бегут по сердцу, но не по лицу»¹². В каждой записи всего несколько слов или несколько строк, но за ними – вся трагедия и несуразная реальность войны.

Творчество Э. Капиева так органично вписалось в русское и европейское культурное пространство, что Луи Арагон в своём труде «Введение в советские литературы» останавливает особое внимание на «Фронтных записях» Э. Капиева, которые неоднократно издавались в Европе¹³.

Во второй половине XX века появилось исследование «Miesięcznik literacki», посвящённое творчеству Капиева. Многочисленные отклики на прозу Э. Капиева отражают представительство малых культур в России и за рубежом.

В 60-е годы XX века форсированное сближение наций привело к умалению национального многообразия, особенностей духовной жизни разных народов. Проблема национального развития, самобытности национальных литератур рассматривалась в основном в связи с задачами интернационального воспитания, а понятие «интернациональное» выступало продолжением национального.

Однако задача эволюции интеграционного сознания значительно шире экономического, социального и культурного развития и охватывает различные сферы жизни людей, условия их исторического и культурного развития, народные обычаи и традиции, менталитет и особенности языка, то есть всё то, что затрагивает проблемы, имеющие непосредственное отношение к интеграции интеллектуальных,

моральных и эстетических ценностей.

Сегодня, когда Россию раздирают форсированные межнациональные конфликты, необходимо вспомнить, что знакомство с историей, культурой и литературой другого народа является самым необходимым условием взаимопонимания между людьми разных национальностей.

Отражение всего того, что связано с ценностным потенциалом каждого народа, каждой национальной литературы есть не что иное, как художественное обретение интеллектуальной, нравственной, эстетической сокровищницы ценностей национальной культуры и литературы. Всё это и лежит в основе сближения и взаимообогащения различных литератур и народов.

Открытое эстетическое и интеллектуальное пространство нации, каким являлась русская литература, всегда интересно для всего человечества. Такая открытость помогает нации лучше видеть «чужое». Именно это содействовало развитию многих национальных литератур народов СССР, в том числе и литературы Дагестана, вышедшей уже во второй половине XX века на новый уровень.

То есть в XX веке в Дагестане произошла духовно-нравственная и мировоззренческая эволюция, во время которой при активном общении к мировым культурно-литературным процессам появлялись самобытные национально-литературные эксперименты, а русская литература из эстетического ориентира постепенно превратилась в объект активного творческого освоения.

Своеобразие исторического пути, быта и жизни дагестанского народа, красота горного края стали темами произведений многих дагестанских поэтов и прозаиков XX века, чьё творчество уже давно известно за пределами Дагестана: Э. Капиева, Расула Гамзатова, Аткая Аджаматова, Анвара Аджиева, Фазу Алиевой, Ахмедхана Абу-Бакара, Магомед-Расула Расулова, Магомеда Атабаева, М.-С. Яхьяева, Ханбиче Хаметовой, Ахмеда Джачаева, Бадрудина Магомедова и др.

Произведения этих писателей имеют национальный колорит, отражают вековые традиции своих народов, их связи с историей и жизнью соседних народов.

К концу XX века литературный процесс Дагестана представлял собой сложное системное единство, когда литературное двуязычие, издавна имеющее место в Дагестане получило не только новое развитие, но и расширило его масштабы до появления «двуязычного художественного творчества»¹⁴.

Это позволило дагестанским авторам влиться со своими произведениями в российское и мировое культурное пространство.

Доказательством этого является творчество Р. Гамзатова, и в частности, его произведение «Мой Дагестан», в котором автор обращается к ценностным ориентирам дагестанцев. Это поможет понять тайный смысл образов и символов, представляющих собой ценности данного народа. Тогда читатель любой национальности может неосознанно, чувствуя пределы своих знаний, переводить образную символику произведения другой национальной литературы на собственный язык.

В данном случае «Огонь и вода» – символы, выступавшие как «консолидирующие» в жизни разноязычных людей, живущих на одной территории: «Рассказывают, что в давние времена, если враги пересекли границу Дагестана, то на самой высокой горе разжигали огонь высотой с башню. Увидев его, все аулы разжигали свои костры. Это и был тот стремительный клич, который заставлял горцев садиться на боевых коней. Из каждого дома выезжали всадники, из каждого аула выезжал готовый отряд... Конные и пешие выходили на зов огня. Пока пылали костры на горах, старики, женщины и дети, оставшиеся в аулах, знали, что враг всё ещё находится в пределах Дагестана... Эти огни были и боевыми знаменами и приказами»¹⁵.

Но были и другие костры, которые считались добрыми и тоже объединяли людей, как в горести, так и в радости: «У нас есть обычай: вечером первого зимнего дня (а иногда также вечером первого весеннего дня) горные аулы разжигают на саклях приветственные костры. По одному костру на аул. Костры далеко видны. Через ущелья, через пропасти и скалы аулы поздравляют друг друга с наступлением зимы или весны»¹⁶.

Какими бы суровыми ни были неписанные, но прочно вошедшие в жизнь законы Дагестана, были и такие, которые сохраняли достоинство и честь народа: «Раньше, если кровник обнаружит своего кровника купающимся в реке, он не тронет его до тех пор, пока тот не выйдет из воды, не наденет оружия»¹⁷.

Так Р. Гамзатов приобщает читателя к национальным ценностям народов Дагестана, помогает проникнуться уважением к ним, что позволяет писателю вынести дагестанскую культуру в российское литературное пространство.

И это – главное достоинство «Моего Дагестана».

Таким образом, национальный элемент переживается и постигается как эстетическое содержание. В этом заключается привлекатель-

ность «инонациональных» произведений, определяющее условие духовного сближения и взаимообогащения людей различных национальных культур, какими являются русский и дагестанские народы.

Дагестанские авторы в своих произведениях пытаются показать всё богатство духовного опыта Дагестана, его сложную историческую судьбу, так как «гражданская деятельность людей и их частная жизнь, их отвлечённые идеологические взгляды и непосредственное «видение мира» могут обнаруживать такую противоречивость, могут быть проявлением различных тенденций национально-исторической жизни»¹⁸.

«Некоторым современным теоретикам кажется, что при интеграции производственных, социальных, человеческих взаимоотношений различных стран мира национальное должно исчезнуть или стать лишь одним из второстепенных звеньев общеевропейской, общемировой культуры»¹⁹.

Противопоставить суждению западных теоретиков литературы можно развитие современного дагестанского общества и дагестанской литературы, которая до настоящего времени играет важную роль в процессе духовной интеграции народов Дагестана в российское культурное пространство.

Так, творчество Ахмедхана Абубакара органично вписалось в многонациональное культурное пространство России не только своими яркими, самобытными рассказами, повестями и очерками («Девочка и море», «Медовые скалы», «Белый сайгак», «Исповедь на рассвете» и др.), но и талантливими киносценариями («Чегери», «Адам и Хева», «Снежный человек», «Ожерелье для моей любимой» и др.), которые заняли достойное место в советской кинематографии.

Ахмедхан Абубакар, как национальный писатель, создал в своих светлых рассказах и повестях главный «ценностно-смысловой спектр», который наполнил литературу Дагестана новым смыслом. Это явилось толчком к развитию новых тем, образов, концепций, что не позволяет дагестанской литературе «исчезнуть» или «стать второстепенным звеном» общемировой культуры, а наоборот помогает ей в силу своей оригинальности и самобытности интегрироваться в мировое культурное пространство.

В конце XX века наступило безвременье, когда симпатия к новым демократическим идеям уживается у многих дагестанских писателей (Б. Магомедова, А. Джачаева и др.) с критикой новой демократии, а глубокое сочувствие народу – с пониманием необходимости сохранения духовного единения с русским народом и его культурой.

Так дагестанские авторы, интегрируясь в российский и мировой литературный процесс, сделали очевидным то, что культура малых народов уже не является автономной, и современная литература народов Дагестана ищет новые формы самовыражения.

Примечания:

1. Абдуллатипов А.-К. Ю. История кумыкской литературы (до 1917 года). 1 часть. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1995. – 213 с.; Акбиев С. Х. Связь времён и дружба литератур. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1985. – 124 с.; Вагидов А. М. Восхождение к единству: общесоюзный литературный процесс и своеобразие художественного опыта даргинской литературы. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. – 252 с.; Гамзатов Г. Г. Кавказ и Дагестан в контексте русско-французских историко-литературных связей // Гамзатов Г. Г. Дагестан: историко-литературный процесс. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – С. 582–603; Ханмурзаев К. Г. Дагестанские мотивы в поэзии Пауля Флеминга // Вестник ДГУ. – 2004. – № 6. – С. 29–36; Казбекова З. Дагестан в европейской литературе. Грани самопознания – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994. – 154 с.; Мазанаев Ш. А. Русскоязычная литература Дагестана. Проблемы национального и интернационального взаимодействия. – Махачкала: Даг. книгоиздат, 1998. – 131 с.; Султанов К. К. Литература в контексте культуры // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1989. – № 1. – С. 153–156; Юсупова Ч. С. Дагестанская поэма: становление и развитие жанра. – М.: Наука, 1988. – 408 с.; Юсуфов Р. Ф. История литературы в культурфилософском освещении. – М.: Наука, 2005. – 435 с.
2. Султанов К. К. Самосознание национальной литературы. Ценностные аспекты // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Выпуск 1. По материалам научной конференции. – М.: Наследие, 1995. – С. 8.
3. Гамзатов Г. Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. – М.: Наследие, 1986. – С. 4.
4. Капиев Э. Избранное в 2-х т. / Сост. Н. В. Капиева. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1971. – Т. 2. – С. 92
5. Там же. – С. 189.
6. Там же. – С. 32.
7. Там же. – С. 41.
8. Там же.
9. Там же. – С. 109.
10. Капиев Э. Избранное / Сост. и примеч. Н. Капиевой; вступ. статья Расула Гамзатова. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 492.
11. Там же. – С. 407.
12. Там же. – С. 493.
13. Kapijew E. Notatki z frontu 1941–44. Przel. Ziemowit Feddecki, 3 wyd. – Warszawa: Czytelnik, 1984. – 209 s.; Kapijew E. Nedoconcena mozaika. – Praha: Nase vojsko, 1971. – 200 s.; Kapijew E. Ostny hvezd. – Praha: Odeon, 1977. – 276 s.
14. Мазанаев Ш. А. Двухязычное художественное творчество в системе национальных литератур. – Махачкала: Юпитер, 1997. – С. 237.
15. Гамзатов Р. Г. Мой Дагестан. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1985. – С. 251.
16. Там же. – С. 254.

17. Там же. – С. 256.

18. Поспелов Г. Н. Вопросы методологии и поэтики. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1983. – С. 216.

19. Ломидзе Г. И. В спорах и размышлениях // Способность к диалогу. Часть первая. – М.: Наследие, 1993. – С. 31.

Миронова Е. А. (г. Оренбург)

«И НЕНАВИСТЬ БЕЗМЕРНА, КАК ЛЮБОВЬ»: НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКОЙ КЛАССИКИ

*Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..*
(Лермонтов М. Ю. Кавказу)

Удивителен по своей красоте и величию Кавказ. Многие русские авторы М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и другие были очарованы могущественным Кавказом и воспевали его величие в своих бессмертных произведениях. А. С. Пушкин посвятил этому чудному краю такие строки:

*...В те дни ты знал меня, Кавказ,
В свое святилище **глухое**
Ты призывал меня не раз.
В тебя влюблен я был безумно.
Меня приветствовал ты **шумно**
Могучим гласом бурь своих...*

Впервые А. С. Пушкин посещает Кавказ в 1820 г. Знаменитая «Южная ссылка» оставила неизгладимый след в душе поэта. Вольный Кавказ стал приютом для свободолюбивого «художника». Кавказ для художника, – прежде всего, святилище, а потому и ссылка для него превратилась в убежище. Время, проведенное на Кавказе, стало для А. С. Пушкина временем раздумий и размышлений о жизни и творчестве.

*Я слышал **рев ручьев** твоих,
И снеговых **обвалов грохот**.
И **клик орлов**, и **пенье дев**,
И **Терека свирепый рев**,
И эха **дальнозвучный хохот**,
И зрел я, **слабый твой певец**,
Казбека **царственный венец**.*

(Пушкин А. С. Евгений Онегин)

А. С. Пушкин одним из первых воплотил поэтические впечатления от кавказской природы. Природа для поэта – картина мира, картина живая и, в первую очередь, наполненная звуками. А. С. Пушкин передает грандиозные звуковые ощущения, перед которым поэт – слабый певец.

Прошло совсем немного времени, и величественный Кавказ воспел в своих стихах юный поэт М. Ю. Лермонтов.

*Там Терек издали **кружит**,
Меж **скал пустынных** протекает
И пеной **зыбкой орошает**
Высокий берег; **лес молчит**;
Лишь изредка олень **пугливый**
Через **пустыню** пробежит,
Или коней **табун игривый**
Молчанье дола **возмутит**.*

(Лермонтов М. Ю. Кавказский пленник)

Первое знакомство М. Ю. Лермонтова с Кавказом состоялось еще в детстве. Через всю жизнь поэт пронесет восхищение и любовь к этому дивному краю и воплотит свои впечатления в ряде стихов, поэм и рисунков. Но Кавказ предстанет перед М. Ю. Лермонтовым тихим и пустынным, молчанье нарушит только «коней табун игривый», а позже «дальний выстрел».

В произведениях обоих авторов воспеваются величие Кавказа, но перед читателем рисуются не только картины природы, но и образы, живущих в этом краю людей. Людей своеобразных и, казалось, ничем не похожих на россиян.

*...Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,*

*Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый,
И нравы тихой простоты!*
(Лермонтов М. Ю. Черкешенка)

Вновь перед читателем Кавказ предстает спокойным и молчаливым, а жители его кажутся нам кроткими, но они могут быть и совсем другими, таков их закон.

*И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.*
(Лермонтов М. Ю. Измаил-бей)

«Естественные», живые, непросвещенные, целомудренные и неразвращенные цивилизацией народы Кавказа, умеющие любить, превыше всего ставящие собственную свободу, верные себе, своему народу и своим обычаям, живущие по законам природы, – такими рисует нам кавказские народы М. Ю. Лермонтов, – вступили в жестокую войну с Российской империей.

*Война!.. знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних рук
Пред алтарем погиб невинно...
Время, через Кавказ пустынный
Промчался клик: война! война!
И пробудились племена.
На смерть идут они охотно.*
(Лермонтов М. Ю. Измаил-бей)

Одной из причин этой затяжной кровопролитной войны было желание Российской империи привить культуру европейских стран народам Кавказа. Здесь не случайно употреблено словосочетание «дикие народы», ведь с удивительной частотой мы встречаем эпитет «ди-

кий» в произведениях М. Ю. Лермонтова: «...*Со скал гранитных над путем склонился **дикий** виноградник...*» (Лермонтов М. Ю. Измаил-бей), «...*Природы **дикой** красоты...*» (Лермонтов М. Ю. Черкешенка), «*Терек воет, **дик** и злобен...*» (Лермонтов М. Ю. Терек), «...*И, трянувшись, в поле **диком** серый сокол тихо сел...*» (Лермонтов М. Ю. Два сокола), «...*Пещеры и скалы под **дикой** пеленою мглы...*» (Лермонтов М. Ю. Кавказу), «*Светаёт – вьётся **дикой** пеленой вокруг лесистых гор туман ночной...*» (Лермонтов М. Ю. Утро на Кавказе) и др. В приведенных примерах М. Ю. Лермонтов употребляет этот эпитет по отношению к природе Кавказа, но, обратившись к описаниям кавказских народов, мы вновь встретим это определение: «...*И **дики** тех ущелий племена...*» (Лермонтов М. Ю. Измаил-бей). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль даёт следующее определение слова: «ДИКИЙ – в природном виде состоящий, «...», невозделанный, природный; необразованный; неручной; необузданный, свирепый; суровый; застенчивый, чуждающийся людей; странный, необычайный». Но в Толковом словаре Д. Н. Ушакова мы встретим несколько другое определение: «Находящийся в первобытном состоянии, некультурный. Напр.: дикие народы».

Обратимся к Толковому словарю Д. Н. Ушакова: «КУЛЬТУРА (лат. cultura) – совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе». Но М. Ю. Лермонтов рисует нам картину этнической культуры народов Кавказа:

*...Близ рубежа **чужой** земли
Аулы **мирные** цвели,
Гордились дружбою взаимной.
Там каждый путник находил
Ночлег и пир **гостеприимный**;
Черкес **счастлив и волен** был.
Красою чудной за горами
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили **распри** молодых,
Весельем песни их дышали!
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!*

(Лермонтов М. Ю. Измаил-бей)

У кавказских народов были свои обычаи и нравы, за которую на смерть стояли горцы, но целью русских завоевателей было не разру-

шение этнической культуры, а привнесение в нее ценностей европейской цивилизации, однако в европейской культуре народы Кавказа видели лишь негативные аспекты, европеец казался им развращенным благами цивилизации.

*...Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развертом, ядом просвещенья
В Европе душиной заражен!*

(Лермонтов М. Ю. Измаил-бей)

Горцы сражались за свою свободу, которую ценили выше всех благ цивилизации. Это особенно подчеркивал поэт в своих произведениях. М. Ю. Лермонтов, так же, как и герои его стихотворений и поэм, тяготел к свободе и независимости, и эту свободу он находил там, среди высоких гор и бурных рек, ведь природа для поэта – высший тип гармонии бытия, а потому мы видим одинокого человека, стремящегося найти гармонию и находящую ее в природе, в природе Кавказа.

*Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синяя, облака
Под вечер к вам летят издалика,
Над вами вьются, шепчутся как тени,
Как над главой огромных привидений
Колблемые перья, – и луна
По синим сводам странствует одна.*

(Лермонтов М. Ю. Измаил-бей).

Природа Кавказа – вечная, прекрасная, возвышенная, царственная. Во все времена поэты и художники прославляли этот чудный дикий край, в котором каждый, кто воспевал его, видел что-то свое. Кавказ завораживал и преображал своих певцов. М. Ю. Лермонтов, создающий свои произведения о Кавказе, совсем не тот поэт, что написал «Выхожу один я на дорогу...» или «И скучно и грустно...». Здесь, на Кавказе, он не одинок, он не чужой, он свой, свой настолько, что, кажется, уже неотделим от этого чудесного мира, мира чистоты и буйства чувств:

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.*

(Лермонтов М. Ю. Кавказ).

ЧЕЧЕНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Каждый народ, независимо от его численности и места обитания, представляет собой неповторимую ценность для всего человечества. Все народы находят своё место в лоне цивилизации, делятся своим национальным опытом жизни, культурой, обычаями, с близкими и дальними соседями и в то же время обогащаются за счет их опыта.

Чеченцы (самоназвание «нохчий») – один из крупнейших этносов Северного Кавказа со своим антропологическим типом и самобытной культурой. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., его общая численность составляла 1431360 человек, в том числе в Чеченской Республике – 1206551 человек. В Оренбургской области тогда было зарегистрировано 1059 чеченцев. К ним очень близки по генотипу, культуре и религии их соседи ингуши. Вместе они образуют вайнахский народ, связанный кровным родством, общей исторической судьбой, территориальной, экономической, культурной и языковой общностью. Вайнахи являются аборигенами Кавказа и говорят на нахском языке, входящим в северокавказскую группу иберийско-кавказской семьи языков. Распространён также русский язык (свободно владеют 74 %). Письменность после 1917 г. сначала на основе арабской, затем – латинской графики, с 1938 г. – на основе русского алфавита¹.

Чеченское общество исторически формировалось, как полиэтническое, оно постоянно впитывало в себя различные этнические элементы кочевых и соседских горских народов, об этом свидетельствует невайнахское происхождение многих чеченских тейпов (родов). Чеченцы проживают в основном в Чечне и Ингушетии. Живут также в Дагестане, Ставропольском крае, Волгоградской области, Калмыкии, Астраханской, Саратовской, Тюменской областях, Северной Осетии, Москве, а также в Казахстане, Киргизии, на Украине и др. Верующие чеченцы – мусульмане-сунниты.

Традиционными видами хозяйственной деятельности чеченцев являлись земледелие и скотоводство. Они возделывали ячмень, пшеницу, просо, овёс, рожь, лён, фасоль, позже стали выращивать кукурузу, арбузы и др. У них были также развиты садоводство и огородничество. В горных областях получило развитие отгонное овцеводство, на равнинах разводили крупный рогатый скот, а также породистых

лошадей для верховой езды. Важную роль играли кустарные промыслы, ювелирное и кузнечное ремесло.

На протяжении всей этнической истории народы создают также свою уникальную духовную культуру, одним из проявлений которой являются их пословицы и поговорки. Этот древний жанр народного творчества появился задолго до возникновения письменности и передавался из уст в уста, от поколения к поколению. Многовековой мудростью этих изречений во все времена люди дорожили и пользовались ею в разных направлениях своей деятельности в различных ситуациях. Пословицы следует отличать от поговорок. Главной особенностью пословицы является её законченность и дидактическое содержание. Поговорка отличается незавершённой умозаключением, отсутствием поучительного характера. Пословицы и поговорки – едва ли не первые блистательные проявления творчества народа. Все великие люди благоговели перед мудростью и красотой, живописной изобразительной силой пословиц и поговорок. Поражает вездесущность пословиц и поговорок – они касаются всех предметов, вторгаются во все области человеческого бытия, людских надежд, помыслов, оценок ближних – родных, соседей, властей, учреждений, законов, суда, житейских обычаев, течения жизни, души человека, его здоровья, нрава, характера. Не случайно знаменитый Владимир Даль выделил для пословиц и поговорок 170 рубрик.

Как единицы фольклорного жанра пословицы предназначены для устно-речевого бытования. Пословицы порождаются устным народным творчеством или заимствуются из определённых литературных источников, теряя связь с этими источниками. В любом случае они обобщают опыт народа, выведенный из его общественной практики. Социальное развитие ведёт в современных развитых странах ко всё большей унификации языка в национальных масштабах, к постепенному стиранию диалектных различий и возникновению единой общеходно-разговорной речи с общим для всей нации запасом устойчивых фраз, в том числе пословиц.

Пословицы и поговорки многообразны, они находятся как бы вне временного пространства. Действительно, в какое бы время мы не жили, пословицы и поговорки всегда останутся актуальными, приходящимися всегда к месту. В пословицах и поговорках отражён богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное

использование пословиц и поговорок придаёт речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Идейно-воспитательная роль пословиц и поговорок определяется тем, что они имеют совершенно ясную целенаправленность. Познавательное значение пословиц и поговорок тоже представляют собой проявление воспитательной функции. Многие полагают, что изначальной целью пословиц и поговорок была передача опыта молодым поколениям. Идейно-воспитательная роль пословиц и поговорок состоит также в том, что они служат ясным выражением определённых суждений о реальной действительности, в которых что-либо утверждается или отрицается, раскрываются свойства предметов и явлений. Тем самым прививаются слушателям характерные воззрения на эти предметы и явления.

Пословицы и поговорки служат воспитанию у людей идеалов смелости, честности, чувства дружбы, ставят в пример высоконравственное поведение, оперируют понятиями добра и зла, чести и бесчестия.

В наш век мы храним и передаем информацию разными способами: письменно и в электронном варианте. А ведь когда-то, когда даже письменность была неизвестна, существовал простой и доступный всем способ передачи опыта – наш язык. До сих пор до нас доходят послания предков в форме песен, сказок, обрядов. Но самым кратким, информативным и, возможно, наиболее используемым посланием являются пословицы и поговорки. Именно они, помимо своей смысловой нагрузки, делают нашу речь яркой и выразительной. Пословицы народов мира имеют много общего, но наряду с этим существуют и специфические особенности, характеризующие колорит самобытной культуры определённого народа, его многовековую историю. В пословицах заключен глубинный смысл и народная мудрость, уходящая своими корнями в далёкое прошлое. В них мы можем увидеть культуру, традиции и историю народа, познать, что такое добро и зло, почувствовать каким прекрасным средством для воспитания в человеке нравственности, культуры, духовности являются эти кладези мудрости. Каждый человек, независимо от того, где он живет, много ли учился, употребляет в своей речи на протяжении жизни 200–300 пословиц. Всё это случается, наверное, потому, что ценность пословиц и поговорок заключается в их краткости изложения и ёмкости передаваемого смысла.

По своему содержанию и функциям пословицы близки к лирической поэзии. Их назначение в том, чтобы в кратких афористических

формулах выражать отношение народа к различным жизненным явлениям. Содержание пословиц и поговорок специфично. Все вместе взятые они отражают жизнь полнее, чем какой-либо другой жанр фольклора. Тематика произведений других жанров в той или иной степени ограничена, а тематика пословиц буквально безгранична. Они реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всём многообразии, они передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические народные взгляды.

Пословицы и поговорки являются источниками полезной информации, например, о выращивании урожая или о погоде. В них проявляется мудрость и дух народа, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа.

Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. Национальный менталитет проявляется в отражении особенностей быта, обычаев, истории и культуры, главным образом в строевых его единицах, к числу которых мы относим и пословицы и поговорки. Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. В пословицах и поговорках выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенность воззрения; в них проявляются быт и обиход, дух и характер, нравы и обычаи, верования и суеверия.

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. В любое время они будут характерной чертой данного народа, объектом внимания и исследования. Составитель сборника «Мудрое слово Востока», утверждающий, что «... только на Востоке знали и понимали настоящую силу Слова», включил в него значительное количество чеченских пословиц. Можно согласиться с этим фактом, ибо в определенном смысле под «восточной» цивилизацией можно подразумевать всё, что не относится к цивилизации западной².

Как и у всех народов, чеченские пословицы и поговорки возникали и складывались по ходу жизни народа, отражая не только важные события и процессы, но и характерные бытовые явления. В его этни-

ческой идентификации важное место занимает поговорка «Чеченцем быть трудно». Этноним «нохчий» несёт большую эмоциональную нагрузку. С ним обращаются друг к другу люди, например, в ситуации, когда нужно не посрамить чести своего народа, даже в обычной, бытовой обстановке.

Общеизвестно, что основная функция пословиц – назидательно-поучительная. Чаще всего в них осуждаются недостойные человеческие поступки, пороки и отрицательные черты характера. Другими словами, определённые группы пословиц выражают широкий диапазон порицания в человеке негативного (лжи, подлости, измены, глупости, жадности и т. д.). С точки зрения предметно-тематического принципа, чеченские пословицы и поговорки можно условно распределить на несколько групп. Например, известны пословицы и поговорки, отражающие общественно-исторический опыт народа: «Медведица своего детёныша в пыли вываляла, когда захотела его съесть». Она говорится тогда, когда требуется алиби в чём-то содеянном. Поговорка «Ты ещё не знаешь, что Шамиль пленён?!» описывает положение, когда кто-либо настолько отстал от жизни, что не знает элементарного, простого. Выражение «Кошке – забава, мышке – смерть» означает, что не всё одинаково воспринимается, действует, оказывает влияние и т. п. Другая группа пословиц и поговорок отражает житейский, бытовой опыт народа. Поговорка «Телёнок, стоявший рядом с ослом, закричал по-ослиному» аналогична русскому «С кем поведёшься, от того и наберёшься». «Не успел вымолвить «палас», как обозвали его «лохмотьями»» характеризует людей, которые критикуют других и этим самым предупреждают критику их собственных недостатков. Чеченская поговорка «Когда женщины постирали шерсть, лисица выстирала свой хвост» соответствует по смыслу русскому «Куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй». «С голого и семерым не снять штанов» говорится при невозможности сделать что-либо, при полном отсутствии каких-либо возможностей, реальных условий для чего-либо. Пословицу, перевод которой означает «Селу что ни случилось – игра» следует понимать таким образом, что когда со всем селом страдаешь – горе не ощущается так остро. Она вполне может быть сравнима с русским «На миру и смерть красна». Среди пословиц и поговорок чеченского языка вышеуказанная группа – самая значительная.

Целый ряд чеченских пословиц и поговорок посвящён дружбе и труду: «Далёкая музыка кажется приятной» – понаслышке всё можно представить в приятном виде; «Красивое слово гору озолотило» –

говорится, когда что-либо сказанное имеет положительное влияние на исход чего-либо; «Отложенный на завтра не приделанным остался хвост лани» означает, что нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Поговорка «Гончар придельывает ручку посуды там, где он хочет» означает то же самое, что и русское «Дело мастера боится». Смысл выражения «Бычье молоко гуще коровьего» в том, что рабочий бык (особенно в прошлом) создавал основное богатство семьи.

Приведем некоторые чеченские пословицы и поговорки, характеризующие бедность и богатство: «Когда начинаешь беднеть, прежде всего подгорает чурек» – соответствует русскому «Пришла беда – растворяй ворота»; «Продавший черемшу купил лук» говорится тогда, когда что-либо не принесло пользу, или кто-либо не изменил, не улучшил своё материальное положение, то есть по-прежнему остался беден. Говоря: «Не трудно бедность перенести, богатство перенести трудно», чеченцы имеют в виду, что нередко разбогатевший делается заносчивым. Некоторые пословицы и поговорки, отражают храбрость и трусость: «Не осмелившийся ударить коня – ударил по седлу» – опешивший или струсивший перед кем-либо набрасывается на слабого, невинного, «Не хватайся за отцовскую бороду, но если схватишь, не отпускай» – призыв быть осторожным, но решительным (сравнимо с русским «Не давши слова, крепись, давши слово – держись»); «Когда грозит смерть, и мышь кусается» означает, что в отчаянном положении кто-либо может сделать совершенно неожиданное, невероятное.

У чеченского народа есть немало пословиц и поговорок о честности и преданности Родине: «Грязного (по характеру) не отмоешь и водой, чистого не сожжёшь и огнём» – аналог русского «Чёрного кобеля не отмоешь до бела»; «Кто съел козу, у того голова горит» соответствует русскому «На воре шапка горит». Поговорка «На чужбине борзая собака зайца не поймала» молвится в случае, когда у кого-либо нет воодушевления и настроения сделать что-либо по причине отсутствия связи с Родиной. Смысл пословицы «Хорошая лягушка в своём болоте живёт», думается, понятен любому без дополнительного толкования. Чеченцы отличаются сильными родственными чувствами и трепетным отношением к останкам своих умерших, но, тем не менее, у них бытует пословица «При невозможности и труп отца (на чужбине) оставлен», означающий, что в экстремальных условиях иногда приходится принимать неожиданные решения.

Указанными группами пословиц и поговорок не исчерпывается тематика пословичного материала чеченского языка. По тематической направленности назидательности, заключённой в пословицах, исследователи выделяют несколько групп пословиц и поговорок с их грамматическими формами. Первую группу составляют поучения, которые выражают безоговорочное принятие какого-либо решения: «Не торопись, но и не забывай»; «Добру головой будь, злу хвостом будь». Другие поучения, основаны на разъяснении закономерностей жизни или оценке жизненных явлений через их сравнение, без прямого руководства к действию, без прямого совета: «В одной руке два арбуза не умещаются»; «С самого начала острой растёт колючка». Распространены также пословицы в форме повествовательных предложений с глаголом-сказуемым в прошедшем неочевидном времени: «Лежавший летом зимой бегал»; «Споривший с селом оставил село»; «Когда состарился, волк стал охотиться на кузнечиков»; «Взбесившийся конь на кол наткнулся», «Кто ест соль, тот и воду пьёт». Типичными для чеченского языка являются такие высказывания как: «Если хочешь человека узнать, посмотри на его связи»; «Без времени ничто не случается»; «Глупый и на Родине в плен сдаётся»; «Мечь стареет, но не забывается», «Бывает арбу грузят на лодку, бывает лодку грузят на арбу», «Ружьё убило одного, а язык – тысячу».

У чеченцев, пожалуй, как ни у какого другого народа, сохранились традиционные основы семейного уклада. В исконно чеченской культуре существует чёткое социальное поведенческое разделение полов. В современном быту с женщиной связывается представление как о носительнице высоких нравственных качеств. Об этом говорит народная пословица «Нет мужчины, который не справился бы с женщиной, но многие женщины из недостойных мужчин делают достойных». Чеченцу льстит, если его жена обладает какими-либо особыми положительными качествами. Слова «Твоя жена лучше, чем ты» чеченский мужчина воспринимает как комплимент. Но если сказать, что «Ты хуже своей жены», то это будет тяжким оскорблением³.

Есть основания утверждать, что в чеченском обществе существует механизм социального контроля, в котором старшие мужчины доминируют над всеми более молодыми соплеменниками. Поведенческие стереотипы обеспечивают статус старшего. Об этом говорит пословица «Поступай по совету старшего, даже если он старше тебя на один год». Всякий вайнах должен знать имена своих прародителей до седьмого колена⁴.

Необходимо отметить, что многие чеченские пословицы и поговорки многозначны, что делает их трудными для толкования и сравнения. Тем не менее, важно помнить, что они складывались в различных исторических условиях.

Анализ смыслового содержания чеченских пословиц позволил увидеть их сходство в философском понимании человеческой жизни, в нравственных ориентирах и оценках с пословицами других народов: это признание быстротечности жизни и необратимости течения времени. Сходство заметно и в отношении к труду, и в оценке денег, богатства в жизни человека: «Трудись, будто никогда не умрешь, будь добрым с людьми, будто завтра умрешь»; «Не заработанное своим трудом кажется легковесным». Они, например, похожи и русские пословицы: «Дело и труд всё перетрут»; «Труд и терпение превращаются в золото»; «Без труда нет и покоя».

В пословицах и поговорках мы часто находим изображение чеченского народа во всей полноте и многообразии его характеров, качеств, достоинств и недостатков. Так, например, осуждаются и отрицаются часто зависть, скупость, жадность, трусость, ханжество, лицемерие, упрямство, скудоумие и многие другие пороки и недостатки, а многие пословицы и поговорки отмечают положительность чеченцев и чеченского общества. Для большинства представителей этого народа характерны религиозность и подчеркнута уважительное отношение к мусульманским священнослужителям, но, тем не менее, у них бытует поговорки: «Кто смолоду стал набожным, того черт попутал»; «Мулла за взятку разрешил похоронить на кладбище и пастушью собаку». Об относительности представлений о зажиточности говорит выражение: «Осел – не богатство, солома – не корм, сыворотка – не милостыня»; «Сломается арба – дрова, падёт вол – мясо». «Брат без брата, что сокол без крыла, сестра без брата – что голая хворостина»; «В недружной семье добра не бывает»; «Чем плохой сын, лучше хороший зять» и множество других пословиц говорят о непреходящей ценности прочных семейно-родственных отношений, основанных на любви и взаимопонимании. - Пословицы и поговорки – это трудовой, социальный, нравственный и художественный опыт поколений, сжатый в мудрых выражениях, доходящих порою до крайностей. Например: «Верёвка хороша длинная, а слово короткое», – говорят чеченцы, призывая к краткости выражения мысли. В чеченском языке встречается много пословиц из двух частей, где первая часть усиливается второй: «-

Скажи дочери, чтобы услышала невестка»; «Красота до обеда, доброта до смерти». Опыт классификации пословиц по темам, как известно, опирается на их реальные свойства, так как у каждой пословицы есть своя тема. Но издавна существует и другой способ размещения пословиц в сборниках, по алфавиту. Он исключает узость их тематического толкования, в чем заключается его немало важное значение. При алфавитном порядке, как правило, сами собой выделяются весьма значимые для пословиц начальные слова, например: «Хорошая жена – мёд, плохая жена – волк»; «Хороший сосед – доверие, плохой сосед – недостаток».

В данной статье упомянуты лишь небольшая часть пословиц и поговорок и поныне живущих в чеченском народе. Мудрость предков, содержащаяся в них, и сегодня обогащает речь современных чеченцев, помогает им преодолевать жизненные трудности. Изучение этого древнего жанра народного творчества позволяет нам лучше узнавать другие народы, избавляться от негативных стереотипов и, в конечном итоге, укреплять межнациональный мир и согласие в стране. Всем народам, живущим в России «... нужны мир и уверенность в завтрашнем дне. А это зависит от мудрости, сдержанности, зрелости каждого из народов – большого или малочисленного, ибо численность не является абсолютным критерием величия того или иного народа. Велик каждый народ, который на тысячелетнем историческом пути не сломился, сохранил свои неповторимые черты, язык и культуру, щедро делился своими духовными ценностями с другими народами и обогащался сам»⁵.

Примечания:

1. Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 508.
2. Мудрое слово Востока / Сост. Ю. Э. Брегель. – М.: Рипол, 1996. – С. 3.
3. Этнопсихологические проблемы: вчера и сегодня. – Минск: Харвест, 2004. – С. 281–282.
4. Этнокультурная мозаика Оренбуржья (сборник научных статей, очерков, статистики) / Под ред. В. В. Амелина. – Оренбург: Южный Урал, 2003. – С. 132.
5. Чеченцы: история и современность / Сост. и общ. ред. Ю. А. Айдаева. – М.: Мир дому твоему, 1996. – С. 232.

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАТЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Испокон веков народы нашей страны чтят свои традиции и культуру. Не стали исключением армяне, для которых настоящее богатство – сохранение религии, культуры, национальных многовековых традиций. Традиционно армяне ассоциируются с прочностью брачных отношений, почитанием старших, крепостью и широтой родственных связей, обычаем родственной и соседской взаимопомощи, гостеприимством.

Как отмечают сами армяне, традиции «помогают армянам оставаться армянами. Нужно уметь совмещать новые тенденции с закреплёнными традициями». «Армяне – это та нация, которая во все времена и в любой стране сохраняет свою этническую культуру. И это правильно, потому что мы, по всеобщему мнению, нация уникальная. Взять бы, к примеру, обряды крещения и свадьбы. Они же прекрасны»¹.

Одной из составляющей армянской культуры и его народа была и остается религия. Армянская церковь – одна из древнейших христианских церквей мира. Согласно преданию, первыми проповедниками христианства в Армянском государстве были апостолы Фаддей и Варфоломей. В начале IV века Армения официально обрела христианство в качестве государственной религии, став, таким образом, первым в истории христианским государством².

Армяне проживали в окружении народов, инородных и по культуре, и по религии, и по языку, что послужило одной из причин возникновения представления об избранности армянской нации. Ярким доказательством сильного духа является то, что армяне под натиском других народов никогда не отказывались от своей веры.

На территории современной Армении есть много старинных церквей и часовен, посетив которые ощущаешь, что народ и вправду избран Богом. Одним из величавых монастырей является святыня на краю обрыва – Татевский монастырь.

Он был основан в IX веке. С наименованием монастыря Татев связано много историй, одна из которых говорит, когда строительство церкви монастыря подходило к концу, один из учеников изготовил крест и ночью тайком установил его. Но эта затея закончилась пла-

чевно: парень не успел спуститься с купола, как увидел разъяренного мастера. Ученик бросился вниз – в пропасть, со словами: «Тал тев», то есть «дай крылья». Он попросил у Бога крылья. Отсюда и появляется название «Татев». Другая версия гласит: поговаривают, что, завершив работу, мастер-строитель встал на край ущелья, перекрестился, произнес: «Огни, Сурб, та тэв» («Да ниспошлет Святой Дух крылья!»), – и бросился в бездну. Выросли у мастера крылья, он улетел, а построенный им монастырь назвали Татев. Это легенды, которым более тысячи лет³.

Я бы хотела рассказать другую легенду, которую трудно прочитать в книжках. Она передавалась из поколения в поколение. Несколько сотен лет люди бережно хранят эту историю.

Давным-давно вблизи Татевского монастыря, в центре области Сюник в Южной Армении на правом, высоком берегу реки Воротан (Громовая) проживал народ. Жили эти люди большими семьями. Недаром слово ынтаник («семья» по-армянски) в переводе означает «под кровлей», то есть имеются в виду живущие вместе в одном доме, под одной крышей. В больших семейных общинах вместе жили родители и взрослые сыновья, в свою очередь, имевшие детей и даже внуков.

Всей семьей совместно они вели хозяйство, растили и воспитывали детей. Занимались охотой, скотоводством, земледелием. Мужчины – традиционные добытчики, женщины – хранители домашнего очага. По вечерам, собравшись всей семьей у костра, они пели песни, много танцевали и пили вина, испокон веков здесь производящиеся.

Если кто-то, устав с дороги, к ним на ночлег просился, то встречали его как дорогого гостя. Угощали армяне чрезвычайно обильно. Всевозможные сладости то и дело обносили, много танцевали, а больше всего пили вино. Про гостеприимство армян знают во всем мире. По любому случаю радости и счастья принято накрывать стол. Тот, кому оказано гостеприимство, обязательно должен выпить и покушать. По мнению армян, чем чаще человек накрывает стол, тем больше ему вернется⁴.

Прежде чем подняться на эту захватывающую дух высоту, надо спуститься в пятисотметровый каньон Воротана, остановиться на «Чертовом мосту», у теплых ванн минеральных источников, где сходятся два берега реки и, затем, открывая с каждым витком дороги новый неповторимо-прекрасный пейзаж, выйти из него.

Немалую часть времени народ проводил в стенах своего монастыря. Религия всегда для армянского народа была одной из главных составляющих их жизни. Монастырь был необычайной красоты. Святыня на краю обрыва. Безмолвный монастырь как будто парит над близлежащими горами, производя незабываемое впечатление. Далеко внизу слышен шум реки Воротан, которая из окон монастыря напоминала беленькую ленточку, потерянную девушкой, а вокруг теснятся зеленые холмы. Узкие запутанные ходы, которые ведут из просторных залов в другие помещения, каменные лестницы, еле заметные в темноте очертания ниш – от всего этого просто захватывает дух... А кресты церквей уходили в облака. И все в этом образе казалось единым: монастырь, река, небо, горы. Стратегически выгодное местоположение – на мысу, образованном глубокими местами с отвесными скалистыми склонами ущелья реки, благоприятствовало созданию здесь мощного оборонительного комплекса. Одно время Татев был и политическим центром Сюникского княжества. В X веке он насчитывал около 1000 обитателей, и ему были подвластны многочисленные селения, в XIII веке ему принадлежало 680 селений.

Страдание. Да, через страдание очищается человечество – по крайней мере, та его часть, которая сильна и может выстоять. Но есть ли в каком-нибудь уголке мира хоть один народ, который страдал бы так же, как этот народ? Сколько страданий выпало на долю этого селения?

Персы-завоеватели напали на Сюник с целью поработить этот народ, убить его культуру и лишить его веры. Армянский народ отбивался, принял бой, но когда уже был не в состоянии вести сражение, то, как в минуты горечи и печали, вновь обратился к своей вере, поднялся в свой храм в надежде обрести там убежище. Когда и монастырь был завоеван, персы вошли на территорию. Военные действия продолжались внутри обители. Много людей погибло. С необычайной жестокостью убивали персы мужчин и детей, убивали и заживо сжигали, женщин же уводили с собой в плен. Но молодые девушки, находясь в самой из отдаленных комнат, не желая принадлежать врагу и отказываясь от своей веры, в слезной молитве обращались к Богу, стоя у окна, на краю обрыва. И со словами «Огни, Сурб, та тэв» (помоги, Святой, дай крылья) прыгнули вниз, туда, где со стороны ущелья кажется огромным и недостижимым, где переливалась вдали река-ленточка. А персы же увидели взлетающих к крестам, утопающим в облаках белых птиц.

Силен тот народ, который верует. И никто не разрушит его мир, его жизнь и верования.

Когда подъезжаешь к монастырю, становится ясно, почему ему дано это название. Татев, со всех сторон окруженный пропастью, буквально парит над ущельем. Находясь здесь, совершенно не хочется думать о земном, хочется вверх, кружить и кружить над обрывом... Дай крылья, Татев!

Примечания:

1. Мисисян С. Наша визитная карточка // Газета.RAU. – 2012. – 21 февраля [Электронный ресурс]. URL: http://rau.am/gazeta_old/?r=3281&v=304 (дата обращения: 14.10.2013).
2. Армянская апостольская церковь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armportal.ru/armenia/236-armjanskaja-apostolskaja-cerkov.html> (дата обращения: 14.10.2013).
3. Armenia. Information and Services [Электронный ресурс]. URL: <http://www.welcomearmenia.com> (дата обращения: 14.10.2013).
4. Этнокультурные особенности Армении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-167722.html> (дата обращения: 14.10.2013).

Юсифов Р. Ш. (г. Оренбург)

ДЕРБЕНТ – ДРЕВНЕЙШИЙ ГОРОД РОССИИ

На протяжении тысяч лет Дербент был причиной раздора для многих государств. Не каждый город испытал такое количество нашествий и разрушений. Несмотря на это, до наших дней в Дербенте сохранилось много древностей.

Мой доклад посвящен городу, чье географическое положение, изначально обещало ему беспокойную историю. В этом отношении Дербент повторяет историю всего Кавказа. Город расположен на западном берегу Каспийского моря и замыкает собой узкую трехкилометровую полосу между горами Большого Кавказа и Каспийским морем, составляя, таким образом, Дербентский или Каспийский проход. Роль Дербента и Дербентского прохода в древности была велика. Город был расположен в одном из самых стратегически важных и топографически удобном месте знаменитого Прикаспийского пути, связывающего Восточную Европу и Переднюю Азию. Именно это и послужило причиной постоянных захватнических устремлений скифов, сарматов, аланов, гуннов, хазар, монгол и арабов. Город не единожды переживал

бурные исторические события, штурмы и разрушения, периоды упадка и расцвета. Здесь пролегал один из важнейших участков Великого Шелкового пути, и Дербент выступал перекрестком цивилизаций, связывавшим Восток и Запад, Север и Юг.

Дербент считают одним из древнейших, ныне функционирующих, городов мира. Так же Дербент – старейший город Российской Федерации. Первое упоминание в источнике Каспийских ворот – наиболее древнего названия Дербента – относится к VI в. до н. э., его приводит известный древнегреческий географ Гекатей Милетский. А первые поселения возникли здесь в эпоху ранней бронзы – в конце 4 тысячелетия до н. э.

Многие склонны считать Дербента городом с историей в 5000 лет. У сторонников этой гипотезы, например А. А. Кудрявцева, есть для этого свои основания. Последние археологические раскопки показали, что уже в конце IV тысячелетия до нашей эры на территории города находилось древнее поселение людей. Надпись «5000 лет» в Дербенте можно увидеть на каждом шагу. Она есть на сувенирах, указана на этикетках продуктов и вывесках магазинов.

Более скромным возрастом в 2500 лет датируются самые старинные из городских укреплений. Часть историков считают датой рождения Дербента 438 год, когда были возведены первые (из сохранившихся до наших дней) стены крепости Нарын-Кала – главной твердыни города. Современный город был основан в 438 году н. э. как персидская крепость.

Какая бы из этих дат ни оказалась правильной, даже самая скромная из них дает право Дербенту называться самым древним городом России.

Интерес к городу возник еще у Империи Селевкидов, первая экспедиция которой сюда была организована при Селевке I в 290–281 гг. до н. э. В 66–65 гг. до н. э. осуществляются военные походы Лукулла и Помпея на Кавказ, одной из главных целей которых являлся захват Дербента.

Там, где стоит Дербент, горы Большого Кавказа вплотную подходят к Каспийскому морю, вдоль берега тянется узкая полоска земли. Контроль над торговыми путями давал огромную власть, поэтому именно здесь была построена крепость, давшая начало старинному городу. Из-за своего расположения он получил имя «Дербент», что означает «Узел ворот» или «Замок ворот». Со временем город стал одним из важнейших торговых центров на Великом Шелковом пути.

Сюда прибывали купцы из далеких стран – Египта, Сирии, Индии, Руси, Волжской Булгарии, Хорезма. В порт Дербента приходили корабли с арабскими, европейскими и восточными товарами.

В V веке на остатках старинной полуразрушенной твердыни была возведена новая крепость Нарын-Кала. Она и сейчас стоит на небольшой возвышенности, господствующей над городом. От Нарын-Калы в сторону моря были выстроены две стены – Северная и Южная. Северная стена была больше и лучше укреплена. В некоторых местах ее толщина достигала 4 метров. Главной задачей этой стены было сдерживание натиска кочевников, живущих в степях Северного Кавказа. В ней было несколько ворот и множество башен прямоугольной формы. Южную стену построили позже, и она была не такой грандиозной, как Северная.

Темп роста и богатство Дербента не могли не привлекать соседей. В 552 г. происходит нападение хазар на город. В 626 году западные тюрки через Дербент вторглись в Закавказье. Новый этап развития города связан с вторжением арабов в VII веке. Когда первые арабские отряды в 642/643 году появились у ворот Дербента, сасанидским наместником города был Шахрбараз (Шахрияр). В 651 году арабы захватили Дербент, однако прочно закрепиться они смогли лишь при Масламе ибн Абд аль-Малике в 733–734 годах. С завоеванием Дербента арабами, город превращается в главный опорный пункт арабского Халифата на Кавказе, в важнейший военный, политический и идеологический центр; здесь проводятся значительные строительные работы. Дербент становится крупнейшим средневековым городом Кавказа с развитыми ремесленными производствами (гончарство, стеклоделие, металлообработка, ювелирное дело, камнеобработка и строительное дело, ткачество, ковроделие, производство бумаги, шелка, мыла) и сельским хозяйством (земледелие, садоводство, возделывание шафрана, марены, хлопка, льна и т. д.). Средневековый Дербент – это крупнейший порт на Каспии, важнейший центр международной транзитной торговли Востока и Запада, Севера и Юга. Дербент поддерживал тесные торговые связи со многими областями и городами Ближнего и Среднего Востока, Восточной Европы – об этом свидетельствуют и средневековые авторы, и многочисленные археологические находки. В XI веке в Закавказье вторглись тюрки-сельджуки, в 1067 году в Дербент вступил первый сельджукский отряд во главе с хаджибом султана Алп-Арслана – Сау-Тегином. В 1075 году город окончательно перешёл под власть Сельджукидов. В XII веке в

Дербенте вновь образовалось самостоятельное княжество, которое просуществовало сравнительно недолго – до 1239 г., когда Дербент, завоеванный монголами, входит в состав Золотой Орды. Город постепенно приходит в упадок. В XVI–XVII вв. Дербент – арена ожесточенных войн между Османской империей и государством Сефевидов,

В начале XVIII века, когда нависла угроза персидского и туркоосманского завоевания прикаспийских областей, Пётр I предпринял известный Персидский (Каспийский) поход. 5 августа 1722 года русская армия под командованием генерал-адмирала Апраксина двинулась к Дербенту, а 15 августа к городу прибыла транспортная флотилия (21 судно) с артиллерией и провиантом под командованием капитана Вердена. 23 августа русская армия заняла город. 30 августа Пётр I писал адмиралу Крюйсу из Дербента: «Когда приближались к сему городу, то наиб (наместник) сего города встретил нас и ключ поднес от ворот...». 12 сентября Россия заключила с Персией мирный договор, по которому Россия получила город Дербент с прилегающими к нему областями.

По приказу Петра в городе были отремонтированы оборонительные стены, ворота и другие сооружения. В память об этих событиях в Дербенте до сих пор сохранилась землянка, в которой, по утверждениям местных жителей, жил царь. Были приняты меры по охране и благоустройству города, приказано построить гавань по чертежу, открыты продовольственные склады, лазареты, фактории русских купцов. Пётр I предоставил дербентцам право свободной торговли в пределах России, планировал развитие здесь виноградарства, виноделия, шелководства. Но началась буря, которая разнесла 30 грузовых судов. Не хватало еды, а достать хлеб в охваченных восстаниями землях Ширвана и Мюшкюра не представлялось возможным. Началась эпизоотия – за одну ночь пало 1700 лошадей. В итоге военный совет решил приостановить продвижение на юг, и Пётр I повернул назад, оставив в городе небольшой гарнизон. В 1735 году по Гянджинскому договору Дербент вновь отошел к Ирану.

Весной 1795 года персидские войска во главе с основателем династии Каджаров Ага Мохаммедом вторглись в Кахетию, а 12 сентября захватили и разграбили Тбилиси. Выполняя свои обязательства по Георгиевскому трактату 1783 года, русское правительство направило Каспийский корпус (около 13 тыс. человек) из Кизляра через Дагестан в Персию. 2 мая 1796 года главнокомандующий генерал-поручик граф Валериан Александрович Зубов подошёл к Дербенту, приступив

к штурму города. 10 мая на крепостной стене был выкинут белый флаг, а вслед за тем в русский лагерь явился и хан Шейх Али. В тот же день комендантом Дербентской крепости был назначен генерал-майор Савельев, а 13 мая главнокомандующий Зубов торжественно въехал в город. Шейх Али-хан оставался в русском лагере почётным пленником, пока не совершил побег. Зубов восстановил спокойствие в Дербенте, а ханство передал в управление родному дяде хана, Кассиму. С вступлением на российский престол Павла I и изменением курса внешней политики, в декабре того же года русские войска из Закавказья были отозваны, а все завоёванные области были возвращены. В 1799 году младший сын кубинского хана Фатали – Гасан был провозглашён дербентским ханом. Собрав сильное войско, Шейх Али-хан двинулся на Дербент, но двенадцатидневная осада города не принесла ему успеха, и он вынужден был помириться с Гасан-ханом и признать его права на Дербент. После смерти в 1802 году дербентского хана Шейх Али-хан присоединил Дербентское владение к Кубинскому ханству.

В 1813 г. по Гюлистанскому мирному договору Дербент был присоединен к России, с 1846 г. – губернский город, входил в состав Дагестанской области. С 1840-х гг. переживал быстрый экономический подъем, связанный, в частности, с развитием мареноводства (выращиванием марены – растения, из которого получали дешёвый краситель). Кроме возделывания и переработки марены и мака занятиями жителей Дербента в XIX в. были садоводство, виноградарство и рыбный промысел. В 1898 г. через Дербент прошла железная дорога Петровск (прежнее название Махачкалы) – Баку.

Советский период для Дербента ознаменовался чередой реконструкций, постройкой жилых домов, школ, кинотеатров, создано множество парков и скверов. И сейчас мы можем наблюдать такие исторические памятники как: комплекс Джума-мечети (VIII–XIV вв.) и медресе (XV–XIX вв.), Минарет-мечеть (XIV–XIX вв.), Кырхляр-мечеть (XVII в.), сводчато-купольные бани (XVII–XVIII вв.), ханский мавзолей (XVIII в.); в цитадели – развалины ханского дворца (XVIII в.), гауптвахта (XIX в., ампир).

Самое ценное и грандиозное сооружение Дербента – это крепость Нарын-Кала. Перед ней оказались бессильными и время, и люди. Нарын-Кала расположена на высоком холме и охраняет древний город. Высота ее стен достигает 20 метров. Еще выше поднимаются мощные крепостные башни. Стены и башни крепости сложены из прямоугольных, тщательно подогнанных друг к другу блоков, придающих

Нарын-Кале одновременно грозный и парадный вид. До наших дней в крепости сохранились специальные резервуары, которые использовали для хранения воды. Как в любом старинном городе, воду в них держали на случай длительной осады или засухи. Вода в резервуары поступала по подземным трубам из источников, находящихся в горах. От них же питалось множество дербентских фонтанов. Некоторые из них работают до сих пор.

На территории Нарын-Калы есть несколько архитектурных памятников разных эпох. До недавнего времени считалось, что огромная вырубленная в скале подземная ниша служила хранилищем воды, но проведенные исследования показали, что это древний христианский храм. Когда-то этот храм был наземным, но за сотни лет его поглотили многочисленные культурные слои. Со временем он превратился в подземный, а в XVII–XVIII веках был очищен и приспособлен для хранения воды.

Еще одно подземное сооружение было тюрьмой. В нее сажали приговоренных к смерти. Внутреннее пространство камеры напоминало большой кувшин глубиной 11 метров с плоским дном. Свет и воздух попадали внутрь через узкое верхнее отверстие. Крутые стены, переходящие в потолок, не давали никакой надежды на побег.

На территории крепости Нарын-Кала находится Джума-мечеть. В давние времена в ней совершали пятничный (джума) намаз, от чего она и получила свое название. Это древнейшая мечеть из сохранившихся на территории России. Ко времени ее постройки, в 733 году, в Дербенте уже было 7 мечетей, но не все они сохранились до нашего времени. Джума-мечеть была главной мечетью города и всего Дагестана. Когда-то на территории Нарын-Калы находились роскошные дворцовые комплексы, от которых сейчас почти ничего не осталось. Зато хорошо сохранился мавзолей дербентских ханов, а рядом с ним – старинное кладбище, на котором хоронили правителей и героев-защитников Дербента.

Как и весь Советский Союз, город был включен в строительство социализма. В наше время, он является одним из примеров мирного сосуществования полиэтнического населения, своего рода оплотом толерантности. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) общее население Дербента в 2013 году – 119813 человек. Из них (по данным переписи 2002 года): лезгины – 32,6 %, азербайджанцы – 31,7 %, табасаранцы – 15,4 %, даргинцы – 5,5 %, русские – 5 %, агулы – 2,9 %, евреи – 2 % и. т. д. В отношении многонаци-

ональности Дербент можно сравнить с Оренбургом. На одной «площадке» мирно живут и взаимодействуют представители совершенно разных этнических групп. Подобное явление объясняется историческими событиями (развитыми торговыми отношениями, чередой завоеваний). Говоря о Дербенте, это связано еще и с изначально многонациональным населением всего Кавказа. Параллель с Оренбургом не случайна. Современный мир раз за разом сотрясают очередные межнациональные конфликты. Россия в этом отношении не исключение. Именно поэтому всем нам не стоит забывать про исторический опыт. Наше государство изначально формировалось как многонациональное. И именно в этом, в единение народов, его сила. Наследие предков зарабатывалось не легким трудом, и мы не должны его утрачивать.

Семёнов В. Г., Семёнов О. В. (г. Оренбург)

ОРЕНБУРЖЦЫ НА КАВКАЗЕ – ВЫХОДЦЫ КАВКАЗА В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

В России служба на Кавказе всегда считалась почётной и опасной. Её прошли многие руководители Оренбургского края: Якоби И. В., Сухтелен П. П., Катенинин И. А., Астафьев М. И., фон Таубе Ф. Ф., Тюлин М. С., Баратаев И. М. В Оренбургском казачьем войске видными военными деятелями были выходцы из народов Кавказа: генерал-майор Али Шейх-Али и подполковник князь Александр Дмитриевич Багратион-Имеретинский.

Якоби Иван Варфоломеевич (1726–1803) – оренбургский губернатор в 1781 году, симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1781–1782 годах.

В 1774 году турецкая война окончилась, но на Кавказе действия не прекратились. «В это время, – писал историк В. А. Потто, – и выдвинулись деятели Кавказской войны генералы Иван Варфоломеевич Якоби и Александр Васильевич Суворов. Оба они были назначены командовать только что сформированными тогда корпусами: Якоби – Кавказским (с 1777 г. называемым Астраханским), а Суворов – Кубанским. Оба они были замечательнейшими деятелями в устройстве Южного края». Генерал-майор Якоби попал на Кавказ благодаря князю Г. А. Потемкину, именно ради этого и способствовавшему назначе-

нию его на должность астраханского военного губернатора (Кавказская линия тогда входила в состав Астраханской губернии). Как опытный боевой генерал, Якоби начал с самых решительных мер по умиротворению горцев. Затем были заложены новые крепости: Георгиевск и Ставрополь, получила правильное устройство военная Азовско-Моздокская линия, обширные степные пространства, лежащие между Кубанью и Доном, прикрылись рядом крепостей и сильных казачьих станиц. Якоби хорошо понимал, что сами по себе договоры с Турцией не обезопасят наши границы от вторжений и набегов её вассалов, и потому спешил укоренить на новой линии переведённых сюда хопёрских и волжских казаков, начал массовое заселение Ставропольской губернии казёнными крестьянами. Но плодотворная деятельность генерала Якоби на Кавказе была кратковременна – в начале 1781 года он получил новое направление: в Оренбургский край¹.

Сухтелен Павел Петрович (1788–1833) – оренбургский военный губернатор в 1830–1833 годах. В начале царствования Николая I Сухтелен был определён на пост генерал-квартирмейстера Главного штаба, а когда началась война с Персией (1826–1828), занял должность начальника штаба отдельного Кавказского корпуса. Был при осаде и взятии крепостей Аббас-Аббад и Сардар-Аббад, города Эривани принимал в сражениях личное участие, причём собственноручно взял в плен хана, за что был награждён Георгиевским крестом 3-го класса. Когда мирные переговоры, в ведении которых Сухтелен играл заметную роль, были прерваны, он двинулся к укреплённому городу Ардебилу, вынудил гарнизон капитулировать и 25 января 1828 года занял город. После этого успеха русских шах запросил мира, и 10 февраля в Туркманчае договор был подписан. В числе немногих представителей от России, принимавших участие в выработке окончательных условий мирного договора, был и П. П. Сухтелен. После непродолжительного отдыха в начале мая 1828 года Сухтелен вновь отправляется в действующую армию. Браилов, Шумла, Базарджик, Варна – вот этапы последнего его боевого пути. Заслуги Сухтелена в русско-турецкой войне 1828–1829 годов отмечены орденом Св. Владимира II-й степени и золотой шпагой с бриллиантами и надписью «За храбрость»².

Катенин Александр Андреевич (1800–1860) – оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1857–1860 годах. В 1839–1842 годах в чине полковника – начальник штаба 1-го пехотного корпуса на Кавказе и за отличие в военных действиях против горцев награждается золотой шпагой³.

Астафьев Михаил Иванович (1821–1884) – оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1881–1884 годах. В 1846 году Михаил Астафьев был произведён в поручики и направлен на службу в отдельный Кавказский корпус в распоряжение командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане. Здесь, на Кавказе жизнь Михаила Ивановича Астафьева в течение четырнадцати лет (с 1846 по 1859 годы) представляла собой почти беспрестанные боевые действия против горцев под началом таких прославленных командующих, как князя Бебутов и Аргутинский-Долгоруков, граф Евдокимов, князь Орбелиани, генерал-майор Бриттер, покоритель Кавказа князь Барятинский. За героизм, мужество М. И. Астафьев был удостоен нескольких орденов и золотой шпаги с надписью «За храбрость» (1849), поднялся от поручика до полковника, начальника штаба войск Лезгинской кордонной линии. Служба М. И. Астафьева на Кавказе продолжалась и после 1859 года, но уже без боёв, без стычек с горцами. Он был и командиром Мингрельского гренадёрского Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Константиновича полка, и Эриванским военным губернатором, и начальником Управления государственными имуществами на Кавказе и за Кавказом, и членом совета главного управления начальника Кавказского, а в 1871 году и председателем комиссии по участию Кавказа на Московской политехнической выставке⁴.

фон Таубе Фёдор Федорович (1857–1911) – оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1906 году. Осенью 1881 года подпоручик Ф. Ф. Таубе выдерживает приёмный экзамен в Академию Генерального штаба и, успешно пройдя курс наук, весной 1884 года направляется в штаб 39-й пехотной дивизии Кавказского военного округа, а чуть позже – в штаб 1-го Кавказского армейского корпуса. В апреле 1885 года Ф. Ф. Таубе по состоянию здоровья вынужден подать в отставку, однако всего через месяц вновь восстанавливается на службе. В декабре он уже командует (до 30 августа 1887 года) ротой 13-го лейб-гренадёрского Эриванского полка⁵.

Тюлин Михаил Степанович (1862–1935) – оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1915–1917 годах. 22 марта 1917 года временно отстранённый от должности оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска Михаил Степанович Тюлин был уволен от всех должностей и назначен в резерв чинов Кавказского военного округа. На Кавказском фронте, в 1917 году, М. С. Тюлин был произведён в генералы от кавалерии⁶.

Баратаев Иван Михайлович (настоящее имя – Бараташвили Иван Мельхиседекович) (1739 – после 1800) – князь грузинского происхождения, государственный деятель. Действительный статский советник (02.09.1793). Тайный советник (1797), подполковник (1771). Участник Семилетней войны 1756–1763 гг., ликвидации Барской конфедерации 1768–1772 гг. в Речи Посполитой. В русской армии – в 1754–1772 гг. С 1773 г. служил в Юстиц-коллегии в Санкт-Петербурге, с 1780 г. – председателем Симбирской палаты уголовных дел, с 1787 г. – Уфимской казённой палаты. В 1795–1796 гг. – правитель Уфимского наместничества, в 1797–1799 гг. – оренбургский гражданский губернатор. В 1798 г. направил в Сенат представление о переселении после окончания Генерального межевания на казённые земли Оренбургской губернии бобылей, мишарей и тептярей, проживавших на вотчинных землях башкир без договоров о припуске или купле, о предоставлении волостным и юртовым чиновникам права заключения земельных сделок от имени башкир-вотчинников. В 1804–1807 гг. – Саратовский губернский предводителем дворянства. Тщанием и иждивением Ивана Михайловича была собрана с местного дворянства сумма, необходимая на устройство в Саратове земской больницы⁷.

Али Шейх-Али Давлетович (08.10.1845–?) – из горских дворян Кавказского края. Магометанского вероисповедания. Окончил 2-й Санкт-Петербургский кадетский корпус. Поручик с 13.06.1862, штабс-капитан с 29.04.1869, капитан с 27.06.1872 (за отличие), майор с 19.08.1874 (за отличие). Войсковой старшина с 17.09.1877. Подполковник с 21.01.1878. Полковник с 15.05.1883 (за отличие). Генерал-майор с 10.01.1900. Служба: майор 17-го Северского драгунского полка, назначен помощником командира во вновь сформированный Башкирский эскадрон (10.09.1874). Назначен и. д. командира 2-го эскадрона Башкирского дивизиона (10.10.1875). Отчислен от должности адъютанта командующего Оренбургского военного округа (10.10.1875). Назначен командиром 2-го эскадрона Башкирского дивизиона (25.10.1875). Назначен командиром 6-го Оренбургского казачьего полка (15.09.1877), которым командовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в боевых действиях на Кавказском фронте. Назначен командиром 5-го Оренбургского казачьего полка (29.09.1879). Командир 3-го Оренбургского казачьего полка (1884–1900). Произведён в генерал-майоры с назначен командиром 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии и с зачислением по Кубанскому казачьему

войску (10.01.1900). Награды: 1879 – Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом; Св. Владимира 3-й степени (03.05.1887)⁸.

«После выхода в отставку в чине генерал-майора жил в Петербурге, занимался общественной деятельностью. Его имя называется среди тех феодальных мусульманских фамилий, которые своими крупными историческими заслугами перед самодержавием стояли очень близко к Петербургскому Двору»⁹. Его имя часто фигурирует в мусульманских газетах, издававшихся в начале века в Петербурге, Казани, Оренбурге. Он был довольно известным человеком в светских кругах столицы и её мусульманской общины. С 1901 г. активно участвовал в деятельности Петербургского мусульманского просветительского общества. Из протоколов Общества также видно, что «по инициативе генерал-майора Шейх-Али в 1901–1902 гг. был поставлен вопрос об открытии при Обществе приюта для мусульманских детей, учреждена также школа для первоначального обучения детей родной и русской грамоте». При Обществе уже в 1906 г. было открыто «национальное училище для детей обоего пола (4 года обучения), где в 1906–1907 учебном году обучалось уже 34 мальчика и 16 девочек». Генерал Али Шейх-Али был одним из инициаторов строительства соборной мечети в Санкт-Петербурге. Он вошёл в Комитет по постройке, сформированный собранием прихожан и утвержденный министром внутренних дел П. Г. Столыпиным в январе 1906 г. Комитет этот состоял из 20 мусульман, видных государственных, общественных, военных деятелей, купцов и домовладельцев. В состав Комитета вошёл и генерал Шейх-Али. В 1914 году генерал Шейх-Али, писатель и публицист, редактор и издатель газеты «Нур», доктор богословия Мухаммед-Сафа Баязитов и кандидат коммерции Фатих Байрашев учредили политическую партию «Сырат аль-Мустахим» («Правый путь»). Генерал Али Шейх-Али состоял в родстве с могущественными фамилиями казанских татар. Жена – Умму-Гульсум Сеид-Гиреевна (в девичестве Тевкелева), уроженка Уфимской губернии. Имел двух сыновей и дочь. Жена и дети магометанского вероисповедания. Сын генерала Оскар Шейх-Али получил высшее техническое образование, стал талантливым инженером. Это о нём мы читаем: «Талантливый татарский инженер Оскар Шейх-Али создал даже пишущую машинку на арабском алфавите, которая пользовалась большим спросом за рубежом». Дочь была замужем за выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета Салим-Герееем Джантуруиным»¹⁰.

Багратион-Имеретинский Александр Дмитриевич (1842–27.01.1881) – из княжеского грузинского рода. Причислен к станице Буранной 1-го Военного Отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Пажеский корпус. На службе корнет с 16.05.1861. Сотник (с 1871). Есаул (с 26.02.1872). Подполковник (26.02.1879). Служба: Нарвский гусарский полк (1861). В 12.01.1862 был прикомандирован к Лейб-гвардии гусарскому Его Величества полку. 10.03.1863 произведён в поручики. 12.10.1863 по болезни уволен от службы. 28.12.1863 князь Александр снова был определён на службу в канцелярию Кавказского и Сибирского Комитетов с переименованием в губернские секретари и с причислением к 1-му Отделению Собственной Его Величества Канцелярии, откуда 25.03.1865 снова уволен от службы по домашним обстоятельствам. Через четыре года (06.06.1869 г.) князь поступить на службу в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора прежним чином поручика, с зачислением по армейской кавалерии. 13.05.1870 был прикомандирован к Оренбургскому казачьему войску. С оренбургскими казаками участвовал в следующих делах и походах: с 01.05.1871 по 09.11.1871 находился с сотней в степи Оренбургского ведомства при введении в ней среди киргизов нового положения, с 03.01.1873 по 12.10.1873 – в Хивинской экспедиции и с 4.07.1877 по 6.10.1877 – в Алайской экспедиции. Временно командовал 5-м Оренбургским казачьим полком (6.04.1877–15.06.1877). Командир 12-го Оренбургского казачьего полка (с 27.03.1877), с которым ходил в Бессарабию. 27.03.1879 назначен в распоряжение командующего войсками Оренбургского военного округа. Умер 27.01.1881. Награды: ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Жена – княгиня Лидия Алексеевна была начальницей Уфимской женской гимназии, дочь Ольга (25.01.1876) и сын Александр (1879 г.). Семейство числилось в Оренбургском казачьем войске, в станице Буранной, 1-го Военного Отдела, куда был приписан, по званию казака, и сам князь. Имел 499 десятин земли в Троицком уезде¹¹. Историк Павел Львович Юдин в очерке «Судьба князей Багратионов-Имеретинских в России», опубликованном в 1897 году в журнале «Русский архив», привёл такой эпизод из жизни князя об его доброте:

«Как среди офицеров, так и среди простых казаков о нём осталось доброе воспоминание. В обществе он был мил и любезен, в кругу товарищей – верный друг и неизменный собутыльник, весельчак. Для простых казаков был больше, чем родной отец. Он любил их, жалел,

заботился о них и защищал от нападок их же войскового начальства из тех же казаков. И простые казаки платили ему безграничной любовью и поистине сыновней преданностью... О безграничной доброте князя (благодаря которой он прожил вс1 свое состояние) ходит много рассказов.

Как-то с учебной казачьей сотней Оренбургского войска князю Александру пришлось стоять в г. Троицке (Оренбургской губернии). Дело было летом. Казаки уже вышли в лагерь на р. Уй. День выдался очень жаркий, солнце пропекало насквозь. И вот, в такое время, идучи по городу, князь видит картину: Два казака его сотни в белых рубахах ведут под руки третьего, который, против всякого ожидания, одет в шинель и в «пимы» (валенки), а с двух других пот льется градом.

– Что такое вы делаете, братцы? – подъехал он к ним.

– Да вот, ваше сиятельство, товарищ немножко захмелел, так мы его в лагерь ведем.

– Ну-ну, хорошо! Ведите, братцы.

Едва князь успел приехать в сотню, прошло не более получаса, как в палатку к нему является, весь запыхавшись, купец-мясник.

– Батюшка, князь, помилосердствуйте! Сейчас у меня с бойни ваши казаки козла украли.

– Быть не может, – возразил князь.

– Ей-Богу, право! Больше некому!

Нечего делать, в силу необходимости и во избежание скандала, по требованию мясника, пришлось осмотреть все котлы и все казачьи палатки. Но козла нет, как нет.

– Ну, вот, видите! – заметил князь. – Мои казаки никогда ничего не воруют. Это сделали наверно канониры. (Тоже казаки Оренбургской конвойной батареи, стоявшей лагерем рядом с казаками учебной сотни).

Купец, конечно, уехал, не солоно хлебавши. Князь, однако, после его отъезда, потребовал, к себе вахмистра.

– Узнай, пожалуйста, кто украл козла, – сказал он ему.

Через минуту в палатку вваливаются с раскрасневшимися от жары лицами два казака.

– Что вам нужно?

– Да это, значить, ваше сиятельство, мы значить... тово... козла-то стибрили... вы ещё нас видели...

– Когда?! – удивился князь.

– А коли мы пьяного-то вели...

Князь только руками развел. Оказалось, что повстречавшиеся с ним в Троицке казаки вели под руки не пьяного своего товарища, а козла и преспокойно положили его в палатку. И князь, и мясник, и офицеры заходили в палатку эту, видели лежащего там, в шинели якобы пьяного казака и, конечно, не обратили на него внимания.

– Ну, ловко обделали, – покачал головой князь. – Молодцы!.. Что же теперь с вами делать? Не под суд же отдавать! И дал пять рублей на водку»¹².

Специального исследования ждет судьба видного военного деятеля Советского Союза, выходца из Дагестана, связанного с Оренбуржем – маршала инженерных войск Воробьёва Михаила Петровича.

Воробьёв Михаил Петрович (29.12.1896, слобода Хасав-Юрт Терской области – 12.06.1957, Москва) – советский военачальник. Родился в Дагестане в семье железнодорожного радиотелеграфиста. После окончания реального училища во Владикавказе поступает в Санкт-Петербургский горный институт, в котором проучился только 2 года, в 1916 г. был призван в армию, в 1917 г. окончил Оренбургскую школу прапорщиков пехоты¹³. 21 февраля 1944 г. стал маршалом инженерных войск и первым военачальником, удостоенным этого высокого воинского звания. Имя маршала Воробьева должно быть увековечено не только в Дагестане и Москве, но и в Оренбурге.

Примечания:

1. Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – С. 105.
2. Там же. – С. 193.
3. Там же. – С. 230.
4. Там же. – С. 267–268.
5. Там же. – С. 307.
6. Там же. – С. 346.
7. Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Баратаев Иван Михайлович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. / Гл. редактор М. А. Ильгамов. Т. 1: А – Б. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – С. 319.
8. Ганин А. В., Семёнов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С. 616.
9. Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. – Казань: Гос. изд-во ТССР, 1926. – С. 11.
10. Алиев К. М. Кумыки в военной истории России. – Махачкала, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://kumukia.ru/autor?q=803> (дата обращения: 04.10.2013).
11. Семёнов В. Г. Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945». – Оренбург: ООО «Печатный дом «Димур»», 2009. – С. 8.

12. Юдин П. Л. Судьба князей Багратион-Имеретинских в России // Русский архив. – 1897. – Кн. 3., № 10. – С. 309–311.

13. Среди выпускников Оренбургской школы прапорщиков были известные военные деятели: генерал армии В. Н. Меркулов, генерал-полковники Д. Н. Гусев, А. Д. Локтионов, генерал-майоры В. С. Гловской, И. М. Караваев, Н. К. Кириллов, А. А. Коробков, полковой комиссар Г. А. Абрамов, полковник Х. А. Пунга и другие.

Денисов Д. Н. (г. Оренбург)

ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА ОРЕНБУРЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Доля грузин в населении Оренбургского края никогда не была велика. Однако их присутствие на Южном Урале отмечается, по крайней мере, с конца XVIII века. На протяжении всего столетия в условиях внутривосточной нестабильности, раздробленности и постоянных персидских вторжений в Закавказье многие представители грузинской аристократии переходили на русскую службу, а с вхождением Грузии в состав России в начале XIX века окончательно стали частью её правящей элиты. По стечению обстоятельств в конце XVIII столетия на территории Оренбургской губернии целый ряд грузинских дворян занимал очень высокие посты в административном и военном управлении. Это оренбургский вице-губернатор в 1780–1781 гг. и исполняющий обязанности губернатора в 1781 г., генерал-майор, князь Матвей Афанасьевич Хвабулов (Кобулашвили) (1721–1789); оренбургский гражданский губернатор в 1797–1799 гг., тайный советник, князь Иван Михайлович Баратаев (Иванэ Мехильседекович Бараташвили) (1739–?); инспектор артиллерии Оренбургской дивизии в 1798–1799 гг., генерал-лейтенант Николай Дмитриевич Амбразанцев (Амберсадзе) (1754–1814); комендант Оренбурга в 1781–1796 гг., председатель Оренбургского пограничного суда, генерал-майор Яков Михайлович Зембулатов (Зумбулидзе) (?–1800)¹.

В течение XIX века на территории края фиксировались только единичные случаи пребывания грузин. Можно отметить, что в 1827 г. через Орскую таможню в Россию вернулся из последней, пятой поездки по Ирану, Индии, Пакистану, Афганистану и Средней Азии знаменитый грузинский путешественник Рафаил Осипович Данибеков (Данибегашвили), рассказ которого записал начальник Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс². С 1832 по 1840 гг. в Оренбурге

отбывал ссылку грузинский поэт-романтик, драматург, один из будущих учредителей первого национального журнала «Цискари» («Заря»), князь Александр Вахтангович Джамбакур-Орбелиани (1802–1869), осуждённый за подготовку заговора с целью свержения российской власти в Грузии и восстановления там монархии Багратионов³. В 1833–1842 гг. адъютантом оренбургского губернатора В. А. Перовского служил Сергей Гаврилович Чилаев (Чилашвили) (1803–1864), который под его началом принимал участие в экспедиции 1837 г. против разбойничьих казахских и туркменских отрядов на Мангышлак и в зимнем Хивинском походе 1840–1841 гг., а со временем стал Шемахинским военным губернатором и управляющим гражданской частью⁴. В 1860-е гг. при канцелярии оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского состоял надворный советник, князь Николай Николаевич Церетели (1831–1875)⁵. В 1879–1880 гг. Оренбург был местом ссылки для организатора народнического движения в Грузии Михаила Кайхаровича Кипиани (1849 – после 1887)⁶. В 1880-е гг. членом Оренбургской палаты уголовного и гражданского суда работал титулярный советник Давид Виссарионович Гогоберидзе (1841–?)⁷.

Однако, несмотря на отдельные яркие имена чиновников и общественных деятелей, общее количество грузин в Оренбургской губернии до конца XIX века было крайне невелико. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. выявила здесь всего 3 мужчин, указавших грузинский язык в качестве родного, в том числе в Оренбурге – 1⁸. В соседней Самарской губернии отмечены 7 грузин мужского пола, в том числе в Бузулуке – 1⁹.

Лишь в начале XX столетия на территории Оренбуржья появилось значительное, но временное грузинское население в связи с массовой высылкой в удалённый от Закавказья регион Южного Урала участников Первой российской революции. По неполным данным, за 1904–1909 гг. из Тифлисской и Кутаисской губерний, объявленных на военном положении, в административном порядке были сосланы в Оренбургскую губернию под надзор полиции 715 человек¹⁰. По национальной принадлежности абсолютное большинство из них составляли этнические грузины, наряду с которыми отмечено немало число абхазов, армян, азербайджанцев, представителей народов Северного Кавказа, русских, украинцев и евреев, в том числе грузиноязычных. Революционные настроения охватили широкие слои населения, а потому среди ссыльных грузин в Оренбургской губернии оказались лица

самого разного происхождения и социального статуса: крестьяне, ремесленники, рабочие заводов, типографий и железных дорог, служащие, торговцы, гимназисты, сельские педагоги, церковные служители, дворяне, землевладельцы, князя Лордкипанидзе, Нижарадзе, Церетели, Цицианов и др. Многие из них искренне верили, что ведут борьбу за более справедливое перераспределение благ, гражданские права и свободы, демократизацию политической жизни и национальную независимость Грузии. Они организовывали беспорядки в учебных заведениях, забастовку Тифлисского трамвайного депо, предоставляли помещение для незаконной сходки солдат местного гарнизона, хранили дома оружие, «фотографические карточки известных террористов» как своих героев, революционную литературу и типографские шрифты, сочиняли и печатали подпольно листовки, агитировали крестьян за самовольную вырубку казённых и частных лесов как общенародного достояния, подстрекали население к вооружённым выступлениям против правительства. Однако зачастую высылке в Оренбургскую губернию подвергались не просто подозрительные, неблагонадёжные лица, а уголовно-политические и откровенно криминальные элементы, осуждённые за вымогательство путём рассылки угрожающих писем, рэкет предпринимателей, похищение людей с целью выкупа, воровство, грабежи, разбои, бандитизм, террористические акты и убийства, в том числе полицейских, военнослужащих, чиновников местного самоуправления и др. Например, по отбытии тюремного заключения в Оренбургскую губернию были сосланы участники убийства на горной дороге 30 августа 1907 г. крупнейшего лидера грузинского национального движения, великого поэта, члена Государственного Совета, Святого Праведного князя Ильи Григорьевича Чавчавадзе (1837–1907), канонизированного Грузинской Православной Церковью и считающегося духовным отцом нации; подозреваемый в убийстве экзарха Грузии, архиепископа Никона (1861–1908), застреленного на лестнице Синодальной конторы 28 мая 1908 г.; пособники знаменитой Тифлисской экспроприации 13 июня 1909 г., в ходе которой боевым отрядом большевиков под руководством легендарного Камо (1882–1922) были похищены 250 тыс. руб. из кареты государственного казначейства и убиты 5 охранников¹¹.

Из числа грузин, отбывавших ссылку в Оренбургской губернии, вышли многие крупные деятели революционного движения, государственного управления, культуры, науки и медицины: главный редактор газеты «Эртоба» («Единство») – центрального печатного органа

правившей в Грузии партии меньшевиков Григорий Илларионович Уратадзе (1880–1959)¹²; секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии в 1922–1923, 1925–1926 гг., заместитель председателя Правительства Грузинской ССР в 1922 г. Михаил Степанович Окуджава (1883–1937)¹³, родной дядя известного поэта Булата Окуджавы; нарком внутренних дел в 1922–1923 гг., нарком земледелия в 1924–1928 гг., заместитель председателя Правительства Грузинской ССР в 1922–1928 гг. Алексей Александрович Гегечкори (1887–1928)¹⁴; председатель Бессарабского ЦИК в 1918 г. Валериан Исакович Лежава (Мюрат) (1881–1938)¹⁵; участник установления советской власти в Кабардино-Балкарии и Терской области, член ЦИК Горской АССР в 1921–1923 гг. и представитель в ней Грузинской ССР в 1923–1925 гг. Захар Ильич Палавандашвили (1880–1938)¹⁶; основоположник научной ортопедии, травматологии и военно-полевой хирургии в Грузии, доктор медицинских наук, профессор Михаил Иванович Цхакая (1890–1952)¹⁷; один из первых грузинских этнографов, крупнейший специалист по пчеловодству и редактор сельскохозяйственного журнала Аполлон Иванович Цуладзе (1873–1942)¹⁸; театровед, учёный секретарь Театрального музея Грузинской ССР Сергей Лукич Герсамия (1892–1969)¹⁹ и др.

Путём ссылок на отдалённые окраины царская администрация пыталась изолировать пропагандистов от неокрепших последователей и не дать укорениться революционным идеям, но в действительности широко разносила по всей стране семена новых политических учений, невольно способствуя созданию их ячеек в других регионах. Так, 7 членов Тифлисской социал-демократической организации, сосланных в Оренбургскую губернию в начале 1904 г., приняли самое активное участие в создании здесь большевистского подполья и подготовке революционных выступлений 1905 г., а рабочий мастерских Ташкентской железной дороги Езекий Георгиевич Джамбурия (1882–1963) даже был избран в первый состав Оренбургского городского комитета РСДРП (б)¹⁸.

Вместе с тем, по мере интеграции, развития связей между различными регионами Российской империи, вовлечения национальных меньшинств в систему профессионального образования на территории Оренбургского края в начале XX века появились грузинские чиновники, офицеры, служащие и члены их семей, добровольно избравшие регион местом своего жительства: начальник коммерческой службы Управления Ташкентской железной дороги, титулярный советник

Георгий Гаврилович Пицхелаури; заведующий хозяйством Оренбургского местного лазарета и военного госпиталя, член Оренбургского Правления Воинского благотворительного общества Белого Креста, полковник Давид Георгиевич Канчели-Канчавели; капитан 191-го пехотного Ларго-Кагульского полка Исидор Луарсабович Гегелашвили и поручик того же полка Давид Иорданович Ломадзе; воспитатель Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, подполковник Григорий Константинович Чердилели (1870 – до 1936); преподаватель географии и природоведения Оренбургского духовного училища Николай Мелитонович Келбакиани; земский начальник 1-го участка Орского уезда, коллежский регистратор Александр Константинович Иоселиани¹⁹ и др. Отметим, что женой одного из оренбургских губернаторов, немца Ф. Ф. Таубе (1857–1911) была грузинская княжна Александра Александровна Русиева (Русишвили) (1868–1932)²⁰. До революции на театральных подмостках Оренбурга выступал в постановках оперетт лирический тенор, один из будущих создателей грузинской эстрады и Театра музыкальной комедии Ладо (Владимир Лонгинозович) Кавсадзе (1886–1953).

В период Гражданской войны, в 1919 г. Оренбург служил местом временного пребывания Особой комиссии СНК РСФСР и ЦК РКП (б) по делам Туркестана, председателем которой был крупный советский партийный и государственный деятель Шалва Зурабович Элиава (1883–1937), впоследствии – нарком военно-морских дел в 1921–1922 гг. и председатель Правительства Грузинской ССР в 1923–1927 гг.

В 1920-е годы Оренбургский край по-прежнему использовался для политической ссылки, но уже лиц, несогласных с генеральной линией пришедшей к власти партии большевиков. Среди них были такие видные деятели национальной истории как один из старейших лидеров грузинских меньшевиков, депутат Государственной Думы 1-го созыва в 1906 г., член Исполкома Петроградского Совета в 1917 г., член Учредительного Собрания в 1918 г., постоянный представитель Грузинской Демократической Республики в Абхазии в 1918–1920 гг. Исидор Иванович Рамишвили (1859–1937)²¹, а также бывший нарком юстиции в 1921 г. и глава Правительства Грузинской ССР в 1922–1923 гг. Сергей Иванович Кавтарадзе (1885–1971)²².

Однако постоянная грузинская община Оренбуржья сформировалась только в 1930-е годы в связи с развитием советской системы профессиональной подготовки и распределения кадров, осуществлением масштабных строек в рамках форсированной индустриализации.

Если в 1926 г. на территории Оренбургского края проживали всего 29 грузин (0,004 %), то к 1939 г. их численность возросла до 201 человека (0,01 %) ²³.

Перед Второй мировой войной в 1930-е годы проходили подготовку в Оренбургской лётной школе будущие Герои Советского Союза Александр Ермолаевич Гургенидзе (1916–1975) и Шалва Нестерович Кирия (1912–1988), дослужившийся до генерал-майора авиации ²⁴. Во время Великой Отечественной войны на территории Оренбургского края строительством промышленных объектов и железных дорог занимались рабочие колонны №№ 1553 и 1554, сформированные в городе Кутаиси преимущественно из лиц грузинской национальности, которые внесли свой весомый вклад в победу над фашизмом, обеспечение тыла и фронта необходимой продукцией ²⁵.

В послевоенный период численность грузинского населения в Оренбургской области продолжала возрастать, особенно с 1970-х годов: в 1959 г. – 393 человека (0,02 %), в 1970 г. – 385 человек (0,02 %), в 1979 г. – 595 человек (0,03 %), в 1989 г. – 862 человека (0,04 %) ²⁶. Своим трудом, знаниями и талантом грузины способствовали развитию различных отраслей региональной экономики и социальной сферы, в том числе медицины. Среди крупных деятелей здравоохранения можно отметить одного из организаторов травматологической поликлиники в Оренбурге, доктора медицинских наук, профессора, грузина Георгия Андреевича Бебуришвили и заведующего кафедрой пропедевтики внутренних болезней Оренбургского государственного медицинского института в 1958–1967 гг., доктора медицинских наук, профессора, автора более 120 научных работ по сердечно-сосудистой медицине, грузинского еврея (эбраэли) Казимира Иосифовича Элигулашвили.

С распадом Советского Союза, ухудшением социально-экономической ситуации и возникновением внутренних военных конфликтов в Грузии наметился отток части её населения в Россию, в том числе и Оренбургскую область. В результате численность грузин в регионе к 2002 г. достигла своего исторического максимума в 1191 человека (0,05 %) ²⁷. Однако к 2010 г. их количество постепенно сократилось до 865 человек (0,04 %) ²⁸ в связи с перетеканием в другие регионы страны, а также отчасти процессами ассимиляции и смены этнической самоидентификации.

Несмотря на относительно небольшую численность и долю в общем населении региона современная грузинская диаспора Оренбург-

ской области по-прежнему представлена яркими именами. Среди них: крупный предприниматель, владелец Оренбургского молочного комбината и Сорочинского комбината хлебопродуктов, генеральный директор Бузулукского элеватора Гоча Годердзиевич Заридзе; учёный, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии переработки и сертификации продукции животноводства Оренбургского государственного аграрного университета Гоча Мирианович Топурия; спортсмены, игроки Футбольного клуба «Газовик» Зураби Малхазович Арзиани, Владимир Олегович Гогберашвили и др. Для объединения усилий в решении проблем местной диаспоры 17 апреля 2006 г. была зарегистрирована Оренбургская областная национально-культурная общественная организация «Грузинская община «Мегობроба» («Дружба»)» под руководством Александра Григорьевича Якобидзе.

Примечания:

1. Гогитидзе М. Военная элита Кавказа. Т. 1: Генералы и адмиралы из Грузии. – Тбилиси: Йота, 2007. – С. 23, 136, 252; Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Баратаев Иван Михайлович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. / Гл. ред. М. А. Ильгамов. Т. 1: А–Б. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – С. 319.
2. Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии. 1795–1827 [послел. и коммент. Л. Марушвили]. – М.: Прогресс, 1969. – 198 с.
3. Rayfield D. The Literature of Georgia: A History. 2nd ed. – New York: Routledge, 2000. – P. 142–143.
4. Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921). Биографический справочник. – Киев, 2001. – С. 161.
5. Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1865–1866 гг. Часть II. Власти и места управлений губернского, областного, окружного, городского, уездного и ведомства их. – СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук, 1865. – С. 199.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 7. Д. 536.
7. Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1880 г. Часть II. Власти и места управлений губернского, областного, окружного, городского, уездного и ведомства их. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1880. – С. 167.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального Статистического Комитета МВД. Под ред. Н. А. Тройницкого. Том XXVIII. Оренбургская губерния. – СПб.: Типография Товарищества «Художественной Печати», 1904. – С. 57.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального Статистического Комитета МВД. Под ред. Н. А. Тройницкого. Том XXXVI. Самарская губерния. – СПб.: Паровая Скоропечатная П. О. Яблонского, 1904. – С. 58.
10. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 7, 11, 33, 42, 264, 282, 340, 341, 343, 347, 351, 352, 353, 354,

363, 384, 395, 402.

11. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 340. Л. 12, 16, 269–274.

12. Уратадзе Г. Воспоминания грузинского социал-демократа. – Standford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1968. – С. 77.

13. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 42. Л. 527–528.

14. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 340. Л. 269–274.

15. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 402. Л. 1–15.

16. Улигов У. А. Солдаты Октября: Историко-биографические очерки. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 200.

17. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 42. Л. 358–359.

18. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 7. Л. 6–6 об., 9.

19. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 42. Л. 362–363.

20. Сафонов Д. А. Пробуждение: революция 1905–1907 и Оренбуржье. – Оренбург: Оренбургская губерния, 1996. – С. 16–27.

21. Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912-й год. Издание Губернского Статистического Комитета. – Оренбург: Губернская типография, 1912. – С. 26, 54; Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1915-й год. Издание Губернского Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Д. Х. Мазина, 1915. – С. 44, 51, 58, 71, 86; Ганин А. В., Семёнов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С. 258.

22. Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург, 1999. – С. 313.

23. Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. – М.: Праксис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. – С. 369, 612.

24. Асатиани В. В. Серго Кавтарадзе. Биографический очерк. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1968. – 79 с.

25. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Оренбургская губерния [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=375 (дата обращения: 04.10.2013); Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России. Чкаловская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=59 (дата обращения: 04.10.2013).

26. Цкитишвили К. В., Чинчилакашвили Т. Г. Герои Советского Союза из Грузии. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1981. – С. 129–130, 187–188.

27. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИИО). Ф. 371. Оп. 5. Д. 122. Л. 11, 13, 38; Оп. 6. Д. 426. Л. 4, 16–25; Оп. 7. Д. 540. Л. 76–79; Оп. 8. Д. 815. Л. 43–46.

28. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=53 (дата обращения: 04.10.2013); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=53 (дата обращения: 04.10.2013); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регио-

нам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=51 (дата обращения: 04.10.2013); Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=51 (дата обращения: 04.10.2013); Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=53 (дата обращения: 04.10.2013).

Амелин В. В., Денисов Д. Н. (г. Оренбург)

ВЕРУЮЩИЕ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ (СЕРЕДИНА XVIII – НАЧАЛО XXI ВЕКОВ)*

Первые армяне на территории Оренбургского края появились одновременно с началом его широкомасштабного правительственного освоения. Ещё согласно привилегии императрицы Анны Иоанновны от 7 июня 1734 г. в будущем городе Оренбурге разрешалось «армянам ... приходить, селиться, жить, торговать, и всяким ремеслом промышленять, и паки на свои прежняя жилища отходить свободно и невозбранно без всякой опасности и удержания»¹. В Российской империи высоко ценились армянские ремесленники, которые, в частности, считались прекрасными ткачами. Ещё в 1769 г. на Южном Урале открыли 2 текстильные фабрики: в Оренбурге армянин Макар Макаров и на Чебеньковских хуторах татарские предприниматели, которые наняли 4 армянских мастеров Гургена Степанова «с товарищи» для производства александрийской пестряди, кумача, китайки, хама и других тканей². Местные власти для развития торговли с народами Казахстана и Средней Азии также были заинтересованы в купцах, которые не спешили селиться на отдалённой окраине из-за угрозы набегов со стороны кочевых народов и риска нападения на караваны в степи. Поэтому первый оренбургский губернатор (1744–1758 гг.) И. И. Неплюев стал активно привлекать в регион из соседней Астраханской губернии армянских торговцев, уже имевших налаженные экономические связи со странами Востока. По преданию, для армян

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 13-11-56005.

даже начали строить в Оренбурге собственный храм, который, впрочем, за их малочисленностью не был окончен, а обращён позднее в православную Петропавловскую церковь³. Тем не менее, во второй половине XVIII в. армянские торговцы регулярно отправляли из Оренбурга свои караваны в Бухару, Хиву и другие города Средней Азии⁴. По состоянию на 1798 г. астраханские армяне арендовали 8 лавок на Оренбургском Гостином дворе и 9 лавок на Меновом дворе за рекой Урал⁵.

Однако и на протяжении всего последующего XIX в. армянское население Оренбуржья было незначительным и преимущественно временным, включая приезжих торговцев, военнотружущих, ссыльных. Так, например, с 1833 по 1842 гг. будущий генерал-лейтенант Никита Макарович Калустов (Галустян) (1800–1872) состоял адъютантом при оренбургском губернаторе В. А. Перовском, управлял Оренбургским училищем земледелия и лесоводства, временно исполнял обязанности директора Неплюевского военного училища⁶. В 1846 г. по распоряжению начальника Кавказской области из Кизляра были сосланы на 10 лет в города Оренбургской губернии 10 армян и тезиков (персоязычных торговцев), «общающихся со злонамеренными людьми, участвующими в разных противозаконных поступках»⁷. Оренбургскую военную прогимназию окончил будущий генерал-майор Александр-Бек Агабан-Бекович Гаджаев (1864–?). По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Оренбургской губернии были отмечены всего 19 верующих Армянской Апостольской церкви⁸.

Лишь в начале XX в. временное армянское население Оренбуржья несколько увеличилось за счёт ссылки в удалённый от Кавказа регион участников набирающих силу национального и революционного движений. В 1903–1910 гг. на территорию губернии в административном порядке были высланы более 60 армян: будущий депутат Государственной Думы I созыва и кадет Христофор Иванович Багатуров (1861–?), члены нелегальной национально-освободительной партии «Дашнакцутюн» и другие политически неблагонадёжные лица⁹. Среди сосланных в регион оказались и 7 армяно-григорианских священников, в том числе высокопоставленных деятелей Церкви: викарий Эриванской епархии, архиепископ Сукиас Парзянц (1837–1914); Елизаветпольский викарий, председатель Елизаветпольского духовного армянского правления, архимандрит Беник; Александропольский викарий, председатель Александропольского духовного ар-

мянского правления, архимандрит Саак Багдасарян; приходские священнослужители Баграт Арзуманянц, Тер-Гевонд Вартанов, Амазасп Тер-Григорьянц, Тер-Саркис Тер-Эмануэлянц¹⁰. Однако из-за отсутствия в крае григорианских церквей они не имели возможности исполнять все религиозные обряды, предписанные им канонами. По состоянию на 1913 г. в губернии проживали 68 верующих Армянской Апостольской Церкви, в том числе в самом Оренбурге – 63 человека¹¹. В ноябре 1918 г. местная армянская колония впервые поставила перед Городской управой вопрос о выделении за плату на православном кладбище отдельного участка для погребения своих единоверцев площадью 24 кв. сажени (109 кв. м.), обязавшись огородить его и привести в порядок за собственный счёт¹². Но прежние органы местного самоуправления вскоре были ликвидированы пришедшей к власти партией большевиков.

В годы Гражданской войны освобождением от белогвардейцев городов Бугуруслан (23 октября 1918 г.), Бузулук (31 октября 1918 г.), Оренбург (22 января 1919 г.) и Орск (26 февраля 1919 г.) руководил советский военачальник, командующий 24-й дивизией (июль – ноябрь 1918 г.) и 1-й армией (декабрь 1918 г. – июнь 1919 г.) РККА, будущей нарком по военным и морским делам Армении (1922 г.) Гая Дмитриевич Гай (Гайк Бжишкян) (1887–1937). В 1920 г. в Оренбурге умер и был похоронен выдающийся армянский поэт и общественный деятель Ваан Терьян (Ваан Сукиасович Тер-Григорьян) (1885–1920), ехавший в Ташкент по заданию советского Наркомата иностранных дел.

Однако, несмотря на отдельные яркие фигуры, армянское население региона оставалось немногочисленным. В целом оно сформировалось только в 1930-е годы за счёт внутренних миграций, инициированных советским Правительством для обеспечения крупных социалистических строек, развития промышленности, профессиональной подготовки новых кадров и т. д. Например, в 1933–1937 гг. главным инженером и заместителем начальника строительства Блявинского медно-серного комбината (будущего города Медногорска) работал Павел Павлович Евангулов (Евангульянц) (1891–1937), расстрелянный в Оренбурге как жертва политических репрессий. В 1935 г. Оренбургское лётное училище окончил будущий Герой Советского Союза Ашот Джумшудович Каспаров (1909–1993). Если в 1926 г. Оренбургская губерния была домом только для 60 армян, то в 1939 г. Чкаловская (Оренбургская) область имела уже 288 жителей данной национальности¹³.

Ещё более возросла численность местных армян в послевоенный период на фоне дальнейшего развития внутренних интеграционных процессов между регионами СССР. В 1959 г. Оренбуржье насчитывало 650 армян, в 1970 г. – 715, в 1979 г. – 980, а в 1989 г. – 2055¹⁴.

Приезжающие в регион советские граждане армянской национальности вносили весомый вклад в развитие науки, высшего образования и культуры региона.

Так, во время Великой Отечественной войны с 1941 г. по 1944 г. в Чкалове (ныне Оренбурге) доктор медицинских наук, профессор Ашот Микаелович Гаспарян (1902–1970) возглавлял эвакуированный Харьковский медицинский институт, на основе которого в 1944 г. был открыт Чкаловский (Оренбургский) мединститут. Доктор сельскохозяйственных наук, профессор Константин Арутюнович Акопян (1901–1974) в 1937–1958 гг. был заместителем директора по научной части Чкаловского (Оренбургского) научно-исследовательского института молочно-мясного скотоводства (ныне ВНИИМС), видным селекционером и одним из создателей новой мясной породы крупного рогатого скота – казахской белоголовой, а в 1958–1974 гг. заведовал кафедрой крупного скотоводства Оренбургского сельскохозяйственного института. Организатором и первым заведующим кафедрой гидравлики, гидравлических машин и теплотехники Оренбургского политехнического института в 1977–1978 гг. стал кандидат технических наук, доцент Ваник Гарегинович Аванесян (1934 г. р.). В ходе научной экспедиции 1982 г. московский профессор, доктор геолого-минералогических наук Рафаэль Овсепович Хачатрян (1925–2005) открыл на территории Первомайского района Оренбургской области Зайкинское нефтегазоконденсатное месторождение, промышленная эксплуатация которого началась в 1987 г. Первым заведующим кафедрой всеобщей истории в Оренбургском педагогическом институте с 1980 г. работал кандидат исторических наук, доцент Мамикон Степанович Акопян (1916–2005). Наконец, со времени организации в 1996 г. заведующим кафедрой электромеханики Оренбургского государственного университета является доктор технических наук, профессор Николай Гагикович Никиян (1937 г. р.).

Облик Оренбурга во многом определили постройки, спроектированные под руководством архитектора Вазгена Григорьевича Захарова (1952 г. р.), в том числе при участии Александра Айрапетова и Владимира Мирзоянца: административно-учебный корпус Оренбургского государственного аграрного университета (2002–2005 гг.), здание

«Сбербанка» напротив Драмтеатра (2003 г.), Жилой комплекс «Башни Форштадта» (2003–2006 гг.), ТЦ «Снегири» (2007 г.), здание Управления капитального строительства и Управления градостроительства и архитектуры на ул. Цвиллинга (2000–2010 гг.), застройка 17-го микрорайона в Северо-восточном жилом районе (с 2004 г. по настоящее время).

Между тем, разрушительное Спитакское землетрясение 1988 г., Карабахский конфликт 1987–1994 гг., экономический кризис, обусловленный распадом СССР в 1991 г. и блокадой Армении со стороны Турции и Азербайджана, привели к массовому исходу армянского населения из Закавказья в Россию. Если на 1989 г. в Оренбургской области числилось 2055 армян, то в 2002 г. – уже 10574 представителя этой национальности. Правда, по мере стабилизации экономического и политического положения взрывной рост армянского населения в Оренбуржье прекратился, а перепись 2010 г. зафиксировала в регионе практически ту же его численность, что и предыдущая – 10547 человек¹⁵.

Если в атеистическом Советском государстве легальная организация религиозной жизни немногочисленных оренбургских армян была невозможна, то в новой демократической России это стало не только доступно, но и жизненно необходимо для сохранения в многократно возросшей диаспоре духовной культуры, традиций, национального языка. В этих целях 29 декабря 1997 г. в городе Оренбурге была зарегистрирована Местная религиозная организация «Сурб Рипсимэ» (Святой Рипсимэ) Армянской Апостольской Церкви по адресу: ул. Уральская, д. 59. В 1998 г. общине под строительство собственного храма выделили участок земли по улицам Ленинградской и Братьев Знаменских, в парке имени 50-летия ВЛКСМ. В 1999 г. на заседании Градостроительного Совета г. Оренбурга был одобрен разработанный архитектором С. Смирновым эскизный проект, который предполагал возведение на этой территории не только армянской церкви с традиционной отделкой розовым туфом, резьбой и чеканкой, но также открытие воскресной школы, бесплатной столовой для нуждающихся, благоустройство парковой зоны. Руководители коммунальных предприятий («Водоканала», «Оренбургэнерго») сочувственно отнеслись к идее создания такого культурного центра и безвозмездно выполнили работы по подготовке проектной документации¹⁶. Однако из-за внутренних противоречий в самой общине и претензий на земельный участок со стороны одной из коммерческих организаций строительство комплекса так и не было начато.

После долгого застоя верующие 1 февраля 2005 г. на общем собрании приняли устав новой **Местной религиозной организации церковь «Сурб Арутюн» (Святого Воскресения) города Оренбурга** Ново-Нахичеванской и Российской Епархии Армянской Апостольской Церкви, которая была зарегистрирована 13 октября 2005 г. по адресу: ул. 9-го Января, д. 51 (фактический адрес – ул. Алтайская, д. 1, Национальная деревня, Армянское подворье). А прежнее объединение «Сурб Рипсимэ» было ликвидировано 1 сентября 2008 г.

Согласно уставу, утверждённому главой Ново-Нахичеванской и Российской епархии, епископом Езрасом Нерсисяном, **целью** новой организации «Сурб Арутюн» в г. Оренбурге является объединение граждан для совместного осуществления права на свободу вероисповедания и распространения вероучения Армянской Апостольской Церкви, формирования у верующих и своих членов умения и желания духовного и нравственного совершенствования, заботы о религиозном образовании и воспитании, осуществлении милосердия, благотворительности и миссионерской деятельности.

Исходя из этого, **задачами** объединения были определены:

- проповедь и распространение Священного Писания;
- воспитание верующих в чистоте евангельского учения и духовного единства;
- содействие возрождению и популяризации в обществе духовных ценностей;
- обучение и воспитание детей и молодёжи на основе христианского мировоззрения;
- осуществления миссионерской, евангелизационной и благотворительной деятельности и дел милосердия.

Соответственно, **основными формами деятельности** церкви являются:

- совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний в культовых зданиях и сооружениях, и на относящихся к ним территориях, в иных местах, предоставленных религиозными организациями в этих целях, в местах паломничества, в учреждениях и на предприятиях религиозных организаций, на кладбищах и в крематориях, а также в жилых помещениях;

- проведение религиозных обрядов в лечебно-профилактических и больничных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, по просьбам находящихся граж-

дан в помещениях, специально выделяемых администрацией для этой цели;

- организация и проведение концертов духовной музыки и пения, чтение лекций, демонстрация кино- и видеофильмов, проведение конференций и семинаров религиозного содержания, массовых евангелизационных и благотворительных мероприятий;

- организация воскресных школ и курсов по изучению Библии;

- издание и распространение христианской духовной литературы, подготовка видео- и аудиопрограмм по христианской тематике;

- организация и проведение благотворительных акций по оказанию гуманитарной помощи наименее защищённым слоям населения (инвалидам, пенсионерам, многодетным семьям, сиротам, одиноким гражданам и др.);

- организация и поддержка миссионерского служения.

Решение уставных задач в установленных формах деятельности должны обеспечивать **органы управления общины**: Приходское Собрание, Приходской Совет, настоятель церкви, староста, казначей и Ревизионная комиссия.

К исключительному ведению **Приходского Собрания** относятся:

- утверждение и изменение устава организации;

- избрание членов Приходского Совета, Ревизионной комиссии и утверждение их ежегодных отчётов;

- принятие решение о реорганизации или ликвидации местной церкви.

Приходской Совет избирается Приходским Собранием сроком на 2 года. В настоящее время председателем Совета является директор ООО «Армянский дом», председатель Ассамблеи народов Оренбургской области Геворг Рубенович Саркисян, а членами – владелец предпринимательского холдинга, председатель регионального отделения «Союза армян России», председатель Оренбургского областного Фонда армянской культуры «Терьян» Самвел Беникович Оганесян; директор ООО «Мир кровли» Михаил Карленович Марутян; директор ООО «Арсен» по торговле стройматериалами и сантехникой Наполеон Галустович Саргсян; директор ООО «Лерусар» по строительной отделке камнем, установке лестниц, балюстрад, печей и каминов Саркис Рубенович Снхчян; владелец ООО «Риф» Аршак Восканович Бадалян; Артур Людвигович Оганесян и Рубен Геворгович Саркисян.

В компетенцию Приходского Совета входит:

- рассмотрение и утверждение планов текущей деятельности церкви, годового бюджета и отчёта об его исполнении;
- образование учебных групп и курсов, учреждение СМИ, некоммерческих организаций, хозяйственных обществ и других организаций;
- проведение благотворительных и евангелизационных мероприятий;
- решение всех других вопросов, связанных с деятельностью церкви и не входящих в исключительную компетенцию Приходского Собрания¹⁷.

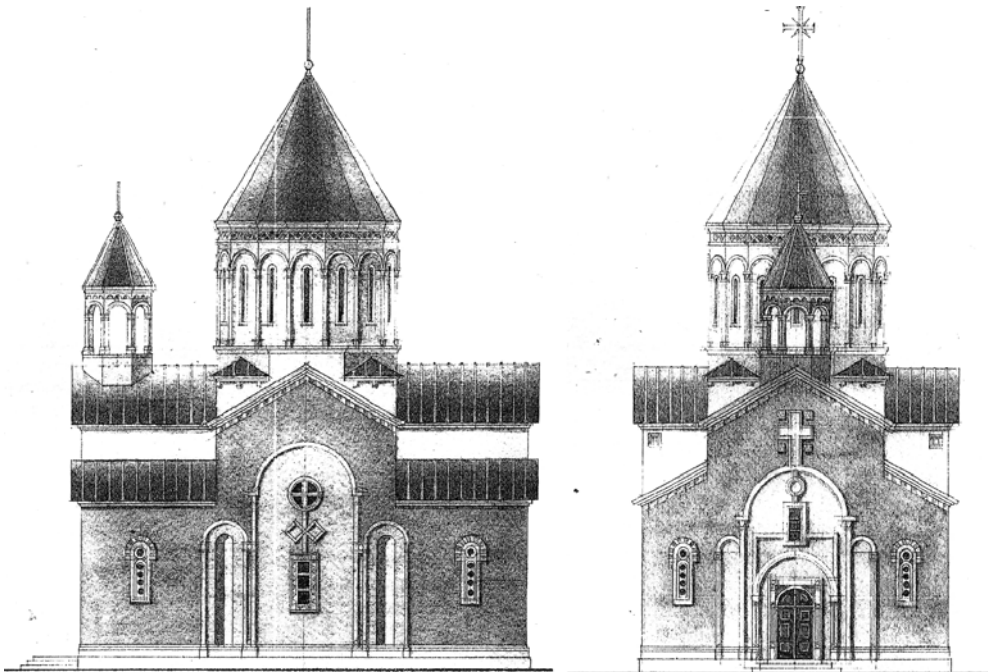
По заказу армянской религиозной организации г. Оренбурга был разработан новый архитектурный проект церкви и воскресной школы на выделенном прежде участке земли по улицам Ленинградской и Братьев Знаменских. Образован Попечительский Совет для решения всех финансово-хозяйственных вопросов, возникающих в процессе согласования и строительства храма. В него входят: Геворг Рубенович Саркисян, Самвел Беникович Оганесян, Михаил Карленович Марутян, Саркис Рубенович Снхчян, Аршак Восканович Бадалян, а также директор строительной компании «Ташир-Урал» Армен Григорьевич Багдасарян, директор ООО «Алмаз» по осуществлению асфальтоукладочных работ Армен Юраевич Атасян, первый заместитель генерального директора – главный инженер ООО «Строительная компания ГПДС» Мурад Кирович Мурадян, учредитель ИП по распилке древесины Роланд Зорикович Манукян, директор ООО «Соль-Илецкий кооперативный рынок» Саша Амаякович Мадоян, арбитражный управляющий Северьян Робертович Каграманов, Грачик Манучарян и Саят Багдасарян¹⁸.

Все первоначальные расходы по регистрации религиозной организации, уплате государственной пошлины, открытию расчётного счёта, размежеванию земельного участка под строительство церкви, постановке на кадастровый учёт, топографическим съёмкам, внесению объекта в градостроительный план, согласованию технических условий, электрического освещения, водоснабжения, газа, подготовке эскизного проекта храма, банковским услугам принял на себя один из армянских предпринимателей, который пожертвовал на эти цели 350 000 руб. В 2013 г. на строительство церкви в Оренбурге 20 армянских бизнесменов собрали ещё 409 400 руб. В июле 2014 г. была размечена площадка под будущий собор, в августе планируется заложить

и освятить его фундамент, а до конца года обнести участок забором. Предполагается, что строительство церкви займёт не менее 3 лет.

Армянская Апостольская Церковь признаёт крещение РПЦ. Поэтому при отсутствии в Оренбургской области собственного храма многие местные армяне крестят своих детей в православных церквях. Изредка для совершения таинств обращаются к армянско-григорианским священникам из Тольятти и других ближайших приходов Ново-Нахичеванской и Российской епархии.

Остаётся надеяться, что благодаря обновлению руководящего состава общины и заметной активизации её усилий возведение армянского храма в Оренбурге всё-таки будет доведено до конца, что позволит многочисленным верующим древней восточной церкви организовать полноценную религиозную жизнь в многоконфессиональном пространстве региона.

*Проект Армянской церкви «Сурб Арутюн» (Святого Воскресения)
в г. Оренбурге.*

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание первое. – Т. IX. – СПб., 1830. – № 6584.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 100. Л. 148–151.
3. Игнатъев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М. И. Роднов. Т. VII: 1880–1881 годы. – Уфа, 2007. – С. 271.
4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 215–217; Д. 194. Л. 109–109 об. и др.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 4 об. – 5, 10 об., 17 об., 19.
6. Меружаян А. Маршалы, генералы и адмиралы армянского происхождения в Санкт-Петербурге. – СПб.: Роза ветров, 2013. – С. 123.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 12431. Л. 1–2.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального Статистического Комитета МВД. Под ред. Н. А. Тройницкого. Том XXVIII. Оренбургская губерния. – СПб.: Типография Товарищества «Художественной Печати», 1904. – С. 58.
9. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 118; Оп. 4. Д. 55, 76, 131, 153, 261, 333.
10. ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 352, 358, 361, 362; Оп. 4. Д. 6.
11. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1241. Л. 5–6, 10.
12. Судоргина Т. В. Несколько свидетельств из жизни оренбургских армян // Вечерний Оренбург. – 2001. – 11 ноября. – № 45.
13. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Оренбургская губерния [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=375 (дата обращения: 04.10.2013); Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России. Чкаловская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=59 (дата обращения: 04.10.2013).
14. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=53 (дата обращения: 04.10.2013); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=53 (дата обращения: 04.10.2013); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=53 (дата обращения: 04.10.2013); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=51 (дата обращения: 04.10.2013).
15. Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=51 (дата обращения: 04.10.2013); Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=53 (дата обращения: 04.10.2013).

16. Каждому по вере его // Вечерний Оренбург. – 1999. – 17 февраля. – № 8; Моисеев Ф. Культурному центру быть // Вечерний Оренбург. – 1999. – 25 августа. – № 35.
17. Устав Местной религиозной организации церковь «Сурб Арутюн» (Св. Воскресения) города Оренбурга Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской Апостольской Церкви. – Оренбург, 2005. – 8 с.
18. О Церкви // Сурб Арутюн [Электронный ресурс]. URL: <http://surbarutyun.ru/index.php/sample-sites/parks/about-us> (дата обращения: 20.06.2014).

Амелин В. В. (г. Оренбург)

НОВЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ОРЕНБУРЖЬЯ: ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ

Постсоветские годы характерны для российского общества миграционными потоками, в результате чего в этнической структуре населения Оренбургской области появляются новые этнические группы. Однако ещё ранее, накануне распада СССР в Оренбуржье появились «новожители» – турки-месхетинцы. Кто они?

Ретроспективный взгляд в прошлое позволяет проследить историю этого народа, исповедующего ислам. В результате русско-турецких войн, которые Россия вела на Кавказе в XIX веке, заключённых договоров (к примеру, по Андрианопольскому мирному договору от 2 сентября 1829 г.) в состав Российской империи вошли 10 из 24 санджаков Ахыскинского пашалыка Турции. Это были земли исторического Самцхе – «страны месхов» – позже Месхети (ныне Адигенский, Ахалцихский и половина Аспиндзского района Грузии) и Джавахети (ныне вторая часть Аспиндзского, Ахалкалакского, Богдановского районов Грузии), которые в качестве Ахалцихского уезда Тифлисской губернии стали частью Российской империи¹.

Следует отметить, что в истории мусульман это трагическая страница. Политика властей России была направлена на изменение этнического и конфессионального состава этого важного пограничного с Османской Турцией региона. Фактически курс был взят на выдавливание мусульман и колонизацию края христианским населением.

В 1828 г. главнокомандующий российской армией на Кавказе И. Ф. Паскевич издал распоряжение, позволявшее мусульманам, желавшим переселиться в Турцию, продавать их участки и недвижимость. Разрешалось это в 18-месячный срок, продав при этом недвижимость и взяв с собой движимое имущество. Ограниченность времени вы-

нуждала мусульманское население торопиться с продажей земли по явно заниженным ценам².

Одновременно с исходом мусульман из края сюда переселялись христианские колонисты. Однако российская администрация не очень то доверяла и грузинам. Когда Паскевичу были представлены жалованные грамоты грузинских царей на землю в Месхети, им было отказано. Решено было переселить на эти земли армян из Карской и Эрзурумской областей Турции (к 1830 г. – их было уже 35 тыс. чел.). Позже сюда переселились греки, курды, русские сектанты-духоборы (3 тыс. чел.).

Очередная русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела ко включению в состав России новых турецких областей Карса, Ардагана и Батума. Поэтому в 1870–1890-е годы последовала новая миграционная волна мусульман в Месхетию-Джавахетию. Накануне Первой мировой войны там проживало 56,2 тыс. турок (29,0 %) ³.

В первые годы советской власти для турок-месхенцев были открыты школы, дома культуры, стали выпускаться газеты на турецком языке. Специалисты, учителя приезжали из Азербайджана. Приветствовалось принятие турками грузинских фамилий. В 1930-х годах последовали репрессии. Немногочисленная интеллигенция подвергалась гонениям. Накануне Второй мировой войны в СССР насчитывались 87987 турок-месхетинцев.

По данным А. Юнусова, во время Великой Отечественной войны в рядах Советской Армии различных фронтах сражалось 40–46 тыс. турок, погибло от 24 тыс. до 26 тыс. человек, сотни были награждены орденами, медалями, а 8 месхетинцев стали Героями Советского Союза. Тем не менее, 24 июня 1944 г. Л. П. Берия обратился к И. В. Сталину с письмом о том, что в целях обеспечения безопасности советско-турецкой границы необходимо выселить из приграничных районов всех турок, курдов и хемшинов. 31 июля 1944 г. Государственный Комитет обороны СССР принял решение о депортации 86 тыс. турок, курдов, хемшинов: в Казахстан (40 тыс.), в Узбекистан (30 тыс.) и в Киргизию (16 тыс.). Решение было жестокое, бессмысленное⁴.

1 ноября 1944 г. все шесть регионов Месхетии были блокированы советскими войсками, а 15 ноября 1944 года началась депортация. Разговор был кратким: «Вас высылают. Собирайтесь. Еды возьмите на 3 дня. На сборы 2 часа». Депортации подвергались и служившие в армии (2517 человек, в том числе 24 офицера). Скучное питание, тя-

жёлые бытовые условия, отсутствие медицинского обслуживания не могли не сказаться на здоровье людей⁵.

Лишь 28 апреля 1956 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, на основании которого были сняты ограничения о спецпоселении турок-мехетинцев, крымских татар, балкарцев и других ранее выселенных народностей. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года было разъяснено, что турки-мехетинцы пользуются всеми правами советских граждан и могут проживать на всей территории Советского Союза, в том числе и в Грузинской ССР в соответствии с законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме⁶.

После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года возникает так называемое «мехетинское движение». С этого времени некоторые коммунисты, Герои Социалистического Труда, участники Великой Отечественной войны и другие заслуженные люди из их числа стали обращаться с просьбой о возвращении турок-мехетинцев к прежним местам жительства.

В 1981 году представителями этой национальности был образован Среднеазиатский Временный организационный комитет освобождения (ВОКО), куда вошли 20 человек, и Бюро из 12 человек во главе с жителем Кабардино-Балкарской АССР Сарваровым Юсуфом. Однако в феврале 1986 года в с. Нартан Урванского района Кабардино-Балкарской АССР под руководством Сарвара Юсуфа прошло очередное собрание мехетинцев, где было принято решение о роспуске ВОКО. Его «председатель» Одабашев был освобожден от исполнения обязанностей. Вместо распущенной организации сформирован Комитет народного представительства (КНП) во главе с Сафаровым Абузаром. 12 апреля 1987 года в том же районе Кабардино-Балкарии под руководством Сарварова Юсуфа состоялось новое собрание турок-мехетинцев. Неудовлетворенный деятельностью Комитета народного представительства Сарваров Юсуф объявил и об его роспуске, а сам возглавил ныне действующий так называемый Временный организационный комитет (ВОК).

Во время горбачёвской Перестройки Узбекистан стал центром активизации деятельности турок. Во многом это объяснялось тем, что их здесь проживало тогда больше всего. По данным последней советской переписи населения в январе 1989 г., на территории Узбекской ССР насчитывалось 160 тыс. из 207,5 тыс. человек (51 %), зарегистрированных в СССР в качестве турок-мехетинцев⁷.

Ответом советских властей на активность турок стали погромы в Узбекистане. В конце мая 1989 г. в Ферганской области республики, где проживало 16 тыс. турок, неожиданно обострились их отношения с узбеками. С 23 по 25 мая 1989 г. в г. Кувасае, а затем и в других местах области произошли массовые столкновения узбеков с турками, в результате которых с обеих сторон пострадало 58 человек.

В результате межэтнического конфликта из Узбекистана в регионы России было эвакуировано 16,2 тыс. человек, в том числе и в Оренбургскую область⁸. Если по переписи 2002 г. в Оренбуржье проживали 1119 турок, то в 2010 г. – 1156 представителей этой национальности, причём подавляющее большинство из них обосновалось в сельской местности. Так, в Бузулукском районе проживают 452 человека, в Грачёвском – 154, в Беляевском – 245, в Октябрьском – 96⁹.

Есть села, где турецкое население преобладает. Например, в Беляевском районе основная масса турок-месхетинцев появилась после трагических ферганских событий 1989 года. В посёлок Карагач приехало около 40 семей. Власть и местное население встретили их доброжелательно. Им были выделены пустующие дома на одной из улиц посёлка, предоставлена работа водителей, механизаторов и растениеводов. Сегодня в поселке проживает 1100 человек, в том числе 280 турок-месхетинцев (среди остальных жителей 50 % составляют русские и 50 % – казахов). Турки заключают браки только с представителями своей этнической группы. В каждой семье по 3–4 ребенка.

Заведующий сельским домом культуры Собир Амриев говорит, что он не в обиде на узбеков, по вине которых его семья оказалась в России. Целый народ нельзя обвинять в произошедшем. Собир благодарен русским, которые их приютили, помогли получить образование. Сам он окончил Оренбургское музыкально-педагогическое училище, его трое детей ходят в детский сад и школу. Вместе с односельчанами он несколько раз представлял культуру своего народа на межрегиональных праздниках в райцентре Беляевка¹⁰.

Говоря об отношении местного населения к туркам, можно утверждать, что оно вполне лояльное. На это есть несколько причин. Турки – такие же граждане России, как и другие односельчане. Вместе они пережили развал СССР, первые постсоветские годы «дикого рынка». По отзыву одного из старожилков, «турки живут не лучше, но и не хуже других односельчан, не пьют и много работают».

Пережив гонения, депортацию и этнические погромы, турки-месхетинцы, наконец, обрели в Оренбургской области свой новый дом, где проживают в мире и дружбе с другими народами региона.

Примечания:

1. Юнусов А. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. – Баку: Заман, 2000. – С. 48.
2. Договоры России с Востоком. – СПб., 1869.
3. Бугай Н. Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации (1944–1994). – М.: Издательский дом «РОСС», 1994.
4. Там же. – С. 54.
5. Там же. – С. 64.
6. Там же. – С. 66.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав Узбекской ССР. – М., 1990.
8. Амелин В. В. Конфликты через призму местных сообществ: научно-публицистические очерки. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2010. – С. 12.
9. Итого Всероссийской переписи населения 2002 г. по Оренбургской области (распределение населения по национальностям). – Оренбург, 2004.
10. Амелин В. В. Новые этнические группы в приграничье России: интеграция или сегрегация // Вестник Института Кеннана в России. – М., 2010. – Вып. 17. – С. 94.

Лутцев М. В. (г. Оренбург)

**РОССИЯ И КАВКАЗ: ХАРАКТЕР
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ,
ЗАВТРА (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ)**

Говоря о российско-кавказских отношениях, при всей их пестроте и многообразии, можно определить их как «неопределенные» и «неоднозначные». Данное выглядит необычным, учитывая их тесноту и длительность. Однако факт есть факт, игнорировать его не следует, остается лишь исследовать и анализировать.

Знакомство России с Кавказом началось более чем за тысячу лет до нашего времени. Еще в X веке великий воитель Восточной Европы Святослав в результате своих походов присоединил к нашей общей восточнославянской колыбели – Киевско-Новгородской Руси земли ясов (предков осетин) и касогов (предков адыгов и черкесов). Тмутараканское княжество, основанное Святославом, в течение двух сотен

лет было форпостом Руси на Кавказе. Развивались торговые и культурные отношения с единоверцами – армянами и грузинами. Однако затем, в силу ряда исторических обстоятельств, отношения Руси с Кавказом были прерваны на несколько столетий.

Второе же появление России на Кавказ началось с XVI в. В этот период в состав России вошла Кабарда (заметим, добровольно, на правах вассала). Позднее (тоже в целом добровольно), в состав России в XVIII в. входит Осетия (причем вся, как Северная, так и Южная), в начале XIX в. – Ингушетия, Карачай, Балкария, часть Дагестана. Добровольность вхождения во многом определялось тем, что подданство это было чисто формальным: горцы жили по своим законам (вернее обычаям), в их внутреннюю жизнь русская администрация до поры до времени не вмешивалась.

Вмешательства начались позже, когда в состав России вошел Южный Кавказ (Восточная Грузия – добровольно, Восточная Армения и Северный Азербайджан в ходе русско-иранской войны 1826–1828 гг.). Посреди русских владений оказалась фактически неконтролируемая территория Северного Кавказа. И русская администрация увидела абсолютную несовместимость образа жизни горцев, особенно в так называемых «свободных обществах», с законами и обычаями Российской империи.

Основным типом экономики для горцев были примитивное земледелие и экстенсивное скотоводство, а они не могло обеспечить всем необходимым растущее население. Отсюда выработался и другой, весьма специфический для ряда регионов Северного Кавказа (Чечня, горный Дагестан, территория адыгских племен) «тип экономики» – набеги. Этот «тип экономики» породил и особенности горского общества, никем не контролируемого, живущего не по какому-либо закону «цивилизованного общества», а по родовым обычаям, насквозь военизированного, в котором каждый мужчина был воином: жестоким, агрессивным, равнодушным к страданиям и своим и чужим. Набеги с последствиями – разбоем и грабежом соседей, угоном скота, похищением и продажей в рабство людей – стали реальной обыденностью жизни горцев. Объектом же набегов, как правило, становились те, кто вел более эффективное хозяйство, жил побогаче, с кого можно было «получить» побольше. Таковыми оказались, прежде всего, русские поселенцы, успешно осваивавшие плодороднейшие земли Кубани, Причерноморья, Предкавказья, а также союзные России «мирные» горцы. Примешивался и религиозный фактор – для мусульман-нео-

фитов, каковыми были горцы, грабеж и насилие в отношении «неверных» не только не считалось чем-то предосудительным, но, напротив, делом весьма достойным мужчины и воина.

Защитить от смерти, грабежа, пленения и продажи в рабство своих «старых» и «новых» подданных есть дело чести любого уважающего себя государства. Ответ насилием на насилие, кровью на кровь – только такой язык понимали горцы. У России не осталось никакого выхода, кроме как начать войну, длительную, тяжелую и кровопролитную, стоившую сотен тысяч жизней с обеих сторон и огромных материальных затрат.

Кровавую полувековую Кавказскую войну часто ставят в упрек России, обвиняя ее в колониальной экспансии. Это справедливо, но лишь отчасти. Иногда имперская жесткость есть явление необходимое. При более тщательном рассмотрении политики России на Кавказе, с этим следует, пожалуй, согласиться.

И здесь мы видим особенности «завоевания по-русски». С. Ю. Витте, сам живший на Кавказе и хорошо его знавший, писал «...хотя Кавказ и был покорен русскими солдатами, но громадное количество офицеров или начальников этих солдат были сами туземцы»¹. В борьбе с «немирными» горцами Россия искала (и нашла) себе союзников в лице, в том числе, и других горцев. Для этого она активно привлекала на свою сторону горскую элиту, подкупая ее деньгами, орденами, званиями. Мюриды Шамиля насмерть воевали с русскими «колонизаторами», но многие из них, при удобном моменте, переходили на их сторону, воюя уже со своими вчерашними соратниками. Из знатной горской молодежи был сформирован даже императорский конвой, абсолютно преданный своему новому повелителю. В армию горцев не призывали, но многие шли в нее добровольно. Воинственность бывших «немирных» горцев и их потомков пришлась очень кстати в других войнах, которые вела Россия, и показали себя горцы-мусульмане в них очень хорошо, воюя за христианского «Белого царя» в том числе и со своими единоверцами-турками. Уже на закате Российской империи, в годы первой мировой войны, из горцев была сформирована так называемая «Дикая дивизия», которой командовал брат Николая II великий князь Михаил Александрович, и в боях она проявила себя очень хорошо. Что же касается отношений русских властей с христианским населением Кавказа, то здесь опять обратимся к «Воспоминаниям» С. Ю. Витте, писавшего: «Наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью империи, и что к

христианскому населению Кавказа в особенности надо относиться так же, как к русским. В этом смысле они не делали никакой разницы между русскими и туземцами»².

И. Л. Солоневич, сравнивая имперскую колониционную политику Великобритании (по его мнению – одну из лучших в мировой истории) с российской, не идеализирует последнюю и во многом ее критикует. Вместе с тем, он подчеркивает, что в отличие от британской, российская политика не была основана на ограблении колониальных народов. Он пишет: «Россия завоевала Кавказ. Но ничья земля не была отобрана, на бакинской нефти делали деньги «туземцы» – Манташевы и Лианозовы, «туземец» М. Т. Лорис-Меликов стал русским премьер-министром, кавказские князья шли в гвардию. Общий стиль, средняя линия, правило, заключалось в том, что человек, включенный в общую государственность, получал все права этой государственности»³.

Разумеется, представить Российскую империю в идиллическом виде, как общий дом для всех ее народов было бы неверным. Нельзя отрицать, что межнациональные конфликты в России возникали не раз и далеко не всегда они разрешались мирным путем. В 1922 г. основатель Советского государства, первый председатель Советского Правительства В. И. Ленин, говоря о взаимоотношениях «большой» (русской) нации с нациями «меньшими» писал: «Мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилий, и даже больше того – незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилия и оскорблений»⁴. Он имел в виду войны, которые вели на Кавказе русские войска в XIX в.

Частично Ленин был прав. Когда рвавшиеся к власти большевики для завоевания авторитета среди нерусских народностей России, провозгласили «право наций на самоопределение», элиты многих народов России восприняли это как сигнал к действию. Центробежные тенденции взяли верх, и некоторые национальные окраины (в том числе и Кавказ), при активнейшей поддержке извне, со стороны как врагов России (Германии, Турции), так и ее вчерашних союзников (прежде всего Англии и Франции), объявили о выходе из состава России. Чем это закончилось – известно. Меньшевицкое правительство Грузии, получив независимость, сразу же поспешило лишить ее национальные меньшинства – абхазов и южных осетин, устроив настоящую резню этих народов. Армения и Азербайджан, руководимые, соответственно, дашнаками и мусаватистами, устроили настоящую вой-

ну между собой за Карабах. На Северном Кавказе сепаратизм горских народов проявился в стремлении создать (или правильнее возродить) на территории Чечни и Дагестана в 1918–1921 гг. независимое исламское государство – шариатскую монархию во главе с имамом Н. Гоцинским.

Именно поддержка национальных сепаратистских движений в немалой степени помогла победе большевиков над белыми, многие из которых выступали с лозунгом «Единой и неделимой России». В. Мединский, ссылаясь на Г. Дерлугьяна, свидетельствует, что большевикам удалось найти общий язык с мусульманскими авторитетами ряда регионов Северного Кавказа, а «зеленые» (мусульманские) партизаны Чечни и Ингушетии, действуя совместно с «красными» партизанами Кирова и Орджоникидзе изрядно помешали наступлению Деникина на Москву. Дашнаки, совместно с большевиками, обороняли Бакинскую коммуны от турок и мусаватистов, абхазские «ки-аразовцы» помогли подавить грузинских меньшевиков⁵. Однако, разгромив «белых» и достаточно окрепнув, большевики вновь объединили (в том числе и силой) большинство частей бывшей Российской империи, жестко подавив национальный сепаратизм.

В создании большевиками новое государство СССР приняли участие несколько «независимых» государств, в том числе и Закавказская Федерация. Формально все вошедшие в состав СССР были равноправны и имели право выхода из него, но реально же большевики не позволяли этого сделать даже в мыслях. Никогда еще в истории общего с Россией государства выходцы с Кавказа не поднимались столь высоко. Армянин Микоян, грузины Орджоникидзе и Енукидзе, мегрел Берия, наконец – полугрузин-полуосетин Сталин (Джугашвили) заняли высшие ступени во властной иерархии нового государства.

Впрочем, проблем, в том числе и национальных, в новом государстве хватало. Произвольное нарезание национальных границ в рамках единого СССР в дальнейшем привело к тому, что в ряде регионов, расположенных на границе расселения различных народов была заложена почва для межнациональных конфликтов. Уже в начале 20-х гг. XX столетия в СССР начала складываться практика репрессий в отношении некоторых народов, в том числе и их насильственного переселения. В годы Гражданской войны депортации подверглось, например терское казачество. В 1921 г. репрессиям и частичной депортации подверглись чеченцы за то, что часть их примкнула к вооруженным группам имама Н. Гоцинского. Самым беспощадным обра-

зом было подавлено восстание в Грузии в августе 1924 г. Сталин, делавший лишь первые шаги к тому, чтобы стать «великим вождем и учителем», заявил: «то, что произошло с Грузией, может повториться по всей России». Наконец – коллективизация начала 30-х годов и репрессии 1936–1938 гг. привели к росту напряженности среди населения Кавказа (как впрочем, и в других регионах).

Неудивительно, что после начала Великой Отечественной войны, особенно в период ее неудачного начала, многие представители северокавказских и закавказских народов переходили на сторону нацистской Германии, в составе «национальных» подразделений вермахта и СС участвовали в боевых действиях против вооруженных сил СССР и в карательных акциях против советских партизан и мирного населения оккупированных территорий. После окончания битвы за Кавказ и кратковременной оккупации некоторых регионов Северного Кавказа из родных мест было выселено 316 тыс. чеченцев, 83,5 тыс. ингушей, 63 тыс. карачаевцев, 81 тыс. калмыков, 33 тыс. балкарцев. Жестокость этих действий преподносилась отечественной пропагандой как ответ на сотрудничество депортированных народов с немецкими войсками. Разумеется, эти факты имели место в значительной степени, но при этом не было принято во внимание, что тысячи представителей этих народов сражались на фронтах, в партизанских отрядах, жертвовали жизнью во имя победы и не могли нести коллективную ответственность за пособников оккупантов.

Идеологией нового государства большевики объявили «пролетарский интернационализм» и «дружбу народов». За ширмой красивых деклараций о «союзе нерушимом республик свободных», сплоченных «великой Русью», происходило то, что из России и двух других восточнославянских республик – Белоруссии и Украины, самых развитых в СССР, бывших стеновым экономическим и политическим хребтом государства, изымались средства на дотации для развития других национальных «братских» республик. В результате, в СССР одновременно наблюдались две противоречивые тенденции. С одной стороны – уровень жизни в закавказских республиках и в национальных образованиях Северного Кавказа были значительно выше, чем в российском Нечерноземье, Поволжье, Урале, Центральном регионе. Торговцы в кепках типа «аэродром» из «братских» республик контролировали рынки во всей стране, строили коттеджи, покупали дорогие (по советским меркам) автомобили. В эпоху всеобщего дефицита всего и вся, на национальных окраинах существовало товарное изобилие (от-

носительное, конечно, в рамках советской экономики). Именно Кавказ стал родоначальником такого «несоветского» явления в экономике, как «цеховой» или «теневого бизнес», контролируемый пресловутыми «ворами в законе», в подавляющем большинстве кавказского происхождения. Наконец, в годы «застоя» с Кавказа в центральную Россию пришла и коррупция, почти забытая здесь еще с царских времен. Все это порождало закономерное недовольство населения «коренной», «русской» России и отнюдь не способствовало укреплению дружбы между народами СССР, что впрочем, заглушалось демагогическими декларациями советского руководства о СССР как «семье братских народов», живущих в мире и согласии.

Распад СССР кардинально изменил ситуацию на всем постсоветском пространстве. К власти в национальных республиках Закавказья пришли национальные элиты. Образованные ими этнократические кланы, объявили о разрыве прежних отношений с Россией и намерении строить национальные государства с привилегированным положением так называемой «титულიной» нации или вообще «этнически чистых». Русские же и так называемы «русскоязычные» в ряде этих молодых государства из «старшего брата» сразу превратились в людей второго сорта, оккупантов и т. д. Их сразу стали выдавливать из этих стран в Россию, причем формы этого давления были самыми различными: от ущемления русской культуры, образования на русском языке, запрета русского языка как языка национального общения, блокирования поступления русских и «русскоязычных» на некоторые должности в государственной службе в пользу граждан так называемой «коренной» национальности (Грузия, Армения). В самой же России навсегда померк образ типичного кавказца, как веселого, гостеприимного, щедрого человека, любителя роскошных застолий, пышных тостов и красивых русских женщин. Зато в обиход сначала правоохранительных органов, а затем и рядовых граждан прочно вошел термин «лицо кавказской национальности» с явно негативным подтекстом: если из Закавказья – то «торгаш» и «спекулянт», если с Северного Кавказа – то бандит, террорист и религиозный фанатик.

Распад СССР повлек за собой возникновение на «постсоветском пространстве» разнообразных этнополитических конфликтов: в Грузии (грузино-осетинский, грузино-абхазский), Азербайджане (армяно-азербайджанский в Карабахе). Порождены эти конфликты были, прежде всего, стремлением к выходу из состава одних государств и присоединения к другим или создания собственных государств. Ряд

потенциальных этнополитических конфликтов на территории бывшего СССР обусловлен стремлением пришедших к власти в некоторых странах этнократических элит укрепить свое политическое положение в стране за счет притеснения других народов и ущемления их прав, как это происходило практически во всех союзных и автономных республиках бывшего СССР.

Проблемы постсоветского распада коснулись не только республик Закавказья, но и автономий Северного Кавказа. Это выразилось, прежде всего, в росте национализма элит так называемых «титulyных наций», тесно связанного с религиозным экстремизмом. В пресловутые «лихие 90-е» хаос и разруха, поразившие Кавказ, были очень заметны даже на фоне аналогичных явлений в других регионах России.

Отдельного обсуждения требует ситуация, сложившаяся в 90-е годы в Чечне. Воспользовавшись распадом СССР и ослаблением федерального центра, прямо восприняв демагогический призыв Б. Ельцина «братъ суверенитета столько, сколько смогут переварить», к власти в этой бывшей автономии пришли радикальные национал-сепаратисты во главе с бывшим генералом Советской армии Д. Дудаевым, к которым впоследствии присоединились религиозные экстремисты и террористы не только с Кавказа, но и из других стран «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Российское руководство, озабоченное, прежде всего, борьбой за власть и разделом гигантской, оставшейся от Советского Союза собственности, пыталось заигрывать с сепаратистами, оставило на территории Чечни большое количество оружия и боеприпасов, позволив создать достаточно боеспособные вооруженные силы. Осознав угрозу, исходившую от «независимой Ичкерии» не только близлежащим регионам, но и всему Югу России, российское руководство попыталось силой подавить чеченский сепаратизм, введя вооруженные силы на территорию Чечни под лозунгом «защиты и поддержания конституционного порядка». Однако разрушенные и обескровленные «демократическими реформами» российская армия и другие силовые структуры в ходе так называемой «первой чеченской кампании» 1994–1996 гг. действовали в целом неудачно, несли большие потери, а если где и добивались успеха, то эти успехи перечеркивались весьма «странными», заслуживающими изучения и соответствующей оценки решениями политического и военного руководства тогдашней России – Б. Ельцина и его окружения (так называемой «семьи»). Как результат – заключение позорного для России Хасавюртовского соглашения, по которому российские силовые структу-

ры покидали Чечню, которая «де-факто» становилась независимой, хотя формально осталась в составе России и пользовалась всеми преимуществами этого положения. В результате – в период 1996–1999 гг. в Чечне власть перешла в руки одиозных руководителей наиболее крупных и влиятельных так называемых «незаконных вооруженных формирований» (фактически бандитских группировок) Ш. Басаева, С. Радуева, Д. Умарова, Хаттаба и прочих. Она стала настоящим криминально-террористическим анклавом на территории России, угрожавшим уже не только Югу, но и территориальной целостности всей России.

Подобное положение не могло продолжаться долго. Безнаказанность чеченских сепаратистов, к которым присоединились террористы и наемники со всего мусульманского мира, привела к вторжению боевиков Басаева и Хаттаба в Дагестан и «второй чеченской кампании» 1999 г. В отличие от «первой» кампании, вторая пользовалась поддержкой большей части российского общества (в том числе и на самом Кавказе), велась более продуманно, потери были меньше, а результат – разгром наиболее крупных чеченских бандформирований – был достигнут быстрее. Тем более что многие бывшие боевики, в силу ряда причин прекратили сопротивление, перешли на сторону «федеральных» властей и не только не подвергались репрессиям, но и вошли в систему власти (пример – отец и сын Кадыровы). И хотя наведение порядка в Чечне и близлежащих регионах затянулось на долгие годы, кавказский сепаратизм если не исчез окончательно, то в значительной степени приутих.

Впрочем, с окончанием «активной фазы» антитеррористической операции в Чечне, проблемы Кавказа не исчезли, и на смену одним проблемам пришли другие. Построение рыночной экономики и стремление к преобладанию «титულიной нации» благосостояния его гражданам (кроме, разумеется, элиты) отнюдь не дало. Напротив в результате фактического выдавливания русского и русскоязычного населения, как правило, самого образованного и экономически активного, в ряде республик экономическая и социальная ситуация значительно ухудшилась. Регион, как и ранее, в советский период, остается дотационным, то есть живет главным образом за счет отчислений из федерального бюджета. Однако средства, перечисляемые из «центра» до реального потребителя нередко не доходят, пропадая «по пути». Даже с учетом чудовищной коррупции по всей России, Северный Кавказ остается самым коррумпированным ее регионом. Эта коррупция имеет

свой «региональный» и «национальный» колорит, выражающийся в клановости и кумовстве различных чиновничьих группировок, связанных с преступными сообществами, а нередко контролирующих и возглавляющих их. Многие лидеры Северного Кавказа смотрят на федеральные дотации как на должное, само собой разумеющееся, как на своеобразную плату за лояльность, едва ли не дань побежденного победителю. И ведут они себя крайне вызывающе не только у себя «дома», но и в других регионах России, в том числе в Москве. Невероятно циничным, вызвавшим возмущение у жителей России выглядит заявление Р. Кадырова о том, что сильно пострадавший после двух войн Грозный был великолепно отстроен на «дары Аллаха».

Рост населения, бедность и безработица толкали и толкают выходцев из республик Северного Кавказа к выезду на заработки в другие регионы страны, среди которых основное место занимают, разумеется, мегаполисы и крупные города России, всегда испытывающие недостаток рабочих рук. Трудовые мигранты, в том числе и с Кавказа, работают в сферах, которые коренные жители этих регионов в силу ряда экономических и социальных причин занимать не спешат. В некоторой степени это позволяет решить проблему рабочих рук. Но вместе с тем, этнические трудовые мигранты наряду с несомненной пользой для российской экономики создали немало негативных явлений: этническую преступность, провоз в Россию антироссийской экстремистской литературы, оружия, наркотиков. Наконец северокавказские мигранты – основной объект для внимания со стороны правоохранительных органов на предмет особо тяжких уголовных преступлений (грабежа, разбоя, похищения людей, убийств), религиозного экстремизма и терроризма.

Отдельно следует сказать о кавказской молодежи. Выросшая в постсоветский период, не получившая «советского воспитания» пионерией и комсомолом, она в начале «нулевых» вырвалась «на свободу». Выехав с Кавказа в центр России, избавившись от опеки старейшин и других, признанных на исторической родине «авторитетов», молодые кавказцы принесли с собой некоторые странные формы поведения, резко отличающиеся от поведения «коренного» населения. Приезжая «в Россию», они часто ведут себя высокомерно, как завоеватели по отношению к побежденным, не желают подчиняться устоявшимся условиям существования, требуют от российского общества особого положения и возможности жить по своим правилам, вызывающим у «некавказцев» в лучшем случае недоумение. На самом Кав-

казе молодежь так называемых «титულных наций» – источник рекрутов для незаконных бандформирований и экстремистских религиозных организаций, а в «российских» регионах – частый и активный участник террористических и криминальных этнических группировок. Все это не может не раздражать коренное население, что находит выражение, в том числе и в актах насилия по отношению к мигрантам, примером чему служат события в ряде российских городов, в том числе в карельской Кондопоге, Москве, Пугачеве.

Говоря о проблемах Кавказа, следует помнить не только о проблемах Кавказа Северного, но и о взаимоотношениях с бывшими республиками, а ныне независимыми государствами Закавказья. Время, прошедшее после распада СССР, во многом все расставило на места, и новые государства в целом определили свою политику по отношению к России, а она к ним. Националисты-русофобы, борцы за демократию, за «права угнетенных наций», против «имперской политики» России давно утратили свой авторитет у населения, на смену им пришли политики-прагматики, строящие с Россией отношения исходя из принципа выгоды и целесообразности. Дружеские отношения «стратегического партнерства» у России сохранились с Арменией. В целом позитивно они развиваются и с Азербайджаном, хотя последний придерживается многовекторной политики. Значительно сложнее они складываются с Грузией, где по-прежнему сильны и преобладают антироссийские силы, активно поддерживаемые и финансируемые из-за рубежа. Наиболее обострились российско-грузинские отношения после пресловутой «революции роз», в ходе которой к власти в Грузии пришел ставленник США М. Саакашвили. Провоцируемые грузинским руководством различного рода крупные и мелкие антироссийские акции, в конечном счете, привели к «войне 08.08.08», когда Грузия начала прямую военную агрессию против российских миротворцев и гражданского населения Южной Осетии. Россия, как страна защищающая жизнь и безопасность своих граждан и уважающая себя великая держава, вступилась за жертву агрессии. В ходе пятидневной войны грузинская агрессия была отражена, а бывшие грузинские «автономии» – Абхазия и Южная Осетия получили признание со стороны России как суверенные государства. Сегодня, после смены власти в Грузии, российско-грузинские отношения несколько смягчились, однако полностью не нормализовались и все еще создают напряженность на Южном Кавказе.

Таким образом, можно констатировать, что российско-кавказские отношения, прошедшие через несколько столетий в своем развитии, по-прежнему непростые. Россия, даже после распада СССР, остается многонациональным государством, желающим мира на собственной территории и нормальных отношений с соседями. Однако получается далеко не все, и внутренняя политика России на Северном Кавказе и отношения с закавказскими государствами во многом еще туманны, неконкретны и нуждаются в корректировке.

Примечания:

1. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. – М.; Таллин: Скиф Алекс, 1994. – С. 50.
2. Там же. – С. 46.
3. Солоневич И. С. Дух народа // Наш современник. – 1990 – № 5. – С. 149.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 45 (Март 1922 – март 1923). – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 359.
5. Цит. по: Мединский В. Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». – М.: ОЛМА Медиа групп, 2001. – С. 103.

Мишучков А. А. (г. Оренбург)

ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ РУССКИХ ИЗ ДАГЕСТАНА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аварский писатель, почти русский классик Расул Гамзатов обозначил свое кредо так: «Если бы не русский язык и не русская культура, то я был бы поэтом одного ущелья». В своем стихотворении «Мой Дагестан» он соединяет глубокую любовь к своей родине – Дагестану с любовью к России:

Когда я, объездивший множество стран,
Усталый, с дороги домой воротился,
Склонясь надо мной, спросил Дагестан:
«Не край ли далекий тебе полюбился?»

Когда утопал ты в слезах и крови,
Твои сыновья, говорившие мало,
Шли на смерть, и клятвой в сыновней любви
Звучала жестокая песня кинжала,

И все же, вернувшись к тебе из чужих,
Далеких столиц, и болтливых и лживых,
Мне трудно молчать, слыша голос твоих
Поющих потомков и гор горделивых¹.

Истоки взаимодействия русских и народов Дагестана относятся еще к VII–VIII векам, когда русские купцы вывозили на рынки Кавказа и Ближнего Востока меха, янтарь, воск и другие товары. Со второй половины XVI века, после присоединения Казанского, Астраханского и Тюменского ханств начинается активное заселение русскими течения реки Терек. В 1588 г. в её устье была построена русская крепость Терки (Терский город) для обороны южных границ Московского государства и как торговый форпост. Переселенцы получили в дальнейшем имя терских (по названию реки) и гребенских (в значении «горные») казаков, которые прибывали в край из самых различных мест России: Дона, Волги, Рязани, в том числе из местных народов.

По указу Петра I во время Персидского похода 1722 г. был заложен ряд опорных укреплений, расположенных вдоль морского побережья, на Астраханском полуострове, на реке Сулак, Орта-Бугам, Рубас. К 1735 г. было завершено строительство крепости Кизляр, ставшей крупным торговым и военным центром Северо-Восточного Кавказа.

В 1813 г., с подписанием Гюлистанского мира между Россией и Персией завершился процесс вхождения края в состав России. По данным генерал-губернатора Дагестанской области А. В. Комарова, из 449,5 тыс. человек всего населения Дагестанской области русские составляли 3,6 тыс. чел. или 0,8 %.

В конце XIX – начале XX вв. русские составляли около половины городского населения Дагестана. По материалам переписи населения Российской империи 1897 г., в Дагестанской области насчитывалось уже 16 тыс. русских, что составляло 2,8 % населения. К 1913 г. их количество в крае выросло до 41,7 тысяч человек, что составило 5,9 %.

Народы Дагестана получили возможность приобщиться к передовой русской науке, технике, культуре, литературе, просвещению, а через русский язык – к достижениям западноевропейской культуры. Мирный цивилизационный процесс взаимодействия русских и дагестанцев был осложнен Октябрьской революцией 1917 г., возрождением национализма, хозяйственной разрухой. Часть русских выехала из

края, но с восстановлением мирной жизни процесс миграции из центральных областей России продолжился, численность русских в Дагестане в 1926 г. составляла 65,7 тыс. человек, или 8,8 % населения. В 1939 году – 195,3 тыс. русских или 19,1 %. Доля в городском населении в Махачкале составляла 60 %, в Каспийске – 65,5 %².

Общая беда – гитлеровская агрессия сплотила русский и дагестанские народы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дагестан принял большое количество эвакуированного населения. К 1950 г. число русских достигло 213,8 тыс. человек, или 20,1 % населения республики. В связи с более низкой демографией количество русских по сравнению с местными народами начинает снижаться, одной из причин послужили землетрясения 1969–70 гг., когда выехала некоторая часть русских. К 1970 г. число русских составляло 209,6 тыс. чел., или 14,7 % населения. В 1989 г. русские составляли 9,2 % всего населения, 166 тыс. человек, а в 2002 г. – 121 тыс. человек, 6,2 %, соответственно. Сыграли роль чеченские военные компании, после которых из республики Чечни выехало более 320 тыс. русских, доля их в населении снизилась с 20 % до 4 %, осталось менее 40 тыс. человек. Также выросла в Дагестане смертность по отношению к рождаемости в два раза. В 1989 г. смертность составляла 12,3 человек на 1000 жителей, а в 1994 году – 16,7 человек на 1000 жителей. Официально в Дагестане проживает сейчас около 106 тыс. русского населения. Но, по мнению атамана Кизлярского казачьего округа Николая Спирина, русских в Дагестане в 2012 г. осталось не больше 40 тыс. человек: около 22 тыс. в Кизляре (общее население 47,8 тыс.), примерно 11 тыс. в Кизлярском районе и еще 7 тыс. в Тарумовском. В совокупности втрое меньше, чем по переписи 2002 г. Такие цифры можно назвать исходом русских с Кавказа.

Причиной миграции служит высокий уровень террористических угроз. «Более 98 % всех преступлений террористической направленности совершаются в СКФО, большая часть из них – в Дагестане», – сообщил первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета (НАК) Евгений Ильин в ходе конференции «Роль средств массовой информации и Интернета в предупреждении терроризма»³.

Важная причина отъезда – безработица, которая среди молодежи в Дагестане достигает 70 %. Об этом 8 ноября на Всероссийской конференции «Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя и взгляд извне» в Махачкале заявил заместитель директора Института истории, архео-

логии и этнографии Дагестанского научного центра РАН Магомед-Расул Ибрагимов.

Многие также уезжают из-за неуверенности в будущем своих детей, из-за нестабильной социально-политической ситуации в республике, обусловленной соседством с чеченским конфликтом, роста преступности, невозможности по причине этнического характера, конкурировать с титульными этносами в условиях новых, рыночных отношений, слабой представленности во властных структурах республик и престижных сферах занятости, отсутствия перспектив социального роста и улучшения материального благосостояния, полной незащищенности перед криминальными структурами. Одна из причин миграции – отсутствие у русских общинной защиты, в отличие от дагестанских народов, сохраняющих традиции кровной мести. У горцев есть кровная месть: возмездие со стороны родственников потерпевшего настигает злоумышленников быстрее и неотвратимее, чем российский закон. Тем более, что в МВД Дагестана в основном работают представители титульных наций. Проблема нарушения прав русских на Северном Кавказе вылилась в такое социальное явление как рабство, трудовая бесплатная повинность. С 2012 г. действует движение «Альтернатива» Олега Мельникова, который занимается вызволением русских людей из трудового рабства в Дагестане. Согласно статистике Международной организации миграции, в 2010 г. зафиксировано 103 случая рабства на территории страны и с россиянами – за пределами России. В 2011 году – 50, столько же – за девять месяцев 2012 г.⁴

В Дагестане создана Правительственная комиссия по проблемам русскоязычного населения, проводятся научные исследования с целью изучения социального положения русских в республике. Последний опрос в городах Махачкале, Каспийске и Кизляре более 200 человек русских, родившихся или живущих в Дагестане с детства, показал, что более 70 % респондентов полагают, что отношение к русским в республике в течение последних двух лет ухудшилось; более 50 % ощущают себя ущемленными в правах по сравнению с другими этническими группами. Ухудшается социальное самочувствие и этническая полноценность русского меньшинства в республике.

Основная же причина массовых миграций, охвативших все огромное политическое пространство бывшего СССР, как верно отмечает академик В. Тишков, – «это результат организованных кампаний, действий, призывов или откровенного попустительства со стороны тех, кто находится у власти на основе законных процедур или узурпиро-

вал эту власть... По характеру миграционных процессов можно судить о степени открытости и демократичности общества, о состоянии межэтнических отношений, о назревающих или уже явных этнических конфликтах»⁵. Этнократизация власти в Дагестане привела к тому, что бытовой национализм перерос в государственный, научная интеллигенция и этнически ориентированное руководство Дагестана культивирует русофобию. Может быть, избрание Р. Абдулатипова главой Дагестана временно ослабит эту тенденцию, но переломить в целом ситуацию без эффективной федеральной политики будет невозможно. Печальней всего то, что федеральные власти безразличны к положению русских на Северном Кавказе. За все время миграции не было принято ни одного решения Государственной Думы РФ в защиту прав русских и русскоязычного населения в республиках Северного Кавказа. Не было проведено ни одного парламентского слушания в Госдуме РФ по проблемам русского населения Северного Кавказа, несмотря на неоднократные обращения представителей Терского казачества и русской общины Чечни.

Еще одна причина миграции русских из Северного Кавказа – усиливающаяся исламская клерикализация общества и власти.

На 2013 г. в Дагестане насчитывается 2050 мечетей и 327 молитвенных комнат (пятничных-джума), 289 исламских образовательных учреждений, 16 исламских вузов с 52 филиалами, 141 медресе, 324 начальных школы при мечетях. Исламским образованием охвачено более 16 тыс. человек. Православных же церквей – всего 10, часовен – 8, монастырь – 1⁶. Православные приходы малочисленны, прихожане – в основном пожилое население.

Исламизация населения Дагестана по арабскому типу не привела к улучшению нравственного климата в обществе, а салафизм собрал под свои знамена активную молодежь, у которой нет доступа к реальным рычагам власти в республике. В полиэтничном Дагестане фактор «русского языка» как средства межнационального общения и интернационального воспитания постепенного заменяется арабским. Арабский язык становится силой сплочения молодежи. Тысячи молодых ребят сегодня вынуждены искать знания за пределами Дагестана, потому что дагестанская «интеллигенция» и официальное духовенство не способны дать того, что ищет молодёжь. Около 2,5 тыс. из них сейчас учатся в салафитских центрах Ближнего Востока. Официально собирает молодежь и проводит с ними работу салафитская организация «Ассоциация ученых Ахлю-сунна в Дагестане».

Руководитель группы мониторинга молодежной среды Республики Дагестан, эксперт Центра исламских исследований Северного Кавказа Руслан Гереев отмечает: «В республике не работает специальный орган исполнительной власти по национальной политике, отсутствует непосредственная работа с населением. Правительственная Комиссия Дагестана по вопросам русского населения не смогла построить свою работу должным образом, а по многим позициям даже ухудшила и без того нелегкое положение русских; не остановила отток населения из республики и не создала условия для возвращения выехавших русских. В итоге данные процессы приобрели этноконфессиональную остроту и стали социально опасным явлением. При этом отмечается рост влияния мусульманских религиозных общин – «джамаатов», создающего благодатную почву для развития экстремистских идей в форме самых радикального направлений – ваххабизма и салафизма»⁷. Происходит политизация ислама. Ярким примером политического мусульманского бренда является проект «Кавказский эмират», лидер – известный боевик Доку Умаров. Конечным и наиболее пагубным следствием моноэтнизации и политической исламизации Дагестана и всего Северного Кавказа может стать усиление «центробежных сил», то есть тенденций на выделение соответствующих территорий из состава РФ под лозунгами создания независимых национальных государств, чему есть предпосылки в либеральной Конституции РФ.

Необходимо признать, что миграция русских с Северного Кавказа подорвала основы легальной и легитимной реализации центральной политической власти РФ в этом регионе. Становится ясно, что полноценно государственное управление на территории Северного Кавказа, ее прочная интеграция в систему территориально-административных отношений РФ возможна лишь при признании за русскими государствообразующей, цивилизационнообразующей роли в ведущих политических и экономических процессах на территории Северного Кавказа. Необходимо на законодательном федеральном уровне принять Закон РФ «О русском народе», где в частности прописать, что русские являются полноправными субъектами межэтнических отношений на Северном Кавказе, выполняют роль арбитров в межэтнических столкновениях. Закон должен прописать социально-экономические, культурные и политические гарантии русскому этносу в Северо-Кавказском регионе в целях возвращения до прежнего уровня представленности в республиках.

Особенно это становится актуально в условиях информационной войны Запада против РФ с целью ее расчленения и превращения в слабую дезинтегрированную конфедерацию. Современные информационные войны – есть войны против идентичности людей. Глобализация в неолиберальном смысле есть стирание или сталкивание идентичностей у национальных культур ради выгод правящих мондиалистских элит – элит, потерявших кровную связь со своим народом. Идеологи Запада, типа З. Бжезинского, видят Россию частью атлантической цивилизации, «слабой конфедерацией с сервисной экономикой», где религия полностью дискредитирована. Нежелательным, по мнению западных геополитиков, является цивилизационный сценарий «нелиберальный интернационализм», когда все народы РФ объединятся вокруг православия и ислама с ценностной идентичностью, противоположной Европе: «соборность/индивидуализм, религиозность/атеизм, правдоискательство/законность, солидарность/эгоизм, нестяжательство/ростовщичество, коллективное ведение хозяйства/абсолютное право собственности, социализм/либерализм»⁸. Геополитическая задача православных и мусульман России – отстоять свое историческое прошлое ради будущего, свою духовную идентичность в условиях информационных войн «управляемого хаоса».

Таким образом, оценивая цивилизационный вклад русского народа в историю и культуру Дагестана, понимая глобальные вызовы со стороны мондиалистских элит, заинтересованных в разрушении этого цивилизационного союза и «атлантического» поглощения Кавказа и России, необходимы совместные усилия государства, институтов гражданского общества, кавказских диаспор в центральной части РФ в сохранении и развитии цивилизационного проекта «Россия», где Северный Кавказ входит органично в стратегию развития РФ, является гарантом ее интересов в Кавказском регионе.

Примечания:

1. Гамзатов Р. Покуда вертится Земля. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1976.
2. Алиева В. Демографические процессы в современном Дагестане. – М.: Наука, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://scubascuta.com/russkoe-naselenie-dagestana> (дата обращения: 14.10.2013).
3. Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekhokavkaza.com/archive/news/20131014/3235/2759.html?id=25136341> (дата обращения: 14.10.2013).
4. Современное рабство в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://pn14.info/?p=126109> (дата обращения: 14.10.2013).
5. Сайт академика В. А. Тишкова [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3publikacii3/kollektivn/puti_mira/_russkoe_na.html (дата обращения 14.10.2013).

6. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. – М.: ИЭА РАН; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. – С. 92.
7. Гереев Р. Положение русских в Дагестане: уход России с Кавказа [Электронный ресурс]. URL: <http://moidagedtan.ru/news/analytics/3733> (дата обращения: 14.10.2013).
8. Мямлин К. Е. Тайная формула Российской идентичности: «Нелиберальный интернационализм» // Наше дело. – 2012. – № 2 (10). – С. 24–29.

Сведения об авторах

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Ахмедова Разият Абдуллаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литератур народов Дагестана Дагестанского государственного университета (г. Махачкала).

Вагабов Махач Мустафаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Московского государственного индустриального университета (г. Москва).

Далгат Эльмира Муртузалиевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (г. Махачкала).

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Джанвелян Мариам Григоровна – студентка 2 курса направления подготовки «Экономика» профиля «Финансы и кредит» Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Димов Олег Дмитриевич – вице-губернатор – заместитель председателя Правительства Оренбургской области по внутренней политике (г. Оренбург).

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала (г. Оренбург).

Кидирниязов Даниял Саидахмедович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этног-

рафии Дагестанского научного центра Российской академии наук (г. Махачкала).

Лутцев Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Миронова Елизавета Александровна – студентка 4 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Мишучков Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Управления научных исследований Оренбургского государственного университета, докторант РУДН по кафедре истории философии (г. Оренбург).

Надршин Фарит Мадарикович – старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Семёнов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Семёнов Олег Владимирович – студент 1 курса направления бакалавриата «Социология» факультета социальной педагогики Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Юсифов Ровшан Шахинович – студент 6 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Научное издание

НАРОДЫ КАВКАЗА В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

*Материалы Всероссийской
научно-практической конференции,
посвящённой 200-летию
вхождения Дагестана в состав России*

ISBN 978-5-4417-0449-6

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 8,5. Тираж 200. Заказ 206.

Подписано в печать 00.10.2014 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26